ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

2026 | 16+
ISSN 2713-1688 (print)
ISSN 2713-1696 (online)

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

Международный научный журнал
Том 8 № 2

ETHNIC CULTURE

International academic journal
Vol. 8 No. 2

Этническая культура

Международный научный журнал
Том 8, № 2 | 2026

«Этническая культура» – междисциплинарный научно-практический рецензируемый журнал, представляющий результаты исследований в области этнических процессов и явлений. На страницах журнала публикуются статьи, проводятся дискуссии по широкому кругу проблем, касающихся методологических подходов к изучению этнических культур и их роли в истории человеческой цивилизации; различных аспектов межъязыковой и межкультурной коммуникации; вопросов сохранения культурных традиций в условиях глобализации и передачи этнокультурного опыта будущим поколениям.

Миссия журнала – предоставить возможность авторам ознакомить со своими идеями широкий круг профессионалов, а читателям – быть в курсе актуальных вопросов изучения, сохранения и развития этнических культур в современном мире.

ОСНОВНЫЕ РАЗДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

Этнография, этнология и антропология:
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография
- 5.6.1. Отечественная история

Языки и литературы народов мира:
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.4. Фольклористика
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Этнокультурные проблемы образования:
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования

Обзоры и рецензии

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Баскакова Наталья Ивановна, канд. филос. наук, доцент, ректор, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства, г. Чебоксары, Российская Федерация

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Арестова Вероника Юрьевна, канд. пед. наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОРРЕКТОР:

Фомин Эдуард Валентинович, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА:

Малышева Екатерина Андреевна

Наименование органа, зарегистрировавшего издание	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 09 октября 2019 года (Реестровая запись ПИ №ФС77-76946 от 09 октября 2019 г.)
DOI	10.31483/a-10883
Год основания	2019
Периодичность	4 раза в год
Учредители журнала	БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики; ООО «Издательский дом «Среда»
Издатель журнала	ООО «Издательский дом «Среда»
Адрес редакции и издателя	428023, Россия, Чувашская Республика, г. Чебоксары, ул. Гражданская, д. 75, офис 12
Сайт	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Телефон	+7 (8352) 655-731
Подписка и распространение	Подписка на журнал осуществляется через систему электронной редакции на сайте, а также по e-mail info@journalec.com. Свободная цена.
Типография	Студия печати «Максимум», 428023, Чебоксары, Гражданская, д. 75, тел.: +7 (8352) 655-047 Печать цифровая. Бумага офсетная. Формат 60×84 ⅛. Усл. печ. л. 7,44. Заказ К-1479. Тираж 100 экз.
Подписано в печать	25.06.2026
Дата выхода в свет	29.06.2026

Предназначено для детей старше 16 лет

Ethnic Culture

International academic journal
Vol. 8 No. 2 | 2026

Ethnic Culture is an interdisciplinary scientific and practical peer-reviewed journal that presents the results of studies in the field of ethnic processes and phenomena. The journal publishes articles and debates on a wide range of issues related to methodological approaches to the study of ethnic cultures and their role in the history of human civilization; various aspects of crosslinguistic and intercultural communication; issues of cultural traditions preservation in the context of globalization and the transfer of ethnocultural experience to future generations.

The mission of the journal is to provide an opportunity for authors to familiarize a wide range of professionals with their ideas, and for readers to be aware of current issues of studying, preserving and developing ethnic cultures in the modern world.

SECTIONS:

Ethnography, Ethnology and Anthropology:
- 5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography
- 5.6.1. Russian history

World languages and literature:
- 5.9.1 Russian literature and literature of peoples of the Russian Federation
- 5.9.2 Literature of the peoples of the world
- 5.9.4 Folklore studies
- 5.9.5 Russian language. Languages of peoples of Russia
- 5.9.8 Theoretical, applied and comparative-contrastive linguistics

Ethno-Cultural Problems of Education:
- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of professional education

Reviews and Critiques

CHIEF EDITOR:

Natalya I. Baskakova, candidate of philolosophic sciences, associate professor, rector, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, associate fellow of International Academy of Culture and Art, Cheboksary, Russian Federation

DEPUTY CHIEF EDITORS:

Veronika Yu. Arestova, candidate of pedagogical sciences, associate professor, leading research fellow, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

PROOF-READER:

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

COMPUTER LAYOUT:

Ekaterina A. Malysheva

Authority registered	Journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on October 9th, 2019 (Registry entry: ПИ №ФС77-76946 of 9 October 2019)
DOI	10.31483/a-10883
Year of Foundation	2019
Publication Frequency	Quarterly
Founders	BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs; LLC "Publishing house "Sreda"
Publisher	LLC "Publishing house "Sreda"
Postal adress	75 Grazhdanskaya St., office12, Cheboksary, 428023, Russian Federation
Web-site	https://journalec.com
E-mail	info@journalec.com
Tel.	+7 (8352) 655-731
Subscription and distribution	The journal content is free. Subscribe form on the web-site and via e-mail: info@journalec.com
Printing House	Print Studio «Maximum», 75 Grazhdanskaya St., Cheboksary, 428023, Russian Federation, tel.: +7 (8352) 655-047. Digital print. Offset paper. Format 60×84 ⅛. Conditional printed pages 7,44. Order К-1479. Circulation 100 copies.
Signed in the print	25 June 2026
Date of publication	29 June 2026

Designed for children over 16 years old

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна, д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока ФГБУН «Института востоковедения Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Салмин Антон Кириллович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет», г. Ташкент, Республика Узбекистан

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, профессор, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет» г. Душанбе, Республика Таджикистан

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Алдошина Марина Ивановна, д-р пед. наук, профессор, директор центра по взаимодействию с Российской академией образования, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, г. Орёл, Российская Федерация

Бакула Виктория Борисовна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой филологии и медиакоммуникаций, Мурманский арктический государственный университет, г. Мурманск, Российская Федерация

Берман Андрей Геннадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой отечественной и всеобщей истории, Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Российская Федерация

Бушуева Любовь Ивановна, канд. искусствоведения, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Годовова Елена Викторовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Давлетшина Лейла Хасановна – д-р филол. наук, ученый секретарь Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Российская Федерация

Давыдов Денис Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры социологии, политологии и менеджмента, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева – КАИ, г. Казань, Российская Федерация

Джунджузов Степан Викторович, д-р ист. наук, доцент, профессор кафедры истории России, Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург, Российская Федерация

Иванова Алена Михайловна, д-р филол. наук, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

Карпушина Лариса Павловна, д-р пед. наук, профессор кафедры художественного и музыкального образования, Мордовский государственный педагогический университет им. М. Е. Евсевьева, г. Саранск, Российская Федерация

Китинов Баатр Учаевич, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Краюшкина Татьяна Владимировна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник, заведующая Центром истории культуры и межкультурных коммуникаций Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО Российской академии наук, г. Владивосток, Российская Федерация

Куцаева Марина Васильевна, канд. филол. наук, научный сотрудник отдела урало-алтайских языков, Институт языкознания Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Лиходкина Ирина Александровна, д-р филол. наук, доцент кафедры французского языка, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Мосина Наталья Михайловна, д-р филол. наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, г. Саранск, Российская Федерация

Напольнова Елена Марковна, д-р филол. наук, доцент кафедры тюркской филологии Института стран Азии и Африки ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва, Российская Федерация

Ооржак Байлак Чаш-ооловна, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва (Кызыл)

Панькин Аркадий Борисович, д-р пед. наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Российская Федерация

Прохоров Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры документоведения и архивоведения, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

Рахманов Бахтиёр Рузикулович, д-р филол. наук, профессор кафедры мировой литературы Российско-Таджикского (Славянского) университета, г. Душанбе, Республика Таджикистан

Сапожникова Юлия Львовна, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры английского языка, Смоленский государственный университет, г. Смоленск, Российская Федерация

Сарбашева Алена Мустафаевна, д-р филол. наук, доцент, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Сафина Лилиана Михайловна, канд. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой русистики, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), г. Москва, Российская Федерация

Сивкина Наталья Юрьевна, д-р ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Института международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Султанбаева Клавдия Ивановна, д-р пед. наук, профессор кафедры дошкольного и специального образования, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан, Российская Федерация

Темербекова Альбина Алексеевна, д-р пед. наук, доцент, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск, Российская Федерация

Узденова Фатима Тауланова, д-р филол. наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований – Филиала Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, г. Нальчик, Российская Федерация

Ульмасова Замирахон Хабибуллоевна, д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой современной таджикской литературы, Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова, г. Худжанд, Республика Таджикистан

Федорова Светлана Николаевна, д-р пед. наук, профессор кафедры методологии и управления образовательными системами, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола, Российская Федерация

Фомин Эдуард Валентинович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, г. Чебоксары, Российская Федерация

Цаллагова Зарифа Борисовна, д-р пед. наук, ведущий научный сотрудник отдела Кавказа Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Эльбуздукаева Тамара Умаровна, д-р ист. наук, первый заместитель генерального директора, Музей Чеченской Республики, заведующая отделом истории народов Северного Кавказа Института гуманитарных исследований Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Российская Федерация

Юсупова Альфия Шавкетовна, д-р филол. наук, профессор кафедры общего языкознания и тюркологии, Институт филологии и межкультурной коммуникации Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань, Российская Федерация

Юша Жанна Монгеевна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории вербальных культур народов Сибири и Дальнего Востока Института филологии СО Российской академии наук, г. Новосибирск, Российская Федерация

Ягафова Екатерина Андреевна, д-р ист. наук, заведующая кафедрой философии, истории и теории мировой культуры, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация

EDITORIAL COUNCIL:

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Bailak C. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Anton K. Salmin, doctor of historical sciences, leading research scientist Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD:

Marina I. Aldoshina, doctor of pedagogic sciences, professor, director of the Center for Interaction with the Russian Academy of Education of the Orel State University named after I. S. Turgenev, Orel, Russian Federation

Viktoria B. Bakula, doctor of philological sciences, professor, head of the department of philology and media communications, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russian Federation

Andrey G. Berman, candidate of historical sciences, head of the department of national and universal history, Chuvash I. Ya. Yakovlev State Pedagogical University, Cheboksary, Russian Federation

Lyubov I. Bushueva, candidate of art history, senior research fellow of art history, Chuvash State Institute of Humanities of the Ministry of Education and Youth of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Elena V. Godovova, doctor of historical sciences, professor of the department of Russian History, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Leila K. Davletshina, doctor of philological sciences, academic secretary of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Denis V. Davydov, doctor of historical sciences, professor of the department of sociology, political science and management, Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI, Kazan, Russian Federation

Stepan V. Dzhunjuzov, doctor of historical sciences, associate professor, professor of the department of Russian history, Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russian Federation

Alena M. Ivanova, doctor of philological sciences, dean of the faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, I. N. Ulianov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

Larisa P. Karpushina, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of art and music education, Mordovian State Pedagogical Institute named after M. E. Evsevyev, Saransk, Russian Federation

Baatr U. Kitinov, doctor of historical sciences, leading research fellow of the department of Oriental History, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Tatiana V. Krayushkina, doctor of philological sciences, leading research fellow, head the Center for the Cultural History and Intercultural Communications of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East FEB RAS, Vladivostok, Russian Federation

Marina V. Kutsaeva, candidate of philological sciences, research fellow of the Ural-Altaic languages department, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Irina A. Likhodkina, doctor of philological sciences, associate professor of the Department of French, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Natalya M. Mosina, doctor of philological sciences, professor of the department of English for professional communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation

Elena M. Napolnova, doctor of philological sciences, senior lecturer of the departments of Turkic philology of the Institute of Asian and African countries, Moscow State Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Bailak Ch. Oorzhak, doctor of philological sciences, leading research fellow at the Tuva Institute for Humanities and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva (Kyzyl)

Arkadiy B. Pankin, doctor of pedagogical sciences, professor, head of chair, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russian Federation

Dmitriy A. Prokhorov, doctor of historical sciences, senior research fellow, associate professor of the department of documentation and archival science, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation

Bahtiyor R. Rakhmanov, doctor of philological sciences, professor of the Department of World Literature of the Russian-Tajik Slavonic University of Dushanbe, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Yulia L. Sapozhnikova, doctor of philological sciences, associate professor, professor of the Department of English Language, Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation

Alena M. Sarbasheva, doctor of philological sciences, associate professor, head of the sector of Karachay-Balkar Literature of the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Liliana M. Safina, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russian Federation

Natalia Yu. Sivkina, doctor of historical sciences, associate professor of the department of history of the ancient world and the middle ages of the Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

Klavdiya I. Sultanbaeva, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of preschool and special education, N.F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russian Federation

Albina A. Temerbekova, doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Gorno-Altaisk State University, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Fatima T. Uzdenova, doctor of philological sciences, senior research fellow at the Institute of Humanitarian Studies – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russian Federation

Zamirakhon Kh. Ulmasova, doctor of philological sciences, professor, head of chair of Modern Tajik Literature, Khujand State University named after Academician B. Gafurov, Khujand, Republic of Tajikistan

Svetlana N. Fyodorova, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of methodology and management of educational systems, Mari State University, honoured educator of the Mary-El Republic, Yoshkar-Ola, Russian Federation

Eduard V. Fomin, candidate of philological sciences, associate professor, head of the department of humanities and socio-economic disciplines, Chuvash State Institute of Culture and Arts of the Ministry of Culture, Ethnic Affairs and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation

Zarifa B. Tsallagova, doctor of pedagogical sciences, leading research fellow of the Caucasus Department of FPFIS Order of Peoples' Friendship "The Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology (IEA)", Moscow, Russian Federation

Tamara U. Elbuzdukaeva, doctor of historical sciences, first deputy general director, Museum of the Chechen Republic, head of department of the history of the peoples of the North Caucasus of the Institute of Humanitarian Studies of the Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Alfiya Sh. Yusupova, doctor of philological sciences, professor of the department of general linguistics and turkology, Institute of philology and Intercultural Communication of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russian Federation

Zhanna M. Yusha, doctor of philological sciences, lead research fellow of Laboratory of Verbal Cultures of the Peoples of Siberia and the Far East of the Institute of Philology of the SB of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

Ekaterina A. Yagafova, doctor of historical sciences, head of the department of philosophy, history and theory of world culture, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation

От редактора 7

Этнография, этнология и антропология

Научные статьи

Религиозные истоки и региональная специфика культуры меннонитов 8
Ю. В. Березина

Материальная культура карачаевцев и ее трансформация в условиях социокультурных процессов второй половины XX – начала XXI в. 14
Л. К. Текеева, Д. Д. Чотчаев, Ш. Х. Тамбиев

Этничность в городском пространстве: практики репрезентации и исследовательские подходы к изучению темы 21
Е. А. Ягафова

Языки и литературы народов мира

Научные статьи

Языковая инкорпорация в современном английском языке 27
И. Н. Дудий, И. А. Демидова, И. В. Островерхая

Агнонимы-англицизмы как коммуникативная проблема 35
И. В. Кочкарева

Русский язык в системе языковой политики Узбекистана: историческая трансформация и современное состояние 40
У. К. Худайбергенова

Рецепция Запада в поэтическом цикле Флора Васильева «Из норвежской тетради» 48
В. Л. Шибанов

Языковые средства выражения марксистской идеологии как аксиологической ориентации автора в пьесе «Сыновья и дочери» Джо де Графта и особенности их перевода на русский язык 53
А. И. Яковлев

CONTENTS

From the editor-in-chief 7

Ethnography, Ethnology and Anthropology

Research Articles

Religious Prigins and Specific Regional Culture of The Mennontes 8
Yulia V. Berezina

The Material Culture of the Karachai People and its Transformation in the Context of Socio-Cultural Processes in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Century 14
Larisa K. Tekeyeva, Dakhir D. Chotchaev, Shamil K. Tambiev

Ethnicity in Urban Space: Representation Practices and Research Approaches to Studying the Topic 21
Ekaterina A. Iagafova

World languages and literature

Research Articles

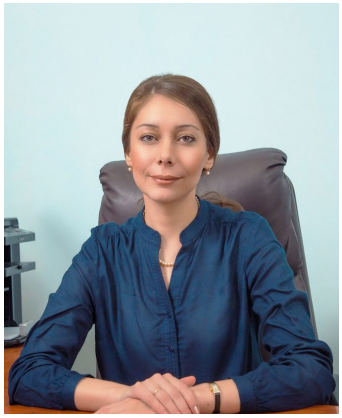
The Phenomenon of Linguistic Incorporation in Modern English 27
Inna N. Dudii, Irina A. Demidova, Irina V. Ostroverkhaia

Agnonyms-Borrowings from English as a Communicative Problem 35
Irina V. Kochkareva

Russian Language in the System of Language Policy of Uzbekistan: Historical Transformation and Current State 40
Umida K. Khudaybergenova

The Reception of the West in Flor Vasiliev's Poetic Cycle "From the Norwegian Notebook" 48
Victor L. Shibanov

Linguistic Means of Marxist Ideology Expression as Axiological Orientation of the Author in Joe De Graft's "Sons and Daughters" and the Peculiarities of Their Translation into Russian 53
Artem I. Yakovlev



Дорогие авторы и читатели!

В очередном выпуске нашего журнала опубликованы статьи, посвященные различным вопросам истории, языка, культуры и образования.

В разделе «Этнография, этнология и антропология» размещена статья Ю. В. Березиной «Религиозные истоки и региональная специфика культуры меннонитов», эмпирическую основу которой составляют уникальные устные свидетельства носителя нижненемецкого диалекта, зафиксированные в ходе полевого интервью 2018 года. Статья авторов Л. К. Текеевой, Д. Д. Чотчаева, Ш. Х. Тамбиева «Материальная культура карачаевцев и ее трансформация в условиях социокультурных процессов второй половины XX – начала XXI в.» написана на основе оригинального полевого материала, в ней подробно описано оригинальное карачаевское жилище, сочетающее в себе элементы горского кавказского и тюркского домов. В статье Е. А. Ягафовой «Этничность в городском пространстве: практики репрезентации и исследовательские подходы к изучению темы» проведен обстоятельный анализ отечественных и зарубежных исследований, посвященных процессам этнизации городской среды, практикам публичного представления этнической культуры, деятельности этнических общин и национально-культурных организаций.

В разделе «Языки и литературы народов мира» размещена статья В. Л. Шибанова «Рецепция Запада в поэтическом цикле Флора Васильева «Из норвежской тетради». Рассмотрение данного цикла удмуртского поэта, не нашедшего детального изучения в современном литературоведении, делает статью актуальной, подчёркивает её новизну. Статья У. К. Худайбергеновой «Русский язык в системе языковой политики Узбекистана: историческая трансформация и современное состояние» представляет интерес для специалистов в области языковой политики и языкового планирования, контактной вариантологии, этнографии и др. В статье авторов И. Н. Дудий, И. А. Демидовой, И. В. Островерхой «Языковая инкорпорация в современном английском языке» приведена типологизация инкорпоративных комплексов на структурном, семантическом и синтаксическом уровнях. Статья И. В. Кочкаревой «Агнонимы-англицизмы как коммуникативная проблема» представляет собой удачную попытку изучения агнонимов в связи с необходимостью исследования актуального лексикона современной языковой личности. Полученные автором данные подтверждают возможность применения модели для выявления основных факторов, влияющих на семантическую адаптацию англицизмов в лексиконе языковой личности, а также способов профилактики агнонимических ошибок. Статья А. И. Яковлева «Языковые средства выражения марксистской идеологии как аксиологической ориентации автора в пьесе «Сыновья и дочери» Джо де Графта и особенности их перевода на русский язык» вносит вклад в понимание механизмов функционирования слов-реалий в художественном тексте как имплицитных маркёров идеологической позиции автора.

Редакция и редколлегия выражают искреннюю благодарность всем внешним экспертам журнала, которые поделились своим профессиональным мнением о публикуемых материалах.

Дорогие читатели, авторы и рецензенты! Редакционный совет, научный коллектив и руководство Чувашского государственного института культуры и искусств желают вам крепкого здоровья, новых научных открытий и творческих свершений!

Баскакова Н. И.,
ректор Чувашского государственного института культуры и искусств,
кандидат философских наук

A FOREWORD FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Dear authors and readers!

The current issue of our journal features articles dedicated to various aspects of history, language, culture, and education.

In the section "Ethnography, Ethnology, and Anthropology," the journal presents an article by Yu. V. Berezina titled "Religious Origins and Regional Specificity of Mennonite Culture," whose empirical foundation is based on unique oral testimonies of a Low German dialect speaker recorded during a field interview conducted in 2018. The article by L. K. Tekeeva, D. D. Chotchaev, and Sh. Kh. Tambiev, "Material Culture of the Karachays and Its Transformation amid the Sociocultural Processes of the Second Half of the 20th – Early 21st Century," draws on original field materials and offers a detailed description of the traditional Karachay dwelling, which combines elements of both Caucasian mountain and Turkic domestic architecture. In her article "Ethnicity in Urban Space: Practices of Representation and Research Approaches to the Study of the Topic," E. A. Yagafova provides a thorough analysis of Russian and international scholarship on the processes of ethnicization of the urban environment, the practices of public presentation of ethnic culture, and the activities of ethnic communities and national-cultural organizations.

In the section "Languages and Literatures of the Peoples of the World," the journal features an article by V. L. Shibanov titled "Reception of the West in the Poetic Cycle 'From a Norwegian Notebook' by Flor Vasiliev." The examination of this cycle by the Udmurt poet, which has not yet received detailed scholarly attention, makes the article highly relevant and underscores its originality. The article by U. K. Khudaibergenova, "The Russian Language in the Language Policy System of Uzbekistan: Historical Transformation and Current Status," will be of interest to specialists in language policy and planning, contact variation studies, ethnography, and related fields. The article by I. N. Dudiy, I. A. Demidova, and I. V. Ostroverkhaya, "Linguistic Incorporation in Modern English," presents a typologization of incorporative complexes at the structural, semantic, and syntactic levels. The article by I. V. Kochkareva, "Agonyms-Anglicisms as a Communicative Problem," represents a successful attempt to study agonyms in the context of the need to examine the current lexicon of the modern linguistic personality. The data obtained by the author confirm the applicability of the proposed model for identifying the key factors influencing the semantic adaptation of Anglicisms in the lexicon of a linguistic personality, as well as methods for preventing agonymic errors. A. I. Yakovlev's article, "Linguistic Means of Expressing Marxist Ideology as the Author's Axiological Orientation in Joe de Graft's Play 'Sons and Daughters' and the Specificity of Their Translation into Russian," contributes to the understanding of the mechanisms governing the functioning of culture-specific realia words in literary texts as implicit markers of the author's ideological position.

The editorial office and editorial board extend their sincere gratitude to all external experts who have shared their professional assessments of the materials published in this issue.

Dear readers, authors, and reviewers! The editorial council, the academic staff, and the administration of the Chuvash State Institute of Culture and Arts wish you robust health, new scholarly discoveries, and creative achievements!

Natalia I. Baskakova,
rector of the Chuvash State Institute of Culture and Arts,
candidate of philosophical sciences

Научная статья

Религиозные истоки и региональная специфика культуры меннонитов

https://doi.org/10.31483/r-155274
УДК [279.12:316.722(=112.2)+811.112.3'282.2](477.75)(049.32)

Березина Ю. В.
Вятский государственный университет
г. Киров, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0003-6451-6508, e-mail: berezinalu@mail.ru

Резюме. Статья посвящена изучению крымских меннонитов, составляющих особую этнорелигиозную группу немецкого народа. Исследование ставит целью прослеживание историко-религиозной эволюции сообщества и определение степени ее влияния на этничность, языковую культуру и жизненный уклад участников группы. Эмпирическую основу работы составили воспоминания главы семьи, первым языком которого являлся нижненемецкий диалект в его устной форме. В исследовании изложена история меннонитства, определены основные особенности его локального бытования в Крыму, а также отмечена адаптация анабаптистских принципов к природно-хозяйственным и социокультурным условиям полуострова. Особое внимание в изысканиях уделено типологии группы, систематизации ее внешних и внутренних наименований, раскрытию ключевых маркеров религиозной идентичности и отношения к родному языку. Наряду с этим в работе охарактеризованы особенности уклада меннонитской семьи в контексте исторической общины. Результаты исследования демонстрируют глубокую взаимосвязь конфессиональной принадлежности и этнокультурных характеристик группы. Исторические изменения в идентификации группы свидетельствуют о сохранении четких границ сообщества. При этом язык остается ключевым признаком культурной преемственности. Владение родным нижненемецким диалектом выступает важным признаком самоидентификации даже в условиях отсутствия письменности. Нижненемецкий диалект к настоящему времени перестает существовать как средство повседневного общения, но сохраняется в качестве элемента культурной памяти и маркера этничности.

Ключевые слова: немецкий язык, нижненемецкий диалект, крымские немцы-меннониты, этнорелигиозная группа, меннонитство.

Для цитирования: Березина Ю. В. Религиозные истоки и региональная специфика культуры меннонитов // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 8-13. DOI 10.31483/r-155274. EDN AYLMDK

Research Article

Religious Prigins and Specific Regional Culture of The Mennontes

Yulia V. Berezina
Vyatka State University
Kirov, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0003-6451-6508, e-mail: berezinalu@mail.ru

Abstract. This article examines the Crimean Mennonites, a distinct ethnoreligious group of the German people. The study aims to trace the historical and religious evolution of the community and determine the extent of its influence on the ethnicity, linguistic culture, and lifestyle of the group's members. The empirical basis of the study is the memoirs of the head of the family, whose first language was the Low German dialect in its oral form. The study outlines the history of Mennonitism, identifies the main features of its local existence in Crimea, and notes the adaptation of Anabaptist principles to the natural, economic, and sociocultural conditions of the peninsula. Particular attention is paid to the typology of the group, the systematization of its external and internal names, and the identification of key markers of religious identity and attitudes toward their native language. The study also characterizes the lifestyle of the Mennonite family within the context of the historical community. The study's results demonstrate a profound interconnection between religious affiliation and the ethnocultural characteristics of the group. Historical changes in group identification indicate the preservation of clear community boundaries. Language, however, remains a key marker of cultural continuity. Proficiency in the native Low German dialect serves as an important marker of self-identification even in the absence of a written language. The Low German dialect is currently ceasing to exist as a means of everyday communication, but it persists as an element of cultural memory and a marker of ethnicity.

Keywords: German language, low German dialect, Crimean German Mennonites, ethno-religious community, Mennonitism.

For citation: Berezina Y. V. (2026). Religious Prigins and Specific Regional Culture of The Mennontes. *Ethnic Culture, 8*(2), 8-13. EDN: AYLMDK. https://doi.org/10.31483/r-155274

CC BY

Введение

Изучение языкового, культурного и исторического наследия немцев-меннонитов Крыма на протяжении длительного периода позволило сформировать устойчивую исследовательскую практику в области диалектологии[1] [Найдич, Либерт, 2020], социолингвистики[2], культурной антропологии[3] и истории[4] [Замуруйцев, 2023, с. 32–39]. Настоящая работа продолжает лучшие традиции российского меннонитоведения.

Цель исследования — проследить историко-религиозную эволюцию меннонитского движения и определить степень ее влияния на этничность, языковую культуру и уклад жизни семьи крымских этнических немцев-меннонитов.

Материал и методы исследования

В основу исследования легли устные свидетельства Владимира Карловича Ренпенинга. Информант — меннонит по происхождению, военный морской офицер, служил на Тихоокеанском и Черноморском флотах. С 1960 гг. проживал в Симферополе, служил в Севастополе. Капитан первого ранга, капитан-наставник Черноморского флота, депутат Госсовета Республики Крым.

В двухчасовом интервью, послужившим материалом работы, респондент раскрывает личный опыт и описывает традиции меннонитского сообщества. Основную часть его повествования составили развернутые монологи на нижненемецком диалекте и рассказы на русском языке. При этом немецкий стандартный язык использовался преимущественно для вкрапления отдельных формулировок. Также в ходе интервью респондент выстраивал небольшие тематические истории, переключаясь в рамках общего повествования между родным диалектом, стандартным немецким и русским языками. При этом им было подтверждено владение только устной бесписьменной формой родного диалекта, поэтому весь приводимый языковой материал на нижненемецком диалекте и на немецком языке зафиксирован в упрощенной фонетической транскрипции.

Первая беседа с респондентом была проведена в 2018 г. и позволила получить ценные сведения, которые легли в основу перечня задач, поставленных в данной работе: установить историю возникновения меннонитства и его места в системе христианских конфессий, описать историю локального сообщества меннонитов Крыма, выявить особенности внешней квалификации группы со стороны ее окружения, провести классификацию внешних и внутренних этнических наименований сообщества, раскрыть ключевые параметры религиозной идентичности и языковых установок группы, охарактеризовать особенности уклада меннонитской семьи в контексте исторической общины.

Статья посвящается памяти В. К. Ренпенинга.

Результаты исследования и их обсуждение

Меннониты — особая этноконфессиональная группа немцев. Согласно критериям, установленным А. Н. Ипатовым[5] и С. В. Соколовским[6], основой существования подобной группы является не численность, а наличие неизменной традиции передачи идентичности — устойчивой практики внутриконфессиональных браков, общего языка, религиозной приверженности, исторической памяти.

Предки крымских немцев-меннонитов — последователи движения радикальной и в некоторых источниках также умеренной Реформации, возникшего в XVI в. на территории Нидерландов. Основателем данного религиозного учения был фрисландский католический священник Менно Симонс (1496–1561), который соединил на основе своего вероучения мелкие разобщенные приходы анабаптистов, в переводе с греческого — перекрещенцев.

Протестантское вероучение и его направления стали объектами агрессивных нападок католической церкви в начале XVI в., что явилось причиной массового оттока меннонитов из Нидерландов в Восточную Фрисландию и в Северную Германию, а вспыхнувшие тяжелые вооруженные столкновения между католиками и протестантами — религиозные войны в Европе XVI–XVII вв. вызвали дальнейшую миграцию подвергавшихся преследованию римско-католической инквизиции меннонитских общин в Пруссию. Это территории Гданьского поморья, входившие в течение многих веков в состав различных государств и носившие разные названия, закрепленные той или иной исторической эпохой. Здесь были основаны поселения меннонитов, просуществовавшие сто лет. Неустойчивый правовой и экономический статус общин явился причиной переселения их в Россию. По разрешению русского правительства они с 1787–1789 гг. начинают селиться на юге империи, основав вначале Хортицкую колонию в Екатеринославской, затем Молочную в Таврической губерниях. Население общин росло. В 1917 г. количество меннонитов в России достигло ста тысяч человек[7].

[1] Жирмунский В. М. Немецкая диалектология. Москва ; Ленинград : Издательство АН СССР, 1956. 635 с.; Жирмунская Н. А. Архив В. М. Жирмунского: история и значение // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2005. Том 64, № 2. С. 75–82; Зиндер Л. Р., Строева Т. В. Современные немецкие диалекты и их отношение к литературному языку // Вопросы языкознания. 1960. № 3. С. 110–25; Пузейкина Л. Г. Фонетические особенности плаутдитч в Крыму: диахронический аспект // Acta Linguistica Petropolitana. 2015. Том 11, № 3. С. 98–110; Светозарова Е. Д. Морфология нижненемецких диалектов Крыма: традиции и инновации // Вопросы германской филологии. 2018. Выпуск 5. С. 142–155.

[2] Редькина Е. В. Социолингвистическая ситуация в немецких колониях Крыма (1920–1930-е гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9. 2010. Выпуск 2. С. 21–28; Назарова О. В. Межэтнические контакты в Крыму первой половины XX века: влияние на немецкие диалекты // Вопросы филологии. 2012. № 4. С. 65–72.

3 Найдич Э. Г. Культурный ландшафт Крыма: немецкие колонии и их наследие. Симферополь : Таврия, 2008. 215 с.; Либерт А. А. Религиозные традиции меннонитов Крыма: история и современность // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 54–62.

[4] Редькина О. Ю., Назарова Т. П. Меннониты в социально-экономическом и культурном развитии Причерноморья. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2019. 535 с.; Писаревский Г. Г. Избранные произведения по истории иностранной колонизации в России. Москва : Международный союз немецкой культуры, 2011. 224 с.

[5] Ипатов А. Н. Меннониты. Москва : Мысль, 1978. 213 с.

[6] Соколовский С. В. Меннониты в США (происхождение и эволюция этноконфессиональной общности) // Религии мира. История и современность. Москва, 1987. С. 67–87.

[7] Остроух И. Г., Шервуд Е. А. Немцы в России (исторический очерк) // Этнографическое обозрение. 1993. № 3. С. 43.

CC BY

Ю. Н. Лаптев указывает, что в конце 60-х годов XIX в. на имя Таврического губернатора меннонитами было прислано прошение с просьбой о разрешении переселения их на свободные земли в Крыму. Таким образом в 1862 г. в Симферопольском уезде основываются меннонитские колонии Карасан (в настоящее время с. Ровное Красногвардейского округа) и Спат (совр. поселок городского типа Гвардейское Симферопольского округа). Появившиеся на полуострове меннонитские поселения объединялись по этноконфессиональному признаку и имели статус религиозной общины наряду с сельской поземельной общиной[8].

Симферопольские меннониты вместе со своими соотечественниками-колонистами из Евпаторийского и Перекопского уездов объединялись в Спатскую меннонитскую общину. В 20-х годах XX в. они входили в состав Союза меннонитов Крыма, к которому относились 47 меннонитских деревень с населением в 5500 человек[9].

Переселенцы-меннониты в глазах окружающих характеризовались как крепкие хозяйственники, добросовестные труженики и грамотные организаторы. Они были хорошо образованными просвещенными людьми во многих отраслях знаний: от владения методами применения технических средств в сельском хозяйстве и создания гидротехнических сооружений до расчета капиталоемкости [Задерейчук, 2021, с. 86–89].

В 40-е годы XX в. немецкие поселения полуострова были упразднены, а большая часть немецкого населения депортирована в разные регионы СССР. Вследствие этого значительная часть этнических немцев, проживая рассеянно среди иноязычного населения, утратила родной язык.

Участник исследования сохранил родной язык благодаря переселению в возрасте трех лет со своей мамой в д. Неудачино Новосибирской области, в которой проживали близкие родственники. Его отец был расстрелян по приказу тройки НКВД. Повзрослев, женился на девушке из местной общины, с которой был знаком с раннего детства.

В Неудачино даже во времена пропаганды атеизма поддерживался традиционный уклад жизни меннонитской общины. Благодаря своей закрытости из-за религиозной приверженности и ее жестких предписаний поселенцы-меннониты в Сибири оказались более устойчивыми к разрушающей немецкий колорит реальности того времени, тем самым сохранив этническую идентичность и язык. Спустя много лет в конце 1960 гг. последовало возвращение респондента с семьей в Симферополь.

Итак, информант — носитель нижненемецкого диалекта, проживающий в Симферополе, потомок голландских анабаптистов, прибывших в Крым из Пруссии и Польши уже под именем меннонитов. В научной литературе их называют меннонитами России или российскими меннонитами, вместе с тем используется такое название как российские немцы-меннониты[10] [Назарова, Редькина, 2022, с. 215–224], немцы Крыма, крымские немцы (Krimdeutsche)[11], крымские немцы-меннониты, меннониты Крыма (Krimmennoniten)[12].

Себя анабаптисты изначально называли *Täufer* — крещенцы, крещеные, те, кто принял крещение по вере, осознанно, подготовленным. Это приверженцы движения крещенцев *Täuferbewegung* XVI в. Также у ранних анабаптистов было в ходу понятие *фэрбонд* (голл. *Verbond*), понимаемое как завет с Богом. Отсюда произошло их раннее самоназвание в виде *бондгеноты* ‘братья Завета’ (голл. *Bondgenoten*). Локально братья подразделялись на многочисленные религиозные общины, которые принимали имя того или иного ведущего проповедника и следовали выдвинутым им интерпретациям реформатского вероучения. Например, голландские анабаптисты — оббениты (оббенисты), последователи проповедника Оббе Филипса или мельхиориты (гофманиты), сторонники анабаптистского учения проповедника Мельхиора Гофмана. В это время ведущую роль в крещенском движении занимает Менно Симонс. Он сформулировал устав общины и объединил большую часть разобщенных групп анабаптистов. С 1577 г. некоторые нидерландские меннонитские общины стали называть себя как сознательно крестящиеся (впервые данное название встречается в Германии и Швейцарии как *Taufgesinnte* или *Taufgesinnte* Gemeinden). С 1811 г. все общины страны приняли название *Doopsgezinde* / *Doopsgezinde gemeenten*, таким образом перестав именоваться меннонитами.

В настоящее время конфессия идентифицирует себя в качестве *Taufgesinnte Gemeinden*. При этом в документах Дортского синода 1664 г. и Прусского синода 1678 г. встречается только этноконфессионим *меннониты*. В 1925 г. состоялась первая Всемирная конференция меннонитов, на которой была создана организация, включающая в свой состав большинство сообществ меннонитов во всем мире. От момента зарождения движения до его современного состояния единство среди членов меннонитских общин в разных регионах проживания не наблюдается. Они объединяются лишь по общим этноконфессиональным признакам, одновременно обладая частными расхождениями в собственных вероучениях[13].

[8] Лаптев Ю. Н. Немцы в Крыму: переселение немцев в Крым и основание колоний (XIX в.). Симферополь : Таврия-Плюс, 2000. С. 18.

[9] Государственный архив Автономной республики Крым. Фонд Р. 663. Опись 1. Дело 242. Лист 33.

[10] Соколовский С. В. Меннониты Алтая: История, демография, ономастика. Москва : ИЗА РАН, 1996. 257 с.; Бабкова В. Ю. Российские период меннонитской истории в отечественной и зарубежной историографии // Наука и школа. 2007. № 6. С. 70–71.

[11] Крюкова Н. В. Этническая группа — крымские немцы (Krimdeutsche) как предмет социально-философского анализа // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 3. С. 293–297; Задерейчук И. П. Религиозная жизнь немцев Крыма в XIX – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2016. № 3. С. 25–29.

[12] Черказьянова И. В. Воспоминания В. П. Вильмсена как источник для повседневной истории меннонитов Крыма и Сибири // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2005. № 11. С. 279–290; Найдич Л. Э., Либерт Е. А. Меннониты Крыма: новые данные о языке Plautdietsch (по материалам архива В. М. Жирмунского) // Перспективы и вызовы языковой политики и языковой ситуации в Крыму. Москва : Институт языкознания РАН, 2019. С. 45–52.

[13] Горбенко А. И. Меннониты // Православная энциклопедия. Москва, 2021. Том 44. С. 701–717.

CC BY

По свидетельству рассказчика, внутри группы существует представление о недавнем разделении российского сообщества меннонитов на две религиозные общины: *tʃɛrçɛlə* — церковные и *broida* — братья, т. е. на церковных и братских меннонитов.

Упомянутое разграничение внутри группы явилось следствием раскола 1860 г., когда от российских меннонитов откололись братские меннониты, соединившиеся с баптистской церковью. Данное ответвление стало именоваться меннонитская братская община или новоменноните. Оставшиеся верными старым канонам общины, не испытавшие на себе влияние баптистского течения, получили наименование церковных меннонитов[14].

Однако, по словам информанта, для него и членов его семьи такое разделение не несет важной нагрузки, а воспринимается как исторический факт эволюции общины, воспоминания о жизни старших поколений, когда отношения между братскими и церковными меннонитами еще не поддерживались: *oinə jəmɛində / hiə zɛn də broida / hiə zɛn də tʃɛrçɛlə /* (одна община, здесь — братья, здесь — церковные меннониты); *Это очень сложно было, потому что, как свадьбу играть? У одних одно, у этих другое. Одно время они друг к другу даже на собрания не могли ходить. А потом это все как-то стерлось. А вот одно время — это противостояние было очень сильное.*

В наши дни понятие меннонит используется как обозначение соответствующего сообщества публичными официальными источниками, так и в качестве самоназвания, уточняющего скорее этнорелигиозное происхождение участников данного сообщества, использующих в общении особою форму немецкого языка.

В отношении привлеченного к исследованию симферопольского немца-меннонита обозначение *меннониты* употребляется скорее в общем смысле: в рассказах о происхождении своего сообщества, о своих предках — их религиозной принадлежности, также относительно особого положения этого сообщества и его языка среди остальных российских немцев без учета собственного обязательного членства в религиозной организации. Такое повествование ведется чаще от третьего лица: *они* (меннониты) и *у них* (у меннонитов): *dɛsə mɛnonitə / dɛsə płotditʃa kuəmə fon ditʃłant nə t'rɛm / das war p'e:tər rɛnpɛnink / dɛ iəʃteə ditʃə fon õnzə ʃtoum* (эти меннониты, нижненемецкие меннониты прибыли в Крым из Германии, первым был Петер Ренпенинг — первый немец из нашего рода).

В основном употребляется этноним в форме *ditʃə* (немцы) как номинация своих предков, переселившихся в Крым в 1804 г., и в качестве собственной этнической номинации. В данной ситуации разговор идет от первого лица: *ɛt' — ditʃə* (я — немец); *zɛn ditʃə mɛnʃə* (мы — немецкие люди); *ɛt' fəʃtun, wiə zɛn ditʃə t'ɛn'ja* (я понял, мы — немецкие дети).

Помимо этого, информант использует форму *plotditʃə (Plautdietsche)* — нижненемецкие меннониты, применяя данное наименование в отношении предков, родственников, иных немцев-меннонитов и лишь изредка к самому себе. Также он прибегает в речи к стандартному немецкому варианту *platdoitʃə (Plattdeutsche): Вот только наш народ, особенно də plotditʃə, они так пострадали за свою жизнь и ассимилировались практически. Ну куда против литературного немецкого языка, когда у тебя нет грамматики. Этот (нижненемецкий диалект) просто передается друг другу, говорили в семье. Конечно, у него перспектив нету.*

В русской речи аналогично встречаются обозначения «мы — немцы, я — немец». Однократно в беседе встретилась морфологически адаптированная форма стандартного немецкого эквивалента *Plattdeutsch* к системе русского языка *платтдойчи: у всех платдойчей есть история.*

Отношение к языку является одним из ключевых параметров в структуре исследования. Так, название *Plautdietsch* (нижнемецкий диалект), традиционно закрепленное за сообществом меннонитов средство общения, признается родным языком и именуется как *haimatytʃ* (родной немецкий), который усвоен в семье и на момент интервью сохранял статус языка семьи: *dɛ ʃproak / dɛsə plotditʃ / nə ʃproak havə wiə jəhoilət / ɛn r'ede t'ys / на haimatytʃ / mine doxta / min sin / da viərə r'iəd oləs op tytʃ, op plotditʃ / mutərspra: xə / dɛ bəhoilə zɛ vida ja / а внучки уже ассимилировались / очень тяжело / asə ʃwo / asə ʃwo / asə* (Язык? Платтдойч, язык мы сохранили, на нем говорим дома, на родном немецком. Моя дочь, мой сын, говорили все на немецком, на платтдойч, на родном языке. Его мы сохраним. А внучки уже ассимилировались, очень тяжело, очень тяжело, очень).

Еще одним важным фактором существования этнической группы является религия. Информант не идентифицируют себя однозначно с анабаптистской традицией — с меннонитстким вероисповеданием. Опять же религиозная приверженность присутствует в рассказах в виде воспоминаний о детстве и юности, бабушках и дедушках, жизни общины в прошлом в Неудачино или в дореволюционном (1917) Крыму.

Воспоминания о молитвенных домах и общинных собраниях ведутся с уважением к традиции и ее носителям — старшим поколениям родственников. О современной религиозной практике меннонитов и своих родственниках в Сибири информант рассказывает бережно как наблюдатель. Особое внимание в интервью уделяется нравственной составляющей в общине. О жизни и традициях общины в Неудачино информант приводит следующие воспоминания: *Nə ɣ'əmeində / dɛsə hiza / ɣ'əbietshiza / nɛ groudə / niç t'ot'jə / dɛsə glouvə gunə zɛn on g'əmeində ɛn zibiriɛn/ onzə ola min frointʃaft/ ondaxhys / bidəʃtundə wiərə / gunə zɛn blɛus bidə/* (Община. Эти дома, молитвенные дома — это не (как) большие церкви. Эта вера не сохранилась бы без общины в Сибири. Молитвенный дом. Все мои родственники (участники общины). Были молитвенные собрания. Собирались только на молитву); *Вот, платдойч, это такая дисциплина была, порядок такой. Мне нравилось там жить. Такое дружное село было. Были бедные семьи, были богатые. Никто никого не осуждал. Бедным всегда помогали. Втихушку, чтобы не обидеть.*

[14] Казьмина О. Е. Церковные меннониты // Народы и религии мира. Москва : Большая российская энциклопедия. 1998. С. 768.

CC BY

Вот это я точно знаю. Меннониты были сами по себе очень религиозные. Это их объединяло. Этим они сохраняли свои семьи. Старались женится только на своих, чтобы немка с немцем. Они были так преданы друг другу. Не дай Бог, какая там измена. Я этим очень горжусь. До 70-х годов не было смешанных браков. Не позволяла религия. Они же все ходили в молитвенные дома. И это было очень строго. Молитвенный дом строили всей общиной. Все становились ее членами. Собрания были в воскресенье обязательно, в праздничные дни. До обеда была молитва и после обеда ходили туда, если время есть. Хор. В любом собрании есть хор. Они хорошо поют. Песни такие красивые поют. На русском пели и на немецком тоже. Русские песни начали петь еще в Крыму. Это мне бабушка рассказывала, потому что они жили среди русских.

В ходе интервью информант обращается к детским воспоминаниям, семейным и общинным молитвам как к элементам религиозного воспитания в меннонитской среде: *Я же в комсомол вступил, в училище религия и антирелигия преподавались, и точно уже не помню, но бабушка учила в детстве молитвам / «li:bər ɣ'elant max miç from / das ɛç ɛn hɛməl koum» и обязательно «də t'ɛnja ɛn musə ziç t'ɛnojə / knix maxən» / На колени надо было вставать* (Милый Боженька, помоги мне стать благочестивым, чтобы я попал в рай. Дети должны были встать на колени. Делать поклон); *Перед едой / бабушка / «də ɛlsta / də grɛuzma / t'jɛnja iətə» / дети, кушать / она говорила / «fatər / s'ɛgn'ə dizə ʃpɛizə / amon» / вот такое помню* / (Самая старшая, бабушка: «Дети, есть!», «Господь, благослови эту еду. Аминь»).

Согласно устным свидетельствам, в семье сохранилось предание о происхождении рода и фамилии: *У всех платтдойчей — история, все имеют свою историю. Мы это изучали тоже. Вот у меня фамилия Реннпенинг / «aofs doitf zaxt man rɛnpɛnink»* (по-немецки говорят *Renpening*) / *Она тоже ассимилировалась со временем. Где-то пятьсот лет тому назад. Графство. Еще не было единой Германии, не было nidərlant* (Нидерланды). *Где-то какая-то земля. Там много ландов было. Вот графство. На территории современной Голландии, граница с Германией. Да, северная Германия. Нашли в борозде завернутого в тряпки ребенка. Принесли. Граф смотрит: что такое? Завернутый младенец, а здесь на ниточке пфенниг привязан. Немецкая монетка — пфенниг. И в борозде нашли. Борозда — это rɛn, ran, r'ɛn. Борозда и пфенниг. Граф же не будет давать свою фамилию. Это будет другой род. Вот так вот, и это — основатель рода, мой дед, прадед. Его назвали rɛnpfɛnink. Потом еще как-то потихоньку стало rɛnpɛnink. По-немецки мы — Renpening, на платтдойч — Ranpansi.*

Выводы

Несмотря ни на какие обстоятельства исторического, общественного или личного характера, религиозный фактор явился определяющим в формировании и сохранении идентичности крымских немцев-меннонитов. Историко-религиозная эволюция сообщества напрямую обусловила специфику их этничности, языковой культуры и бытового уклада.

Как показывают материалы интервью, старшие члены рассматриваемого сообщества соотносят себя и свой язык с религиозной средой — меннонитством и тем самым противопоставляются всему остальному сообществу немцев-переселенцев бывшей Российской империи и СССР.

Данная группа функционировала как этнорелигиозное сообщество, в котором конфессиональные нормы являются основополагающими. Более того, и в наши дни конфессиональные нормы регулируют семейные традиции и социальное взаимодействие.

Исторические изменения в интерпретации внешней и внутренней идентификации группы свидетельствуют о сохранении четких границ сообщества. При этом язык остается ключевым признаком культурной преемственности. Владение родным нижненемецким диалектом выступает важным признаком самоидентификации даже в условиях отсутствия письменности.

Нижненемецкий диалект в последующих поколениях перестает существовать как средство повседневного общения, но сохраняется как элемент культурной памяти и маркер этничности.

В настоящее время прежняя немецкая локальная общность в Крыму уже не существует, но память о ней сохраняется в виде культурно-исторического наследия благодаря усилиям потомков и активной научно-просветительской работе.

Список литературы

Задерейчук А. А. Экранизации Нюрнбергского процесса и использование их в популяризации знаний о международном военном трибунале 1945–1946 гг. // Нюрнбергский процесс: история и современность : сборник материалов научно-практической конференции (Ялта, 24-26 ноября 2021 г.). Симферополь ; Саратов, 2021. С. 86-90. EDN RHTUUX

Замуруйцев А. В. Колонизация немцами-меннонитами территории Таврической губернии в первой половине – середине XIX в. // Время научного прогресса : сборник научных трудов по материалам XIV Международной научной конференции (Волгоград, 20 декабря 2023 г.). Волгоград : Научное обозрение, 2023. С. 32-39. EDN LRMXXY

Найдич Л. Э., Либерт Е. А. Об изучении диалектов крымских меннонитских поселений (по материалам архива В. М. Жирмунского) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Том 19. № 2. С. 26-39. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39. EDN OKAPID

Редькина О. Ю., Назарова Т. П. Меннониты в социально-экономическом и культурном развитии Причерноморья : монография. Волгоград : Издательство Волгоградского государственного университета, 2019. 535 с.

CC BY

References

Zadereychuk, A. A. (2021). Film adaptations of the Nuremberg trials and their use in popularizing knowledge about the international military tribunal of 1945-1946. *The Nurnberg Trials: The past and the present*: research and practice conference proceedings (Yalta, November 24-25, 2021), 85-89. EDN: RHTUUX

Zamuruitsev, A.V. (2023). Colonization by Germans and Menonites of the territory of the Tauride Province in the first half-middle of the XIX Century. *Time of Scientific Progress*: collection of scientific papers based on the materials of the 14th international scientific conference (Volgograd, December 20, 2023), 32-39. EDN: LRMXXY

Naiditch, L. E., Liebert, E. A. (2020). Notes on the dialects of the Crimean Mennonite settlements (based on the V. M. Zhirmunsky's archives). *Vestnik NSU. Series: History and Philology, 19*(2), 26-39. EDN: OKAPID. https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-2-26-39

Redkina, O. Yu., Nazarova, T. P. (2019). The Mennonites in the socio-economic and cultural development of the Black Sea region., 535.

Информация об авторе

Березина Юлия Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент,
Вятский государственный университет,
г. Киров, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-6451-6508;
e-mail: berezinalu@mail.ru

Information about the author

Yulia V. Berezina – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Vyatka State University,
Kirov, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0009-0003-6451-6508;
e-mail: berezinalu@mail.ru

Поступила в редакцию 02.04.2026
Принята к публикации 20.05.2026
Опубликована 29.05.2026

Received 2 April 2026
Accepted 20 May 2026
Published 29 May 2026

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-155189
УДК 745:392(470.631)

Материальная культура карачаевцев и ее трансформация в условиях социокультурных процессов второй половины XX – начала XXI в.

Текеева Л. К.[a], Чотчаев Д. Д.[b], Тамбиев Ш. Х.[c]
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
г. Карачаевск, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0002-7461-1926, e-mail: lar-tek@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-6252-3366, e-mail: tchotchaev-dahir@yandex.ru
[c] https://orcid.org/0009-0002-6099-680X, e-mail: zuhra.82@inbox.ru

Резюме. В настоящей статье рассматривается влияние модернизационных процессов на материальную культуру карачаевского народа, развернувшихся в России в новейшее время. В работе на основе полевых исследований изучается степень сохранности традиционных элементов и внедрения инноваций в жилищах, одежде и пище. В исследовании применялись комплексный и междисциплинарный подходы и специальные методы (наблюдение и интервью). Согласно наблюдениям, больше всего трансформации подверглись типы жилищ. К XX в. однокамерные срубные двускатные дома были уже редки и использовались как подсобные хозяйственные помещения. В карачаевской среде также происходят изменения в интерьере жилища: он ориентируется на городские стандарты. Трансформации касаются и традиционного костюма: к настоящему времени произошло нивелирование его этноопределяющей функции, национальный костюм в большей степени используется в свадебной обрядности, а также его элементы могут присутствовать в современной одежде. При всем этом карачаевцы сохраняют традиционную систему питания. В целом социокультурные процессы, происходящие в XX–XXI вв., прямо или косвенно отразились на элементах материальной культуры, полностью или частично видоизменив их.

Ключевые слова: традиции, новейшее время, материальная культура, карачаевцы.

Для цитирования: Текеева Л. К., Чотчаев Д. Д., Тамбиев Ш. Х. Материальная культура карачаевцев и ее трансформация в условиях социокультурных процессов второй половины XX – начала XXI в. // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 14-20. DOI 10.31483/r-155189. EDN KYTHHK

Research Article

The Material Culture of the Karachai People and its Transformation in the Context of Socio-Cultural Processes in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Century

Larisa K. Tekeyeva[a], Dakhir D. Chotchaev[b], Shamil K. Tambiev[c]
U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University
Karachayevsk, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0002-7461-1926, e-mail: lar-tek@yandex.ru
[b] https://orcid.org/0000-0001-6252-3366, e-mail: tchotchaev-dahir@yandex.ru
[c] https://orcid.org/0009-0002-6099-680X, e-mail: zuhra.82@inbox.ru

Abstract. This article examines the impact of modernization processes on the material culture of the Karachay people, which have unfolded in Russia in recent times. Using fieldwork, this study examines the preservation of traditional elements and the introduction of innovations in the housing, clothing, and food of the Karachay people. The study utilized a comprehensive and interdisciplinary approach and specialized methods (observation and interviews). According to observations, Karachay dwelling types have undergone the greatest transformation. By the 20th century, single-chamber log houses with gable roofs were already rare and were used as auxiliary utility rooms. Among the Karachay, home interiors are also undergoing changes, aligning with urban standards. Transformations also affect traditional dress: its ethnically defining function has been diminished; traditional dress is used primarily in wedding ceremonies, and elements of it may also be present in modern clothing. Despite all this, the Karachay people maintain a traditional diet. In general, the sociocultural processes occurring in the 20th–21st centuries have directly or indirectly affected the elements of material culture, completely or partially changing them.

Keywords: traditions, material culture, modern times, Karachai people.

For citation: Tekeyeva L. K., Chotchaev D. D., & Tambiev S. K. (2026). The Material Culture of the Karachai People and its Transformation in the Context of Socio-Cultural Processes in the Second Half of the 20th and the Beginning of the 21st Century. *Ethnic Culture, 8*(2). 14-20. EDN: KYTHHK. https://doi.org/10.31483/r-155189

CC BY

Введение

Современная эпоха характеризуется интенсивными процессами глобализации и урбанизации, все больше унифицирующими культуру разных народов. Тем не менее на современном этапе социально-культурного развития общества выявилось парадоксальное явление — невиданный всплеск этнонациональной саморефлексии как на уровне индивидов, так и в массовом сознании. Кроме того, в последние годы на базе национальных традиций происходит формирование гражданской идентичности.

В этом контексте особое значение приобретает введенное Д. С. Лихачевым понятие «экология культуры», под которым прежде всего понимают сбережение культурной среды, сохранение этнической памяти, памятников и явлений культуры. Экология культуры необходима для развития этической и нравственной среды. В этой связи нам представляется актуальным научное исследование эволюции материальной культуры карачаевского народа, несущей следы взаимодействия автохтонного кавказского и тюркского компонентов, которая в свою очередь претерпела трансформации в советский и постсоветский периоды.

Цель исследования — проанализировать специфику материальной культуры карачаевцев и ее трансформацию в условиях урбанизации и глобализации. Для достижения данной цели поставлены следующие задачи: рассмотреть особенности материальной культуры карачаевцев, провести анализ этнографического материала с целью выявления трансформации в советский и постсоветский периоды.

Материал и методы исследования

Источниковой базой работы послужили полевые материалы, данные фольклора, языка, опубликованные источники. Полевой этнографический материал собран в период с 2021 по 2025 гг. в старинных карачаевских селах Карачаево-Черкесской республики Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук, Кумыш, Сары-Тюз Карачаевского, Кызыл-Покун, Красный Курган, Учкекен, Терезе Малокарачаевского муниципального округов.

В исследовании применялись комплексный и междисциплинарный подходы и специальные методы (наблюдение, интервью). Это позволило изучить основы культуры этноса, сопоставить специфику и трансформацию материальной культуры, провести этнокультурные параллели.

Результаты исследования и их обсуждение

Одной из сфер материальной культуры, в которых реликты прошлого прослеживаются особенно отчетливо, является жилищное строительство и организация внутреннего убранства. Наиболее распространенные разновидности традиционного карачаевского жилища возникли на основе местных кавказских традиций[1], однако в своих наиболее характерных формах они представляются результатом эволюции единого прототипа, синтеза субстратной основы с экзогенными элементами. Последние прослеживаются прежде всего в особенностях интерьера, а в отдельных случаях и в композиционно-планировочной структуре усадьбы.

Основным типом жилищ в Карачае были однокамерные срубные дома из сосновой, еловой или пихтовой древесины прямоугольной формы — *тертюл агъач юй* (К.-Б. М. Текеев). В XX в. такие дома были уже редки, но некоторые информаторы отмечали, что до депортации их использовали как подсобные хозяйственные помещения (С. Б. Абайханова, К. У. Биджиев). Основным материалом для строительства служило дерево (*агъач*), которого в Карачае было в изобилии, и земля с дерном (*кулда*) [Бегеулов, 2025, с. 49–53]. Иногда применяли и камень (*учхул таш*). В некоторых районах Карачая двускатная кровля складывалась из толстых досок и засыпалась землей (У. К. Гаджаева, М. И. Коркмазов, А. Д. Чотчаев).

Стены жилища покрывали войлочными изделиями. Это напоминает организацию интерьера кочевой юрты. Центральный опорный столб в срубных домах карачаевцы называли *багана* (шест, используемый во время монтажа каркаса юрты)[2].

Особую роль играли арбазы, которые строили с видом на возможную оборону, соединяя большое количество корпусов со двором в центре, где складировали боеприпасы и оружие. Арбазы могли быть крытыми, цельными — *башы джабылгъан арбазла* (А. А. Аппаев, Н. А. Аппаев, А. М. Кубанов). Подобное сооружение представляло собой комплекс, который состоял из жилых и хозяйственных построек в виде прямоугольника (многоугольника) с крышей. Собственно под крышей находился весь двор (*арбаз*) (Т. М. Текеев). Такие крытые арбазы карачаевцы строили из мощных бревен сосны (Л. А. Болурова, А. С. Каракотов, Х. С. Созаруков).

Е. Н. Студенецкая, считает, что дворы-арбазы являются завершающим звеном эволюции однокамерных многоугольных срубов[3]. Мы также склонны поддержать данную точку зрения, хотя к этнографически изучаемому нами периоду подобные крытые арбазы представляли собой уже синтез степных и кавказских строительных традиций, что неудивительно, учитывая окружающий карачаевцев горный ландшафт.

Как уже было отмечено, внутренние стены домов покрывали войлочными изделиями, причем занавешивали ими все пространство. Эта традиция отсылает нас к древнетюркской этнографии. Подобные обычаи наблюдались у народов Средней Азии и Казахстана и после перехода к оседлости[4].

Войлочные изделия различались как по технике производства, так и по назначению: *ала кийиз / къолан кийиз* — изделие с вкатанным узором; *тикген ала кийиз* — войлок с аппликацией, нашитыми узорами; *бичген кийиз* (выкроенный) или *оюулу кийиз* (орнаментированный) — узорный, изготавливался из двух войлоков контрастного цвета. Изготавливали и однотонный войлок, который использовали в пастушеском быту (Т. А. Гочияева, А. С. Каракотов, А. Т. Каракотова).

[1] Батчаев В. М. Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик : Эльбрус, 1986. С. 34.

[2] Там же. С. 82.

[3] Студенецкая Е. Н. Одежда // Культура и быт народов Северного Кавказа. Москва : Наука, 1968. С. 251–154.

[4] Харузин Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. Москва : Товарищество скоропечатни А. А. Левенсон. 1896. 124 с.

CC BY

Параллели в технологии изготовления войлока и обработке шерсти также прослеживаются у других тюркских народов[5]

Устойчивые древнетюркские устои, переплетаясь с кавказскими, дали удивительный по своей красоте орнаментальный комплекс. У карачаевцев применялся орнамент в виде бараньего рога, зигзагов, бегущей спирали[6]. Геометрические мотивы, построенные на строгой симметрии и ритме (прямые линии, ромбы, спирали), выражают идею космического порядка, гармонии, движения времени, бесконечности и постоянного обновления [Башиева, 2026, с. 151–152]. В целом орнаментальные традиции карачаевцев несут в себе значение силы, храбрости, свободы и связи с природой [Башиева, Бахтикиреева, Дербишева, 2025, с. 78–85].

У карачаевцев выделяются узоры, известные под названием *тамга* (пятно; знак собственности). В более широком смысле настоящий узор до сих пор используется как эмблема семьи, рода, фамилии (С. Б. Абайханова, У. К. Гаджаева, Т. С. Эбзеева).

Значительные трансформации жилищ начались еще в пореформенный период и усилились в советское время [Чотчаев, Баучиев, Текеева, 2024, с. 326]. Немалое значение здесь сыграли такие факторы, как урбанизация, миграционные процессы, развитие инфраструктуры (социальной, информационной, транспортной, рыночной), улучшение благосостояния населения связанное с ним повышение стандартов и качества жизни.

Трансформационные и модернизационные процессы выразились в существенном увеличении размеров поселений, особенно тех, в которых расположены районные центры. Они стали развиваться и увеличиваться еще в советский период. В таких населенных пунктах концентрируются административные, хозяйственные, образовательные и культурные учреждения. Но были аулы, которые еще в советский период пришли в упадок, сегодня они заброшены и превратились в руины. Связано это с трагическими событиями в истории народа — депортацией в ноябре 1943 г. Такова, к примеру, судьба аулов Джазлык и Дуут, Красный Карачай и Хасаут. Эти аулы так и не были восстановлены после возвращения карачаевцев из депортации.

В постсоветский период численность населения некоторых аулов уменьшилась. Ликвидация колхозов и совхозов, отсутствие работы привели к оттоку населения из сельской местности. Например, стало меньше жителей в таких населенных пунктах, как Кобу-Баши, Маруха Зеленчукского, Карт-Джурт Карачаевского, Кичи-Балык, Кызыл-Покун, Элькуш Малокарачаевского, Кызыл-Уруп Урупского муниципального округов. Многие аулы до сих пор не газифицированы, остаются проблемы с рабочими местами. Данные факторы также способствуют оттоку населения в районные центры и города. Однако в ряде сельских поселений, таких как Терезе, Первомайское, Чапаевское, Кумыш, численность населения сохраняется и даже увеличивается.

Планировка жилища на Северном Кавказе преображается еще в советское время, резко сокращаются хозяйственные комплексы, происходит эволюция отопительной системы [Разаханов, Сефербеков, 2025, с. 74–75].

В перестроечное и постсоветское время происходит кардинальное изменение внешнего облика и интерьера сельского жилища. Оно ориентируется на городские стандарты. Изменениям подверглись планировка, этажность, строительные материалы, тип крыши, дверей и окон, интерьер, системы отопления, оформление двора и придомовой территории. Появились новые строительные материалы для отделки. Интерьер жилища оснащается бытовой техникой и современной мебелью.

В городах сформировался тип городского жилища, который концентрирует в себе инновации в сфере строительства и отделочных материалов. Наряду с панельным возникла технология строительства монолитно-каркасных домов, когда скелет здания представлен железобетонным каркасом. Появляются новые материалы для кровли, при отделке фасада применяется технология сайдинга, используются системы поддержания безопасности и охраны домов (домофон, видеонаблюдение). В целом происходящие за последние 30 лет изменения привели к унификации и утере большинства элементов традиционного жилища и интерьера. Данные изменения характерны и для других народов Северного Кавказа.

Этническое своеобразие народов в основном проявляется в традиционной одежде. Повседневный карачаево-балкарский костюм состоял из рубахи (*кёлек*), причем мужчины носили только короткую, а женский костюм включал как длинную (*узун кёлек*), так и короткую (*къысха кёлек*) рубаху; длинного или короткого бешмета (*узун, къысха къаптал*); безрукавки (*габрай*); штанов (*кёнчек*) у мужчин и шароваров (*шалбар*) у женщин. Последние носили еще юбки (*къысха джыйрыкъ*), передник и перчатки, а мужчины — черкески (*чепкен*), бурки (*джамчы*) и бурки с капюшоном (*гебенек*). Как у женщин, так и у мужчин были популярны шубы (*тон*), особенно из овчины (*кертю тон*) (М. И. Коркмазов, К.-Б. А. Текеев, С. М. Урусова). Шубу из овчины носили преимущественно представители высших слоев. Она напоминала дубленку, которая сверху была обшита дорогой тканью (К. У. Биджиев, Л. А. Болурова, Х. Ч. Эркенова).

Мужские головные уборы (*баш кийим*) представлены барашковой шапкой (*чырпа бёрк / тери бёрк*), войлочной широкополой шляпой (*къалпакъ кийиз берк*), башлыком (*башлыкъ*), серой, коричневой или черной каракулевой шапкой (*бухар берк*) (А. Т. Каракотова, А. М. Кубанов, К.-Б. А. Текеев).

Женщины надевали шапочку, обшитую золотыми узорами (*окъа бёрк*), платок (*джаулукъ*) и войлочную широкополую женскую шляпу (*тишырыу кийиз бёрк*).

Мужская обувь (*аякъ кийим*) состояла из чабыры (*чабырла*), чарыки (*чарыкъла*), ноговицы (*мессиле*), полуноговицы (*ышым баула*), носков (*къысха чындайла*), валенок (*уюкъла*), сапогов (*чурукъла*). Женская обувь также была представлена чарыками (*чарыкъла*) и ноговицами (*мессиле*), валенками (*кийиз чурукъла*), чулками (*чындайла*) и сапогами (*чурукъла*) (Л. А. Болурова, А. А. Каракотова, А. Д. Чотаев).

[5] Студенецкая Е. Н. Узорные войлоки карачаевцев и балкарцев // Кавказский этнографический сборник. 1976. № 6. С. 202–221.

[6] Текеева Л. К. Зоолатрия в традиционной культуре карачаевцев и балкарцев : автореферат диссертации … кандидата исторических наук. Нальчик, 2006. С. 21.

CC BY

Многие элементы национальной одежды карачаевцев демонстрируют тюркское происхождение. Одним из наиболее характерных примеров является гебенек, который представляет собой войлочный плащ с рукавами и капюшоном, распространенный в прошлом у многих тюркских народов и заимствованный другими народами Кавказа и Восточной Европы[7].

В Карачае *гебенек* использовался как пастушеская одежда, но, согласно мнению большинства историков и этнографов, в средние века он являлся важной частью воинского снаряжения[8].

С тюркским наследием связывают и бешмет (бахмат, бисмат, бешпент / мешпент, бешмант) — короткую распашную одежду из сукна или ткани, распространенную у тюркских, монгольских и кавказских народов. Обычно его длина достигала колен, и его носили под кафтаном, чекменем, черкеской. Мужские бешметы иногда имели разрезы на рукавах для совершения омовений. Стеганые бешметы использовались как защитная одежда в бою. На Кавказе и в Передней Азии бешмет также называли архалуком[9].

Важным элементом одежды горцев был башлык – остроконечный капюшон, надеваемый поверх головного убора. Существовал строгий этикет его ношения. К примеру, при входе в помещение башлык снимали, аккуратно складывали и держали в руках, не передавая другим. Женщины активно производили и продавали башлыки в Абхазию и Имеретию.

В комплект украшений каждой девушки из обеспеченной семьи входил *кямар* — металлический пояс, который должен был завершить образ, подчеркнув тонкую талию обладательницы (Т. А. Гочияева, К.-Б. А. Текеев, Т. С. Эбзеева). Металл, из которого было изготовлено украшение, и качество его исполнения указывали на социальный статус обладательницы (А. М. Кубанов, Х. С. Созаруков, Т. С. Эбзеева).

Карачаевцы изготовляли кямары из серебра (*кюмюш кямар)* и золота (*алтын кямар*). Чаще всего встречались серебряные кямары (*гырт кямар*) с позолотой или без нее, бытовали также кямары со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней.

Еще один элемент женского костюма *тюйме* — нагрудник, состоявший из 24 парных застежек. Изготавливали его из серебра, иногда напыляя золотом. Некогда тюйме выполнял функции застежек на девичьем кафтанчике, но позже стал играть декоративную роль, указывая на знатность девушки.

Часто на нагрудниках около шеи помещали крупную застежку фигурной формы *боюнлукъ*, скрепляемую при помощи крючка и петли.

Еще в советский период произошедшие изменения привели к унификации и утере большинства элементов традиционного костюма карачаевцев. Население массово переходило на костюм городского покроя. Уже тогда на Северном Кавказе главным образом начали носить фабричную одежду. Традиционный облик в одежде сохранялся только у представителей старшего поколения [Булатов, Зульпукарова, Сефербеков, 2025, с. 35]. На сегодняшний день как женский, так и мужской костюм практически полностью утратили свой отличительный символический характер. Более того, в настоящее время одежда полностью перестала выполнять функцию визуализации этничности. Все более популярной становится гендерно нейтральная спортивная одежда. Кроме того, в последние десятилетия на Северном Кавказе женщины все чаще носят одежду, произведенную в соответствии с нормами ислама (хиджаб) [Сефербеков, Халидова, Магомедов, 2024, с. 103]. Данная мода не обошла и карачаевцев. При этом наблюдается всплеск интереса к национальной культуре. В современной одежде европейского типа можно встретить элементы традиционного костюма, например, девушки вместо пояса могут носить кямар. К этнической теме также часто обращаются дизайнеры одежды, которые в своих работах применяют национальный орнамент, стилистику украшений [Текеева, Тамбиев, 2025, с. 76–83]. Этническая специфика прослеживается и в женских свадебных платьях. Традиционный костюм также используется в качестве сценической одежды фольклорно-этнографическими коллективами и деятелями культуры.

На фоне значительных изменений устойчивыми в карачаевской культуре остаются пищевые предпочтения.

Основу традиционного питания карачаевцев составляли мясо-молочные продукты.

Самым известным молочным продуктом, характерным для многих тюркских народов, является *айран* (кислое молоко) [Хаджиева, 2022, с. 122–128]. Айран готовили, как правило, из цельного (редко снятого) молока коров, овец и коз. Айран служил не сезонным, а постоянным продуктом питания, в особенности на кошах (С. Б. Абайханова, К. У. Биджиев, Л. А. Болурова). В отличие от большинства тюркских народов карачаевский айран напиток густой, а разбавленный водой айран (именно этот напиток большинству тюрок известен под таким названием) карачаевцы называют *суусаб*.

Карачаевцы, как и балкарцы, изготавливали несколько видов айрана — *джуурт, мыстындау, гыпы айран*. Айран могли долго хранить в деревянных кадках или бурдюках, там же хранили и сливки.

Мясо употреблялось в разных видах. Распространено было употребление вареного мяса, прежде всего бараньего. До сегодняшнего дня сохраняется обычай разделения туши барана на определенные пропорции. Мясо делилось на 27 порций или на 23, если баран небольшой, которые подавались мужчинам или женщинам с учетом возраста, пола и социального статуса участников трапезы[10].

[7] Бесленеев А. Д., Шаманов И. М. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Черкесск, 1972. С. 7.
[8] Батчаев В. М. Указанное сочинение. С. 94.
[9] Текеева З. Х. История развития традиционных домашних промыслов и ремесел карачаевцев и балкарцев : диссертация … кандидата исторических наук. Пятигорск, 2001. С. 42.
[10] Текеева Л. К. Анимистические представления тюркоязычных народов Северного Кавказа // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 6. С. 140–143.

CC BY

Широко употреблялось жареное мясо (*тишлик*). К мясным блюдам подавали бараний бульон *шорпа*. Приправляли бульон *тузлукъом*, который готовили из айрана с добавлением перца, чеснока и соли.

Карачаевцы заготавливали мясо впрок. С этой целью его вялили и сушили. Получаемое мясо называлось *къакъ эт*.

Известно было и консервирование мяса. Для этого оно разрезалось на небольшие куски, тщательно обжаривалось на животном жире и собиралось в кожаный мешок (*гыбыт*) или реже в деревянные кадки (*джыккыр*) и заливалось жиром (*къуурма*). Такие заготовки хранились очень долго [Хаджиева, 2022, с. 93–94]. Также делали засолку в соленом айране (*тузлукъ*) головы и ног барана или быка.

Часто готовились колбасы: *къыйма* — сушенная колбаса из мяса, ее также нередко готовили впрок, сохта из печени, джерме из внутренностей.

Кроме мяса, карачаевцы в сыворотке заготавливали на зиму соленый сыр, также сушили соленый и твердый сыр в виде небольших круглых пряников (*къатыкъ*). Такой сыр долго не портился, его давали с собой пастухам и косарям на пастбища.

По сравнению с мясо-молочными продуктами мучную пищу карачаевцы употребляли реже. Хлеб пекли из ячменной муки — *арпа гырджын* (Т. А. Гочияева, К.-Б. А. Текеев, Т. С. Эбзеева). Большой популярностью у карачаевцев пользовались *хычины* с различными начинками — мясом, сыром, картофелем и сыром, свекольной ботвой и сыром. Их жарили на большом количестве масла, иногда могли запечь на углях (*сыгын от*). Дети также любили сладкие жареные *локумы*, которые напоминали пончики разной формы.

У карачаевцев до сих пор сохраняется традиционная система питания в повседневной и обрядовой практике. Среди наиболее популярных блюд значатся *шорпа* с мясом (суп), который сегодня чаще готовят из говядины, чем из баранины, *хычины* с четырьмя видами начинки, шашлык из баранины и айран. Практически все респонденты знают и о более сложных блюдах, которые карачаевцы готовили из внутренностей животных: *сохта, джерме*. В то же время большая часть молодых людей мало знакома с ритуальной пищей.

Между тем в XX в. карачаевская кухня пополнилась новыми блюдами. Так, в условиях депортации карачаевцы испытали влияние народов Средней Азии и Казахстана. Ими были освоены такие блюда, как плов, бешбармак, манты, самса, которые сегодня готовят практически все.

Расширение ассортимента потребляемых блюд связано и с появлением новых сельскохозяйственных культур, покупных продуктов и взаимодействием с соседними народами [Халидова, Сефербеков, 2024, с. 58]. Например, карачаевцы переняли ряд блюд русской кухни — борщ, пельмени, вареники.

В целом основу питания карачаевцев сегодня составляют блюда национальной кухни (шорпа, хычин, тишлик, къыйма, сохта джерме), блюда русской кухни (блины, борщ, голубцы, пельмени, тефтели, каши (манная и гречневая), винегрет, окрошка) и блюда, заимствованные в период депортации в Среднюю Азию и Казахстан (манты, бешбармак, плов, самса). Также определенную часть питания составляют блюда соседних народов, которые карачаевцы успешно освоили, например, блюда адыгской (либжа), азербайджанской (долма, бозбаш, пахлава, люля-кебаб) и дагестанской кухни (курзе, чуду с разнообразными начинками). Таким образом в связи с этнокультурным взаимовлиянием, процессами урбанизации и глобализации наметились тенденции к интернационализации системы питания карачаевцев. Сохранение традиционных обрядов и кухни наряду с адаптацией к современным условиям отражает синтез традиционных и новых черт в этнической культуре карачаевцев, что подчеркивает ее динамичность и устойчивость.

Выводы

В последние десятилетия под влиянием глобализации, модернизации и урбанизации у карачаевцев произошла трансформация компонентов материальной культуры. Изменениям подверглись типы поселений и жилищ, интерьер и убранство. Здесь явно наблюдается ориентация на городские стандарты.

На сегодняшний день мы наблюдаем полную унификацию одежды. При этом сохранилось использование традиционного костюма преимущественно в свадебной обрядности. Кроме того, возможно, в связи ростом интереса к историческому и этнокультурному наследию современные дизайнеры одежды в своих коллекциях часто используют этнические элементы (орнамент, стилистику украшений).

Ярче всего устойчивость этнической культуры проявляется в системе питания. В настоящее время, несмотря на интернационализацию системы питания, более чем востребованы национальные блюда.

Внедрение и закрепление новых элементов привели к изменениям в облике и структуре материальной культуры карачаевцев, утрате многих ее традиционных компонентов. Однако сохранившиеся элементы вселяют надежду на сохранение этнической идентичности карачаевского народа в эпоху глобализации.

Список информаторов

Абайханова Соня Будияновна, 1935 года рождения, Карт-Джурт; Акбаева Зенфира Хасановна 1936, г. р., Карачаевск; Аппаев Азрет Абуевич, 1932 г. р., Хурзук; Аппаева Назият Абуевна, 1934 г. р., Хурзук; Биджиев Касай Умарович, 1938 г. р., Карт-Джурт; Болурова Люаза Алиевна, 1935 г. р., Карачаевск; Боташев Кемал Хусеевич, 1935 г. р., Красный Октябрь; Гаджаева Уркъуят Казбековна, 1935 г. р., Терезе; Гочияева Тамара Атлыевна, 1935 г. р., Карачаевск; Каракотов Азрет Салыхович, 1932 г. р., Карт-Джурт; Каракотова Айшат Тохтаровна, 1936 г. р., Карт-Джурт; Коркмазов Магомет Ильясович, 1932 г. р., Красный Курган; Кубанов Ахыя Магомедович, 1931 г. р., Первомайское; Созаруков Хамит Сулеменович, 1933 г. р., Кызыл-Покун; Текеев Кичи-Батыр Абдулович, 1940 г. р., Учкекен; Урусова Сапият Мухарбиевна, 1934 г. р., Римгорское; Чотчаев Абук Джамашуович, 1937 г. р., Карачаевск; Эбзееева Тамара Сеитовна, 1936 г. р., Учкулан; Эркенова Хаби Чоккаевна, 1923 г. р., Терезе.

CC BY

Список литературы

Башиева С. К., Бахтикиреева У. М., Дербишева З. К. Этнокультурный артефакт тюркоязычных народов Северного Кавказа и Центральной Азии — кийиз // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 6–2. С. 78-85. DOI 10.20339/PhS.6s-25.078. EDN YRSPKE

Башиева С. К. Концепт тау ‘гора’ в традиционной культуре карачаево-балкарцев: словоформы, идеи, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 151-165. DOI 10.25178/nit.2026.1.8. EDN DSOFBZ

Бегеулов Р. М. Традиционное карачаевское жилище: прошлое, настоящее, будущее // Единство в многообразии национальных культур : материалы Межрегиональной школы-конференции (Карачаевск, 16–17 октября 2025 г.). Карачаевск : Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2025. С. 49-53. EDN ZBEOYX

Булатов Б. Б., Зульпукарова Э. М.-Г., Сефербеков Р. И., Омаров Ш. И. Современные хозяйственные занятия, культура и быт даргинцев-цудахарцев: содержание структурных элементов и трансформации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2025. Том 40. № 4. С. 34-58. DOI 10.21779/2542-0313-2025-40-4-34-58. EDN AGQIEN

Разаханов С. С., Сефербеков Р. И. Эволюция домостроения лезгин в новое, советское и новейшее время: трансформация структурных элементов жилища // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2025. № 97. С. 72-79. DOI 10.31029/vestdnc97/9. EDN LXVFIG

Сефербеков Р. И., Халидова О. Б., Магомедов Ю. А., Сефербеков М. Р. Влияние глобализации и социокультурных процессов второй половины 80-х гг. XX – начала XXI в. на хозяйственные занятия, культуру и быт дагестанских русских. Махачкала : АЛЕФ, 2024. 272 с. EDN CHXDNC

Текеева Л. К., Тамбиев Ш. Х. Проблемы сохранения этнической культуры карачаевцев в условиях городской среды // Научная мысль Кавказа. 2025. № 2 (122). С. 76-83. DOI 10.18522/2072-0181-2025-122-76-83. EDN ROFGFL

Хаджиева М. Х. Традиционная система питания карачаевцев и балкарцев в XIX–XX вв. Карачаевск : Карачаево-Черкесский государственный университет им. У. Д. Алиева, 2022. 252 с. EDN VHMILX

Халидова О. Б., Сефербеков Р. И. Русское население Дагестана как вариант культурной гибридности северокавказской историко-культурной общности: особенности национального региона // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2024. № 4 (349). С. 56-62. DOI 10.53598/2410-3691-2024-4-349-56-62. EDN NXEXAT

Чотчаев Д. Д., Баучиев Х. Б., Текеева Л. К., Болурова А. Н. Развитие культуры народов Северного Кавказа как результат совместной деятельности представителей русской и горской интеллигенции в XIX–XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2024. № 12 (128). С. 318-328. DOI 10.24158/fik.2024.12.40. EDN OQTGRO

References

Bashieva, S. K., Bakhtikireeva, U. M., Derbisheva, Z. K. (2025). Ethnic and cultural artifact of Turkic-speaking peoples of the North Caucasus and the Central Asia – kiyiz. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education, 6-2*, 78-85. EDN: YRSPKE. https://doi.org/10.20339/PhS.6s-25.078

Bashieva, S. K. (2026). The concept Tau ‘mountain’ in the traditional culture of the Karachay-Balkars: word-forms, ideas, social regulation. *The New Research of Tuva, 1*, 151-165. EDN: DSOFBZ. https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.8

Begeulov, R. M. (2025). Traditional Karachay housing: past, present, future. *Unity in the diversity of national cultures*: proceedings of the Interregional School-Conference (Karachayevsk, October 16-17, 2025), 49-53. EDN: ZBEOYX

Bulatov, B. B., Zulpukarova, E. M. G., Seferbekov, R. I., Omarov, Sh. I. (2025). Modern economic activities, culture and everyday life of the Dargin-Tsudakhar people: structural elements and transformations. *Herald of Dagestan State University. Series 2. The Humanities, 40*(4), 34-58. EDN: AGQIEN. https://doi.org/10.21779/2542-0313-2025-40-4-34-58

Razakhanov, S. S., Seferbekov, R. I. (2025). Evolution of house-building of Lezgins in the new, soviet and modern times: transformation of structural elements of housing. *Herald of Daghestan Scientific Center, 97*, 72-79. EDN: LXVFIG. https://doi.org/10.31029/vestdnc97/9

Seferbekov, R. I., Khalidova, O. B., Magomedov, Yu. A., Seferbekov, M. R. (2024). The impact of globalization and sociocultural processes of the second half of the 1980s – early 21st century on the economic activities, culture, and everyday life of Dagestani Russians., 272. EDN: CHXDNC

Tekeeva, L. K., Tambiev, Sh. Kh. (2025). Problems of preserving the ethnic culture of Karachays in an “Urban Environment”. *Naučnaâ mysl' kavkaza, 2(122)*, 76-83. EDN: ROFGFL. https://doi.org/10.18522/2072-0181-2025-122-76-83

Khadzhieva, M. Kh. (2022). Traditional nutrition system of the Karachays and Balkars in the 19th-20th centuries., 252. EDN: VHMILX

Khalidova, O. B., Seferbekov, R. I. (2024). The Russian population of Dagestan as a variant of the cultural hybridity of the North Caucasian historical and cultural community: features of the national region. *The Bulletin of the Adyghe State University, The series “Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology”, 4(349)*, 56-62. EDN: NXEXAT. https://doi.org/10.53598/2410-3691-2024-4-349-56-62

Chotchaev, D. D., Bauchiev, Kh. B., Tekeeva, L. K., Bolurova, A. N. (2024). Development of the culture of the peoples of the North Caucasus as a result of the joint activities of representatives of the Russian and mountain intelligentsia in the XIX–XX centuries. *Society: Philosophy, History, Culture, 12(128)*, 318-328. EDN: OQTGRO. https://doi.org/10.24158/fik.2024.12.40

CC BY

Информация об авторах

Текеева Лариса Кичиевна – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой, Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
г. Карачаевск, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7461-1926;
Scopus Author ID: 57225148530;
ResearcherID: GZM-2337-2022;
e-mail: lar-tek@yandex.ru

Чотчаев Дахир Джансохович – старший преподаватель,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
г. Карачаевск, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6252-3366;
e-mail: tchotchaev-dahir@yandex.ru

Тамбиев Шамиль Хаджимуссаевич – аспирант,
Карачаево-Черкесский государственный университет им. У.Д. Алиева
г. Карачаевск, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0002-6099-680X;
e-mail: zuhra.82@inbox.ru

Поступила в редакцию 30.03.2026
Принята к публикации 24.05.2026
Опубликована 29.05.2026

Information about the authors

Larisa K. Tekeyeva – Cand. Sci. (Hist.), head of chair
U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University
Karachayevsk, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7461-1926;
Scopus Author ID: 57225148530;
ResearcherID: GZM-2337-2022;
e-mail: lar-tek@yandex.ru

Dakhir D. Chotchaev – senior lecturer,
U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University
Karachayevsk, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0001-6252-3366;
e-mail: tchotchaev-dahir@yandex.ru

Shamil K. Tambiev – postgraduate student,
U.D. Aliyev Karachay-Cherkess State University
Karachayevsk, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0009-0002-6099-680X;
e-mail: zuhra.82@inbox.ru

Received 30 March 2026
Accepted 24 May 2026
Published 29 May 2026

CC BY

Научная статья

Этничность в городском пространстве: практики репрезентации и исследовательские подходы к изучению темы

https://doi.org/10.31483/r-167277
УДК [316.7:304.4]316.334.56

Ягафова Е. А.
Самарский государственный социально-педагогический университет
г. Самара, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-2784-8090, e-mail: yagafova@yandex.ru

Резюме. В статье рассмотрен исследовательский опыт в изучении практик репрезентации этничности в городской среде, проанализированы труды российских и зарубежных исследователей по теме, выявлены и охарактеризованы основные формы и способы демонстрации этнической культуры, роль репрезентативных практик в формировании социокультурного пространства города, обозначены основные направления исследовательского поиска. Материал проанализирован с точки зрения проблематики, предметного поля, методологических подходов исследователей. Результаты исследования показали, что репрезентация этничности связана с формированием этнического образа («своего», «Другого»). Предметом исследования выступают способы этнизации городского пространства как символического и функционального «присвоения» городской среды, средства репрезентации, выраженные в текстуальной, визуальной и предметной формах, роль этнических общин и представляющих их национально-культурных общественных организаций в этом процессе. Технологии репрезентации и сохранения этнической культуры, понимаемые как совокупность методов и инструментов практик сохранения этнокультуры, в том числе посредством ее конструирования, включают такие практики, как проведение публичных мероприятий — «инсценирование этничности», дизайн городской среды, символическое освоение пространства в практике создания этнически маркированных пунктов общественного питания, торговых точек.

Ключевые слова: этничность, городское пространство, репрезентация, исследовательские подходы.

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №26-28-20010, https://rscf.ru/project/26-28-20010/»

Для цитирования: Ягафова Е. А. Этничность в городском пространстве: практики репрезентации и исследовательские подходы к изучению темы // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 21-26. DOI 10.31483/r-167277. EDN EJAXPU

Research Article

Ethnicity in Urban Space: Representation Practices and Research Approaches to Studying the Topic

Ekaterina A. Iagafova
Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-2784-8090, e-mail: yagafova@yandex.ru

Abstract. The article examines research experience in the representation of ethnicity in urban environments, analyzing the work of Russian and international scholars on the topic. It identifies and characterizes the main forms and methods of demonstrating ethnic culture, explores the role of representational practices in shaping the sociocultural space of the city, and outlines the principal areas of research. The material is analyzed in terms of its thematic focus, subject area, and the methodological approaches employed by the researchers. The results demonstrate that the representation of ethnicity is linked to the formation of an ethnic image (“one's own”, “the Other”). The subject of the research encompasses the methods of ethnicization of urban space as a symbolic and functional “appropriation” of the urban environment; the means of representation expressed in textual, visual, and material forms; and the role of ethnic communities and the national-cultural public organizations representing them in this process. Technologies for representing and preserving ethnic culture, understood as a set of methods and tools for its preservation — including through its construction — involve practices such as staging public events (“staging ethnicity”), urban design, and the symbolic development of space in the creation of ethnically marked community canteens and retail outlets.

Keywords: ethnicity, representation, urban space, research approaches.

Acknowledgements. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 26-28-20010, https://rscf.ru/project/26-28-20010/»

For citation: Iagafova E. A. (2026). Ethnicity in Urban Space: Representation Practices and Research Approaches to Studying the Topic. *Ethnic Culture, 8*(2). 21-26. EDN: EJAXPU. https://doi.org/10.31483/r-167277

CC BY

Введение

Одним из актуальных вопросов в современных этнологических исследованиях является изучение практик репрезентации этничности в городском пространстве, связанных с демонстрацией этническими группами своей культуры и ее элементов, осуществляемой в различных формах: вербальной / текстуальной, визуальной, предметной. Особую актуальность приобретает тема в многонациональном городе, обладающем особыми условиями для межкультурных контактов и взаимодействия этнических групп. Какие образы этнической культуры создаются, и какими средствами они поддерживаются? Как происходит этнизация городского пространства? Как воспринимается этот процесс городским населением? Эти и другие вопросы находятся в центре внимания исследователей, изучающих эту тему.

Материал и методы исследования

В данной статье рассмотрен исследовательский опыт в изучении практик репрезентации этничности в городской среде, анализ которого позволил выявить основные формы и способы демонстрации этнической культуры, обозначить роль этнического компонента в формировании социокультурного пространства города. Материалом для работы послужили труды российских и зарубежных исследователей по теме, проанализированные с точки зрения проблематики, предметного поля, методологических подходов. Основным методам исследования стал критический анализ научной литературы по теме с приемами типологизации и сопоставительного изучения рассматриваемых работ.

Интерес исследователей к теме репрезентации этичности в городской среде проявился в середине 2000 гг., а основная часть работ по данной теме была написана в 2010 гг. Однако, как показала динамика публикаций, актуальность проблематики сохраняется и в настоящее время.

Результаты исследования и их обсуждение

Репрезентацию этничности исследователи связывают с практиками «представления, обозначения и демонстрации этнических Других в городском пространстве»[1]. Этнический «Другой» выступает необходимым элементом для создания и поддержания многообразия в современном обществе, а также для формирования представления о «Себе»[2]. В процессе репрезентации формируется некий образ, который, как полагают исследователи, и является собственно реальностью[3]. При этом закономерно они задаются вопросом о том, представляется ли нам с помощью символов и знаков реальный объект / субъект (этнический «Другой»), или этот «Другой» не является «истинно» этническим, аутентичным?[4] В процессе репрезентации этничности за этническим названием (символом) не всегда стоит этническое содержание, это симулякр (по Ж. Бодрияру), который не означает реальность, а симулирует ее.

При изучении практик репрезентации этничности исследователи отмечают такое явление, как этнизация городского пространства. В современной российской этнологии и социологии под этнизацией городского пространства понимается процесс манифестации, т. е. публичного выражения в нем этничности, основанного на ее мобилизации[5], а также «актуализации этнического фактора в повседневной жизни, социальных и политических отношениях, в механизме формирования социальных связей и отношений, маркировании их этническими категориями»[6]. В этом ключе написаны работы В. И. Дятлова[7], О. А. Богатовой и Е. Н. Гусевой[8], Ю. П. Шабаева[9] о столицах национальных республик в составе РФ. Технологии репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов рассмотрены в статье О. А. Бодровой и И. А. Разумовой «как совокупность методов и инструментов практик сохранения этнокультуры, в том числе посредством ее конструирования» [Бодрова, Разумова, 2021, с. 172].

Этнизация городского пространства нередко связана с целенаправленной политикой власти и деятельностью национально-культурных общественных организаций и проявляется, как отмечает Е. А. Пивнева, «на различного рода этнокультурных мероприятиях, а также в демонстративных действиях, которые реализуются либо на личностном, либо на институциональном уровнях» [Пивнева, 2020, с. 235]. Анализируя современные репрезентативные практики коренной Югры, автор отмечает, что «во многом основаны на технологиях территориального маркетинга, в русле функционирования брендов регионов» [Пивнева, 2020, с. 237].

Репрезентация этничности в поликультурной среде напрямую связана с активностью присутствующих в ней этнических общин. Л. С. Пешкова рассматривает деятельность этнических общин как пример «инсценирования этничности»[10]. Инсценирование, или

[1] Пустарнакова А. А. Этнический Другой как коммуникативный субъект: анализ репрезентации «Другости» в этнических ресторанах // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2008. Том 2, № 1. С. 254.

[2] Fanon F. National Culture // The Postcolonial Studies Reader. London ; New York, 2001. P. 153–157.

[3] Усманова А. Между искусствознанием и социологией: о предмете и методе «визуальных исследований // Визуальные аспекты культуры — 2006 : сборник научных статей. Ижевск, 2006. С. 10–20.

[4] Пустарнакова А. А. Репрезентация этнических «Других» в городском пространстве // Вестник Самарского государственного университета. 2007. Том 1, № 51. С. 42.

[5] Дятлов В. И. Столицы сибирских автономий: советский проект нациестроительства и этнизация городского пространства // Республики на Востоке России: траектории экономического, демографического и территориального развития. Улан-Удэ, 2018. С. 241.

[6] Дятлов В. И., Григоричев К. В. Сибирь: динамика этнизации городского пространства переселенческого общества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Том 10. С. 8.

[7] Дятлов В. И. Указанное сочинение.

[8] Богатова О. А., Гусева Е. Н. Историческая память и этничность в городской архитектурной среде как фактор конструирования социальной идентичности населения столиц республик в составе Российской Федерации на примере Ижевска и Саранска // Вестник Удмуртского университета. 2019. Том 3, № 4. С. 409–429.

[9] Шабаев Ю. П. Культурное пространство столицы Коми: первичный и вторичный текст // Человек. Культура. Образование. Научно-образовательный и методический журнал. 2012. № 4. С. 89–98.

[10] Пешкова В. С. Инсценирование «украинскости»: некоторые культурные практики репрезентации этнических различий в современной Москве // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Том 8, № 1. С. 136–149.

CC BY

проигрывание этничности является доминирующим образом существования этничности на публичном уровне взаимодействия этнической общины с другими представителями «своей» этнической группы, с обществом и властью. Это различные этнические фестивали, праздники, гражданские и политические церемонии, где каким-либо образом эксплуатируются этнические мотивы, и которые превратились в своеобразное культурное производство на основе инсценирования соответствующих культурных форм и символов. Посредством таких театрализованных обрядов реконструируются культурные образы, которые играют роль механизма ритуального восстановления своего этнокультурного происхождения[11].

Наиболее благоприятными для инсценирования этничности оказываются ситуации в тех сферах жизни, где она может стать видимой и понятной как в групповом «употреблении», так и в самопрезентации внешнему окружению. Речь идет о посещении этнических ресторанов и кафе, которые являются наиболее распространенными и значимыми агентами в процессе поддержания и представления символической, воображаемой этничности[12].

Изучению этой темы посвящен целый ряд работ в зарубежной историографии. Ресторан рассматривается как так называемое третье место — не публичное, но и не приватное, т. е. лиминальное, пограничное пространство, в котором человек публично осуществляет традиционно приватное действие по потреблению пищи[13], пространством социального взаимодействия, позволяющим наблюдать характерные черты того или иного социума, в частности распределение на социальные группы и их роли, символическое потребление, границы личного и публичного; рестораны также имеют отношение к презентации городов, регионов, стран, в которых они расположены или которые они призваны отражать. Известная исследовательница Шарон Зукин помещает рестораны в более широкие рамки символической экономики города, благодаря их театральности[14]. Многие исследователи рассматривают ресторан как театральную сцену проигрывания социальных ролей, идентичностей, ритуалов и т. д. В центре внимания также вопросы типологии этнических ресторанов, мотивации их посещения жителями городов, особенности оформления интерьера, роль таких ресторанов в их местной среде, в частности для консолидации этнического сообщества, трансляции этнических традиций[15]. В отечественной науке этой теме посвящены десятки работ — статьи Е. А. Варшавер и А. Л. Рочевой[16], Е. Ю. Гуляевой[17], Е. В. Дятловой[18], В. М. Пешковой[19], О. В. Пинчук и Т. Р. Миняжева[20], А. А. Пустарнаковой[21], Р. Г. Мударисова и А. Д. Кобитева[22], Н. М. Галимуллиной, О. Н. Коршуновой, И. Р. Феоктистовой[23], В. А. Каштанюк и Е. В. Титовой[24], Т. В. Мазаковой[25], Е. А. Яковлевой, А. Ф. Исмагиловой [Яковлева, Исмагилова, 2020].

Историография вопроса и методологические подходы были обобщены в работе Е. А. Шекеры [Шекера, 2023] и в серии публикаций А. А. Пустарнаковой, основанных на анализе этнических ресторанов Самары в начале 2000 гг.[26]. В работе Е. А. Шекеры рассмотрены методы сбора данных, примененные в указанных выше работах: картографирование городского пространства, долгосрочные командные или одиночные исследования с пошаговым поиском объектов на выделенных территориях, наблюдение и опросы, привлечение интернет-сервисов (геоинформационных систем (интерактивных электронных карт) 2ГИС, Yandex и Google, Tripadvisor, ZOON и сайта «Афиша») и интернет-источников; привлечение официальных документов. Обобщая уровень и объем проведенных исследований, Е. А. Шекера отмечает, что при изучении темы «наблюдается перевес в сторону анализа мировых кухонь, интерес к кухням народов России заметно слабее, также не найдено исследований предприятий общепита, предлагающих кухни, включающие ярко выраженные религиозные ограничения (халяльная, кошерная пища)» [Шекера, 2023, с. 163]. Этнический ресторан, по мнению А. А. Пустарнаковой, «представляет собой и коммуникативное пространство (в котором мы обнаруживаем смыслы текстов этнических Других), а также среду для коммуникации значимых агентов, конструирующих и воспринимающих репрезентации этнической «другости»»[27].

[11] Там же. С 144–145.
[12] Пустарнакова А. А. Репрезентация…
[13] Moench V. Gastronomica. 2009. Volume 9. No. 3. P. 94–95.
[14] The Restaurants Book: Ethnographies of Where We Eat. Oxford ; New York : Berg Publishers, 2007. P. 8.
[15] Ebster C., Guist I. The Role of Authenticity in Ethnic Theme Restaurants // Journal of Foodservice Business Research. 2014. Volume 7. P. 41–52; Karaosmanoglu D. Globalised Cuisine, Non-National Identities and the Individual: Staging Turkishness in Turkish-Speaking Restaurants in London // Journal of Intercultural Studies. 2013. Volume 34. P. 371–386; Moench V. Указанное сочинение; Han Wen, Xi Leung, Yathip Pongtornphurt. Exploring the Impact of Background Music on Customers' Perceptions of Ethnic Restaurants: the Moderating Role of Dining Companions // International Journal of Hospitality Management. 2020. Volume 43. P. 71–79.
[16] Варшавер Е. А., Рочева А. Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. Том 3, № 121. С. 104–114.
[17] Гуляева Е. Ю. Что делает ресторан этническим? (на примере армянских ресторанов в Санкт-Петербурге) // Антропологический форум. 2017. № 32. С. 67–94.
[18] Дятлова Е. В. Китайский общепит в процессе этнизации городского пространства (на примере Иркутска) // Известия Иркутского государственного университета. 2014. № 10. С. 166–179.
[19] Пешкова В. М. Инфраструктура трудовых мигрантов в городах современной России (на примере мигрантов из Узбекистана и Киргизии в Москве) // Мир России. 2015. № 2. С. 129–151; Пешкова В. М. Среднеазиатские этнические кафе Москвы: мигрантская инфраструктура в городском пространстве // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015. С. 186–202.
[20] Пинчук О. В., Миняжев Т. Р. Рынки и рестораны Москвы: сетевые сообщества трудовых мигрантов из Азербайджана // Журнал исследований социальной политики. 2017. Том 15, № 2. С. 251–266.
[21] Пустарнакова А. А. Репрезентация…
[22] Мударисов Р. Г., Кобитев А. Д. Гастрономический туризм по татарской национальной кухне города Казани // Современные проблемы сервиса и туризма. 2015. Том 9. № 4. С. 95–103.
[23] Галимуллина Н. М., Коршунова О. Н., Феоктистова И. Р. Нейминг заведений общественного питания в контексте межкультурной коммуникации // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2019. Том 3, № 103. С. 19–27.
[24] Каштанюк В. А., Титова Е. В. Национальная кухня как способ межкультурных коммуникаций в Еврейской автономной области // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. Том 8. С. 439–450.
[25] Мазанкова Т. В. Китайское наступление: развитие китайской кухни в Хабаровске // Baikal Research Journal. 2015. Том 6. № 5. С.
[26] Пустарнакова А. А. Репрезентация…; Пустарнакова А. А. Этнический Другой…
[27] Пустарнакова А. А. Этнический Другой… С. 254.

CC BY

Автор приходит к выводу, что «именно экономические мотивы заставляют «профессионалов» обращаться к конструированию репрезентаций этнической “другости” в этнических ресторанах»[28].

Репрезентация этничности в городском пространстве связана с этническими рынками, определяемыми исследователями как важнейшие центры городской жизни и сложные социальные организмы[29]. Этой теме посвящены работы В. И. Дятлова[30], К. Г. Григоричева[31], И. Пешкова[32], Д. Брязгиной[33] и др. Авторы подходят к изучению вопроса с позиции внутренней организации рынка, его отношения с городским сообществом, рассматривая их как комплексный феномен, как элемент городского пространства. Манифестация этничности выступает инструментом репрезентации особого пространства экономического и культурного взаимодействия[34]. Изучая рынки сибирских городов, в частности «китайские» рынки, исследователи отмечают, что этнические рынки «превратились в сложные и самостоятельные социальные организмы, сгустки социальных связей, сетей, конфликтов, механизмов власти контроля»[35]. Исследователи обращают внимание на неоднозначность трактовки содержания и функций рыночного пространства как места доминирования той или иной этнической группы и его закрытости для городского сообщества, с одной стороны, а с другой стороны, как места коммуникации этнического сообщества с горожанами[36].

Одним из актуальных вопросов в изучении современной праздничной культуры является этнический праздник в городском пространстве. Изменение социального контекста вследствие перемещения из традиционной сельской среды в города, влияние современной массовой культуры, тенденции модернизации и глобализации общества отражаются на функциональной и содержательной природе народной праздничной культуры породили исследовательский интерес. Тема этнических праздников в городском пространстве рассмотрена в работах Т. Г. Бортниковой[37], Л. В. Деминой[38], Т. Н. Золотовой[39], Т. Н. Паренчук[40], Е. А. Ягафовой[41] и др.

Изучение городских этнических праздников показывает трансформацию их характеристик. Т. Г. Бортникова отмечает, что «городская среда существенно изменила само содержание календарной обрядности: традиционные праздники, некогда связанные с земледельческим циклом, сегодня выполняют преимущественно этнопсихологическую (“эмоциональная разрядка”) и коммуникативную функции»[42]. Несмотря на то, что праздничная культура претерпела значительные изменения под влиянием урбанизации и новых технологий современной жизни, и многие ритуалы исчезли, этнический праздник продолжает свое существование в новых формах, сохраняя главное — свою знаковую сущность. Смещение акцентов в современной праздничной культуре обусловлено изменениями в ценностных ориентациях, картине мира этнической группы, недостаточной институциональной полнотой деятельности представляющих ее организаций[43].

Таким образом, на данный момент в отечественной и зарубежной науке накоплен значительный опыт в изучении темы репрезентации этничности в городском пространстве. Описанные исследовательские практики и подходы актуальны в отношении многонациональных и поликонфессиональных мегаполисов, в том числе российских городов, имеющих, как правило, сложную историю формирования этнического состава населения и динамичные изменения в современной этнокультурной жизни города.

Анализ сложившихся исследовательских подходов и практик по проблеме позволил выделить основные направления научного поиска: способы этнизации городского пространства как символического и функционального «присвоения» городской среды; технологии репрезентации и сохранения этнической культуры — совокупность методов и инструментов практик сохранения этнокультуры, в том числе посредством ее конструирования, включающие такие практики, как оформление музейного пространства, проведение публичных мероприятий — инсценирование этничности, дизайн городской среды, символическое освоение пространства в практике создания этнически маркированных пунктов общественного питания, торговых точек; средства репрезентации, выраженные в текстуальной, визуальной и предметной формах; роль этнических общин и представляющих их национально-культурных

[28] Там же. С. 255.

[29] Григоричев К. В., Гузей Я. С. Язык «этнических» рынков: базар как пиджин и ситуация границы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Том 21, № 3. С. 530–556.

[30] Дятлов В. И. «Китайские рынки» российских городов — «уходящая натура»? // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 20–30; Дятлов В. И. «Китайский» рынок «Шанхай» в Иркутске: роль в жизни городского сообщества // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Том 10. С. 103–119; Дятлов В. И. «Этнические рынки» в современной России — ускользающий объект исследовательского внимания // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015. С. 16–41.

[31] Григоричев К. В. Базар и город: «китайский» рынок как точка сборки городского пространства // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015. С. 86–104.

[32] Пешков И. Базар и вещи. Репрезентации товарно-вещевых рынков в перспективе материалистического поворота // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015. С. 59–85.

[33] Брязгина Д. «Китайские» рынки Иркутска: в поисках невидимой сети // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015. С. 124–140.

[34] Григоричев К. В., Гузей Я. С. Указанное сочинение. С. 530–546.

[35] Дятлов В. И. «Этнические рынки»… С. 17.

[36] Хорие Н., Григоричев К. В. Эволюция китайских рынков в Сибири: пересборка «китайскости» и открытие «закрытых» локальностей // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск, 2015. С.141–158.

[37] Бортникова Т. Г. Праздник как сфера проявления этнического // Социально-экономические процессы и явления. 2012. № 2. С. 220–226.

[38] Демина Л. В. Традиционный народный праздник в контексте современной культуры // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2011. № 1. С. 103–107.

[39] Золотова Т. Н. День святого Валентина в современном городе // История и культура городов России: от традиции к модернизации. Омск, 2006. С. 138–140.

[40] Паренчук Т. Н. Полифункциональная природа городской праздничной культуры и ее эволюция в XX–XXI в. // Эстетико-культурологические смыслы праздника. Москва, 2009. С. 390–416.

[41] Ягафова Е. А. Городские праздники самарских чувашей: традиции и модернизация // Šventės šiuolaikiniame mieste = Festivals in the modern city: straipsnių rinklinys. Vilnius, 2013. С. 162–172.

[42] Бортникова Т. Г. Указанное сочинение. С. 223.

[43] Там же. С. 225–226.

CC BY

общественных организаций в этом процессе; восприятие этнического контента в публичном пространстве как фактор формирования межкультурного диалога.

Как правило, исследователи рассматривали углубленно один из аспектов темы, что лишало возможности составить целостную картину репрезентации этничности в том или ином городе. Методологически новым подходом в изучении темы может стать комплексный анализ разных способов этнизации городского пространства, охватывающих различные сферы деятельности, что позволит обозначить практики, наиболее актуальные, востребованные или, наоборот, вызывающие негативную реакцию населения.

Эмпирическую базу исследования могут составить: 1) данные по этнической топографии города (исторические и современные этнические названия местности, этнически маркированные объекты), собранные в том числе с использованием методики виртуального поля, с последующим созданием их реестра и схемы расположения на карте города с использованием Google My Maps / конструкторов карт Яндекс и ГИС2; 2) текстуальная и визуальная информация (вывески, реклама, дизайн городской среда); 3) музейное пространство города (экспозиция, каталоги, буклеты); 4) публичные мероприятия (этнические и межнациональные праздники); 5) этнически маркированные пункты общественного питания (столовые, кафе, рестораны), торговые точки (магазины, рынки); 6) мотивация участников / организаторов практик репрезентации этничности — глубинные интервью с руководителями и сотрудниками учреждений / организаций; 7) восприятия этнического контента в публичном пространстве — онлайн-опрос жителей города одной из площадок в социальных сетях (на платформе Гугл или Яндекс); 8) виртуальный контент — сайты учреждений культуры. Основными методами сбора эмпирического материала являются визуальное наблюдение в процессе изучения дизайна городской среды в целом, отдельных локаций (ресторанов, кафе, рынков, музеев и т. д.), мест проведения этнических мероприятий; глубинные неформализованные и полуструктурированные интервью / опросы участников / организаторов практик репрезентации этничности; массовый онлайн-опрос жителей города, изучение сайтов соответствующих учреждений.

Исследование социокультурного пространства конкретного города позволит выявить механизмы репрезентации этничности, связанные с формированием этнических образов проживающих в городе этнических групп, определить актуальные практики репрезентации этничности в различным сферах жизнедеятельности (в культуре, социальной сфера, экономике) и отношение к ним городского населения; охарактеризовать способы этнизации городского пространства как символического и функционального «присвоения» городской среды (оформление музейного пространства, проведение публичных мероприятий, дизайн городской среды, символическое освоение пространства в практике создания этнически маркированных пунктов общественного питания, торговых точек); определить средства репрезентации этничности, выраженных в текстуальной, визуальной и предметной формах; обозначить роль этнических общин и представляющих их национально-культурных общественных организаций в этом процессе.

Выводы

Изучение сложившихся исследовательских подходов и практик по проблеме репрезентации этничности в городском пространстве указывает на основные направления научного поиска. Репрезентация этничности связана с формированием этнического образа («своего», «Другого»). Предметом исследования темы выступают способы этнизации городского пространства как символического и функционального «присвоения» городской среды, средства репрезентации, выраженные в текстуальной, визуальной и предметной формах, роль этнических общин и представляющих их национально-культурных общественных организаций в этом процессе. Технологии репрезентации и сохранения этнической культуры, понимаемые как совокупность методов и инструментов практик сохранения этнокультуры, в том числе посредством ее конструирования, включают такие практики, как оформление музейного пространства, проведение публичных мероприятий — инсценирование этничности, дизайн городской среды, символическое освоение пространства в практике создания этнически маркированных пунктов общественного питания, торговых точек. Исследовательские практики и теоретико-методологические подходы, рассмотренные в статье, служат основой для определения круга изучаемых вопросов и источниковой базы для проведения эмпирических исследований.

Список литературы

Бодрова О. А., Разумова И. А. О современных технологиях репрезентации и сохранения этнической культуры кольских саамов // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2021. № 1 (52). С. 172-178. DOI 10.20874/2071-0437-2021-52-1-16. EDN GPUXIT

Пивнева Е. А. Этнокультурная идентичность в городских репрезентациях (по материалам обских угров) // Этнокультурная идентичность: феноменология и вариативность в контекстах истории XIX-XXI веков : материалы Девятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений (Санкт-Петербург, 1-3 декабря 2020 г.). Санкт-Петербург : Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Российский этнографический музей», 2020. С. 234-238. EDN JRWLLZ

Шекера Е. А. Конструирование социальной карты питания дагестанской молодежи в Санкт-Петербурге: гражданская наука как альтернативный способ сбора данных // Векторы благополучия: экономика и социум. 2023. Том 49. № 2. С. 158-172. DOI 10.18799/26584956/2023/2/1536. EDN NNMDON

Яковлева Е. А., Исмагилова А. Ф. Уфа как текст: образ национального города на примере ресторанного дискурса башкирской кухни // Российский гуманитарный журнал. 2020. Том 9. № 5. С. 334-341. DOI 10.15643/libartrus-2020.5.6. EDN PVWFGO

CC BY

References

Bodrova, O. A., Razumova, I. A. (2021). Modern technologies in representation and preservation of the Kola Sami ethnic culture. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii, 1(52)*, 172-178. EDN: GPUXIT. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-16

Pivneva, E. A. (2020). Ethnocultural identity in urban representations (based on the materials of the Ob Ugrians). *Ethnocultural identity: phenomenology and variability in the contexts of the history of the XIX–XXI centuries*: materials of the Nineteenth International St. Petersburg Ethnographic Readings (St. Petersburg, December 1-3, 2020), 234-238. EDN: JRWLLZ

Shekera, E. A. (2023). Design of the social nutrition map of Dagestan youth in St. Petersburg: civil science as an alternative way of data collection. *Journal of wellbeing technologies, 49*(2), 158-172. EDN: NNMDON. https://doi.org/10.18799/26584956/2023/2/1536

Yakovleva, E. A., Ismagilova, A. F. (2020). Ufa as a text: the image of the national city on the example of the restaurant discourse of Bashkir cuisine. *Liberal arts in Russia, 9*(5), 334-341. EDN: PVWFGO. https://doi.org/10.15643/libartrus-2020.5.6

Информация об авторе

Ягафова Екатерина Андреевна – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой, Самарский государственный социально-педагогический университет г. Самара, Российская Федерация; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2784-8090; Scopus Author ID: 57215085996; ResearcherID: AAY-3887-2020; e-mail: yagafova@yandex.ru

Information about the author

Ekaterina A. Iagafova – Dr. Sci. (Hist.), professor, head of chair, Samara State University of Social Sciences and Education Samara, Russian Federation; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2784-8090; Scopus Author ID: 57215085996; ResearcherID: AAY-3887-2020; e-mail: yagafova@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.05.2026
Принята к публикации 18.06.2026
Опубликована 19.06.2026

Received 24 May 2026
Accepted 18 June 2026
Published 19 June 2026

CC BY

Научная статья

Языковая инкорпорация в современном английском языке

https://doi.org/10.31483/r-154071
УДК [811.111'366.587:81'255.4]'373.43

Дудий И. Н.[a], Демидова И. А.[b], Островерхая И. В.[c]
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград, Российская Федерация.
[a] https://orcid.org/0000-0003-1241-3606, e-mail: idudii@kantiana.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-1908-7412, e-mail: idemidova@kantiana.ru
[c] https://orcid.org/0000-0001-9144-0084, e-mail: iostroverkhaya@kantiana.ru

Резюме. Настоящая работа посвящена исследованию малоизученной проблемы языковой инкорпорации в современном английском языке, вызывающей трудности в понимании и переводе. В задачи исследования входят установление разграничения инкорпоративных конструкций от сложных слов, словосочетаний и предложений; выделение и описание лексико-семантических классов инкорпоративных конструкций; выявление их стилистической принадлежности; моделирование и обоснование оптимальных способов перевода инкорпоративных конструкций на русский язык. Проведенное исследование представляется актуальным, так как механизм инкорпорирования в современном английском языке остается дискуссионным в плане трактовки инкорпоративных конструкций, представляющих нетипичные образования для аналитического строя английского языка. Авторами предлагается рабочее определение инкорпоративной конструкции как особой морфолого-синтаксической единицы. Исследование проведено на материале инкорпоративных конструкций, отобранных методом сплошной выборки из газетных, журнальных и художественных текстов XX–XXI вв. с применением контекстного, сравнительно-сопоставительного, категориального, семантического, логико-сопоставительного методов. В исследовании осуществлена типологизация инкорпоративных комплексов на структурном, семантическом и синтаксическом уровнях; установлены номинативные, номинативно-коммуникативные инкорпоративные комплексы, а также комплексы с модальной оценкой; обозначены основные принципы и стратегии перевода исследуемых конструкций на русский язык, включая компенсацию и членение предложения. В работе делается вывод о том, что инкорпоративные конструкции, представляя собой уникальное лингвистическое явление, актуализируют глубинные морфолого-синтаксические связи в современном английском языке, способствуя межязыковой корреляции переводимых индивидуально-речевых образований на русский язык. Полученные результаты помогут распознавать, понимать смысловой объем и стилистически верно интерпретировать значения инкорпорированных комплексов.

Ключевые слова: номинативные, номинативно-коммуникативные инкорпоративные конструкции, инкорпоративные конструкции с модальной оценкой, перевод инкорпоративных конструкций, инкорпоративные конструкции на уровне сложного слова, словостяжения и предложения.

Для цитирования: Дудий И. Н., Демидова И. А., Островерхая И. В. Языковая инкорпорация в современном английском языке // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 27-34. DOI 10.31483/r-154071. EDN JDTYSD

Research Article

The Phenomenon of Linguistic Incorporation in Modern English

Inna N. Dudii[a], Irina A. Demidova[b], Irina V. Ostroverkhaia[c]
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation.
[a] https://orcid.org/0000-0003-1241-3606, e-mail: idudii@kantiana.ru
[b] https://orcid.org/0000-0002-1908-7412, e-mail: idemidova@kantiana.ru
[c] https://orcid.org/0000-0001-9144-0084, e-mail: iostroverkhaya@kantiana.ru

Abstract. The article aims to investigate the problem of linguistic incorporation, which remains an understudied phenomenon, causing difficulties in understanding and translation in modern English. The research objectives include establishing the distinction between incorporative constructions and compound words, phrases, and sentences; identifying and describing the lexico-semantic classes of incorporative constructions; determining the stylistic affiliation of incorporative constructions; as well as modeling and justification of optimal ways to translate corporate constructions into Russian. The conducted research is considered relevant, as the mechanism of incorporation in modern English remains debatable in terms of the interpretation of incorporative constructions, which represent atypical formations for the analytical structure of the English language. A working definition of an incorporative construction as a special morphosyntactic unit is proposed. The research was conducted on material from incorporative constructions selected through a continuous sampling method from newspaper, magazine, and literary texts of the XX–XXI centuries, using contextual, comparative, categorical, semantic, and logical-comparative methods. A typologisation of incorporative complexes was carried out at the structural, semantic, and syntactic levels. Nominative, nominative-communicative, and complexes with modal evaluation incorporative complexes were identified. The main principles and strategies for translating the studied constructions into Russian, including compensation and sentence splitting, are outlined. It is concluded that incorporative constructions, representing a unique linguistic phenomenon, actualize deep morphosyntactic connections in modern English, contributing to the interlingual correlation of translated individual speech formations into Russian. The obtained results will help in recognising, understanding the semantic scope, and stylistically correctly interpreting the meanings of incorporated complexes.

Keywords: nominative and nominative-communicative incorporative constructions, incorporative constructions with modal evaluation, translation of incorporative constructions, incorporative constructions at the compound word level, word blends and sentence level.

For citation: Dudii I. N., Demidova I. A., & Ostroverkhaia I. V. (2026). The Phenomenon of Linguistic Incorporation in Modern English. *Ethnic Culture, 8*(2). 27-34. EDN: JDTYSD. https://doi.org/10.31483/r-154071

CC BY

Введение

Инкорпоративные конструкции (ИК) в современном английском языке являются малоизученными и нетипичными структурами со сложным характером. Преимущественно ИК используются в газетных, журнальных, а также художественных текстах английских и американских авторов XX–XXI вв. Большинство ИК — окказионализмы, индивидуально-речевые образования, которые создаются применительно к данной ситуации, для данного конкретного контекста и не получают дальнейшего распространения, например: *Lesley came in with a practiced, hurt-little-girl expression.* 'Лесли вошла с обычным выражением на лице — «обидели маленькую девочку»' (здесь и далее перевод наш. — *Авт.*).

Однако многие ИК, пройдя несколько стадий социализации и лексикализации, регистрируются в словарях: *forget-me-not* 'незабудка', *merry-go-round* 'карусель'. Сложные связи между компонентами ИК, полисемия и контекстуальная зависимость, ограниченное использование в английском языке, а также особая экспрессивность и эмоциональная окрашенность делают их нелегкими для понимания и вызывают трудности при переводе.

В настоящем исследовании предпринимается попытка комплексного анализа ИК с точки зрения их типологизации на структурном, семантическом и синтаксическом уровнях, а таже исследование инкорпорации как лингвистического явления посредством систематизации точек зрения ученых-лингвистов касательно природы данного явления.

Понятие инкорпорирования введено в языкознание немецким ученым В. Гумбольдтом в связи с классификацией языков по способу образования предложений. В. Гумбольдт, выделяя в качестве двух различных типов языки аморфные и языки инкорпорирующие, тем самым резко противопоставлял примыкание и инкорпорирование как формальные приемы выражения синтаксических связей слов в предложении[1].

Термин «инкорпорация» (англ. *incorporation* 'включение') появляется в конце XIX – начале XX вв. в работах ряда американских исследователей в связи с изучением индейских языков, а также в работах российских ученых В. Г. Богораза[2], Л. Я. Штенберга[3], В. И. Иохельсона[4] в связи с изучением палеоазиатских языков. При этом одни лингвисты трактуют лингвистическую инкорпорацию как способ словообразования типа словосложения (В. Г. Богораз, С. Н. Стебницкий[5], Э. Сепир[6]), другие ученые — как синтаксическое явление (В. З. Панфилов[7]), третьи — как морфолого-синтаксическое образование (И. И. Мещанинов[8], Л. А. Верещацкая[9], П. Я. Скорик[10]).

В настоящем исследовании также учитываются точки зрения отечественных и зарубежных лингвистов на природу инкорпорации как способа словообразования, синтаксического или морфолого-синтаксического явления. Так, выявлением специфики функционирования ИК в английском языке занимались М. А. Анохина[11], И. Н. Дудий[12], И. А. Муравьева[13], Е. А. Смирнова и С. В. Шустова[14], М. Барри[15], Р. Холл[16], М. Митхун[17].

Анализ библиографического материала на сайте электронной научной библиотеки eLIBRARY.RU показывает, что новейшие исследования об ИК на материале английского языка представлены единичными работами П. А. Щербо [Щербо, 2022; Щербо, 2023], С. В. Шустовой и Д. Д. Третьяковой [Шустова, Третьякова, 2023] и Л. А. Козловой [Козлова, 2025]. Выявленный факт свидетельствует о том, что проблема языковой инкорпорации остается малоизученным явлением, а также подчеркивает актуальность исследования, предпринятого авторами данной статьи.

Принимая во внимание многообразие трактовок явления инкопорации, авторы настоящего исследования придерживаются следующего рабочего определения ИК как особой морфолого-синтаксической единицы, сформированной в результате межуровневого перехода (незаконченного процесса лексикализации), не являющейся сложным словом, словосочетанием или предложением, но функционирующей на уровне сложного слова, словосочетания или предложения и оформленной написанием каждого слова через дефис, а также зачастую заключением в кавычки в письменных источниках. Считаем необходимым пояснить что, используя термины сложное слово и словосочетание применительно к ИК, мы апеллируем к общепринятым морфологическим критериям разграничения данных словоформ.

[1] Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. Москва : Прогресс, 1984, 398 с.
[2] Bogoras W. The Eskimo of Siberia. New York : AMS Press, 1975. 64 p.
[3] Штейнберг Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы / под редакцией и с предисловием Я. П. Алькор. Хабаровск : Дальгиз, 1933. 740 с.
[4] Johelson W. Peoples of Asiatic Russia. New York : The American Museum of Natural History, 1928. 277 p.
[5] Стебницкий С. Н. Очерки по языку и фольклору коряков / Российская академия наук ; Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунтскамера), Управление народного образования Администрации Корякского автономного округа. Санкт-Петербург : Инвеко, 1994. 294 с.
[6] Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / перевод с английского под редакцией и с предисловием доктора филологических наук профессора А. Е. Кибрика. 2-е издание. Москва : Прогресс, 2002. 656 с.
[7] Панфилов В. З. К вопросу об инкорпорировании // Вопросы языкознания. 1954. № 6. С. 6–29.
[8] Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Москва, Ленинград : Наука, 1978. 387 с.
[9] Верещацкая Л. А. Лингвотипологические основы выделения элементов инкорпорации в современном английском языке // Слово в языке и речи. Нальчик : Кабардино-Балкарский государственный университет, 1982. 165 с.
[10] Скорик П. Я. Грамматические категории и структурный тип языка (на материале инкорпорирующих языков) // Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения. Москва : Наука, 1975. С. 160–185.
[11] Анохина М. А. Явление инкорпорации в английской глагольной лексике: на материале адвербиальных глаголов английского языка : диссертация ... кандидата филологических наук. Барнаул, 2006. 195 с.
[12] Дудий И. Н. Модальные инкорпоративные конструкции // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. Калининград, 2001. С. 93–101.
[13] Муравьева И. А. Типология инкорпорации: диссертация ... доктора филологических наук. Москва, 2004. 286 с.
[14] Смирнова Е. А., Шустова С. В. Инкорпорантные комплексы в английском языке // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2013. № 3. С. 62–71.
[15] Barrie M. Dynamic Antisymmetry and the Syntax of Noun Incorporation. Dordrecht ; Heidelberg ; London ; New York : Springer, 2011. 233 p.
[16] Hall R. How We Noun-Incorporate in English // American Speech, 1956. Volume 31, No. 2. P. 83–89.
[17] Mithun M. The Evolution of Noun Incorporation // Language, 1984. Volume 60, No. 4. P. 847–895.

CC BY

Структурная цельность, слитность, функциональная неделимость, слияние значений составляющих элементов, отличают сложное слово от словосочетаний, где каждый член словосочетания сохраняет свою самостоятельность, ср.: *age-long* 'вековой' и *ages ago* 'давным-давно'[18]. По нашему мнению, корреляция между сложным словом, словосочетанием и ИК на уровне сложного слова и словосочетания достаточно относительная, так как фонетические, синтаксические и орфографические критерии разграничения (написание сложного слова через дефис и раздельное написание компонентов словосочетания) не работают. Все ИК в английском языке оформлены дефисным написанием, каждая ИК вне зависимости от количества компонентов выполняет единую синтаксическую функцию в предложении. Выделяя ИК на уровне предложения, мы опираемся на следующие критерии: смысловую законченность, грамматическую оформленность, наличие грамматической основы, интонационную законченность[19].

Материал и методы исследования

Источником материалов для анализа в данной работе послужили ИК, отобранные методом сплошной выборки из различных источников — аутентичных онлайн-словарей, сетевых газет и журналов, а также художественных текстов английских и американских авторов XX–XXI вв.

Отбор словарей проводился в соответствии с их рейтингом в информационном поле, а именно: в соответствии с академической точностью, репрезентативностью лексики, актуальностью, авторитетностью источника, нормативным статусом и удобством использования — «Oxford English Dictionary», «Cambridge Dictionary», «Longman Dictionary of Contemporary English», «The Merriam-Webster Dictionary». Еще одним авторитетным источником примеров ИК, анализируемых в данной работе, послужила международная онлайн-платформа «Reverso», которая специализируется на контекстном переводе, предоставляя примеры использования слов из текстов различной стилистической направленности.

Сетевые газеты и журналы отбирались на основе критериев популярности, уникальности контента, мультимедийности и качественного взаимодействия с читательской аудиторией и ее вовлеченности, измеряемой репостами и комментариями, — «Chicago Sun-Times», «The Wall Street Journal», «Bloomberg L. P.», «Glamour», «Elle», «Harper's Bazaar».

Выбор художественных произведений английских и американских авторов осуществлялся с ориентацией на литературное качество текста, популярность у читателей, влияние на культуру и признание критиками (А. Голден, Дж. Голсуорси, Дж. К. Джером, Т. Драйзер, Дж. Ирвинг, Э. Леонард, Дж. Лондон, Дж. Д. Сэлинджер, М. Твен, Г. Уэллс, Дж. Фаулз).

Собранный эмпирический материал анализировался на основе контекстного, сравнительно-сопоставительного, категориального, семантического, а также методов логического сопоставления и интерпретирования. Описание результатов осуществляется посредством дескриптивного метода.

Результаты исследования и их обсуждение

Процесс инкорпорирования является неотъемлемой частью словообразования в английском языке. Подтверждением этого служат зафиксированные в разных словарях примеры ИК на уровне сложного слова, например: *merry-go-round* 'карусель', *Jack-in-the-box* 'попрыгунчик', *see-saw* 'качели', *pick-pocket* 'карманник', *second-hand* 'подержанный', *run-down* 'обветшалый', *heart-to-heart* 'душевный, откровенный', *go-between* 'посредник'. Как видно из приведенных примеров, семантическое значение ИК на уровне сложного слова нетождественно значениям отдельных компонентов конструкции.

В качестве примеров ИК на уровне словосочетания можно привести следующие конструкции: *AI and automation can be a game-changer for commercial insurers.* 'ИИ и автоматизация могут стать "переломным моментом" для коммерческих страховщиков'; *But midway through "Mississippi Burning" the movie becomes a 1960s clean-up-this-town Western.* 'Но примерно на полпути через "Сожженный Миссисипи" фильм превращается в вестерн о наведении порядка в 1960-х годах' — данная цитата принадлежит знаменитому американскому кинокритику, лауреату Пулитцеровской премии Роджеру Эберту, который написал рецензию на фильм Алана Паркера «Миссисипи в огне» («Mississippi Burning»), опубликованную девятого декабря 1988 г. в газете «Chicago Sun-Times»; Эберт в своей рецензии критикует фильм за то, что во второй половине историческая драма о борьбе за гражданские права превращается в типичный голливудский боевик.

К категориальным признакам ИК на уровне словосочетания относим формально-раздельный характер номинации, тяготеющий к идиоматической цельности: *fee-for-service* 'плата за обслуживание', *balance-of-payments* 'платежный баланс', *never-say-die attitude* 'позиция «никогда не сдавайся»', *top-of-the-line product* 'лидер в линейке продуктов'.

Примером ИК на уровне предложения может послужить цитата из книги Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». Она описывает Монморенси, фокстерьера, который обладает очень выразительным, хотя и лицемерным, видом праведности и морального негодования: *There is a sort of Oh-what-a-wicked-world-this-is-and-how-I-wish-I-could-do-something-to-make-it-better-and-nobler expression about Montmorency that has been known to bring the tears into the eyes of pious old ladies and gentlemen.* 'У Монморенси такой вид, словно он говорит: "Ух, какой он злой этот мир, и как бы я хотел что-то сделать, чтобы он стал лучше и благороднее", — и этот вид, бывало, вызывал слезы на глазах набожных старушек и почтенных джентльменов' — данная ИК представляет собой имеющий смысловую законченность эпитет, состоящий из двадцати одного слова с двумя грамматическими основами: *this is* и *I wish I could do*.

[18] Харитончик З. А. Глубинные смыслы языковых единиц: Русский язык: система и функционирование (к 95-летию БГУ, 50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П. П. Шубы). Минск : РИВШ, 2016. С. 13–22.

[19] Валгина Н. С. Теория текста. Москва : Логос. 2003. С. 74.

CC BY

Как показывает анализируемый материал, можно выделить три семантических класса ИК: номинативные, номинативно-коммуникативные (предикатные) и ИК, осложненные модальной оценкой.

Номинативные ИК называют предметы, явления, качества, свойства. К ним относятся конструкции на уровне сложного слова и словосочетания. По функционально-синтаксической роли в предложении номинативные ИК могут быть разделены на атрибутивные (*a-man-and-wife relationship* 'отношения мужа и жены'; *a get-rich-quick scheme* 'схема быстрого обогащения'; *a do-it-yourself project* 'проект «сделай сам»'; *a state-of-the-art facility* 'современное оборудование'; *a last-minute decision* 'решение в последнюю минуту), объектные (*You had me wearing another woman's hand-me-downs* 'ты вынудил меня надеть обноски другой женщины'), субъектные (*bags-under-the-eyes* 'мешки под глазами'; *player-of-the-year* 'игрок года'), адвербиальные (*they worked side-by-side on the project* 'плечом к плечу, рядом'; *they spoke face-to-face* 'лицом к лицу'; *they walked hand-in-hand* 'взявшись за руки'; *stand shoulder-to-shoulder* 'стоять плечом к плечу').

К номинативно-коммуникативным (предикатным) ИК относим конструкции на уровне предложения с внутренней предикацией, т. е. те, что выполняют функцию названия действия и в которых основным компонентом является глагол: *He presents them so humbly, with such an air of please-don't-thank-me and I-deserve-it-all* 'Он преподносит их так скромно, с такой манерой «пожалуйста, не благодарите» и «я этого заслуживаю»' — данная цитата из романа Дж. Фаулза «Коллекционер» описывает поведение Фреда, похитителя Миранды; Фред представляет Миранде различные предметы — цветы, еду, книги, но делает это не просто как дающий, а как бы с выражением скромности и одновременно с чувством собственного достоинства и уверенности в своем праве на это.

К ИК, осложненным модальной оценкой, относятся образования как на уровне сложного слова, словосочетания, так и на уровне предложения. Функция, чисто номинативная, в таких конструкциях осложняется субъективно-модальной оценкой, авторским экспрессивно-эмоциональным зарядом. В качестве примера приведем следующие конструкции:

– предикатная ИК с модальной оценкой иронии: *She's always been afraid-to-say-boo-to-a-goose type, so it was a surprise when she stood up to the bully.* 'Она всегда была тихоней, из той породы людей, которые боятся сказать "бу" гусю, поэтому было неожиданностью, когда она выступила против хулигана' — эта фраза часто используется в ироническом контексте в разговорной речи и описывает человека, который чрезмерно боязлив и нерешителен, не умеет постоять за себя и боится выразить свою точку зрения; «сказать "бу" гусю» — это метафора, которая означает «сделать что-то простое и нестрашное»;

– предикатная ИК с негативной, субъективно-модальной оценкой: *The Duke was a con-artist-and-a-fraud-and-a-liar.* 'Дюк был мошенником, шарлатаном и лжецом' — данная ИК — резкая негативная характеристика Дюка, одного из двух мошенников, которые встречаются на пути Гекльберри Фина и Джима в романе «Приключения Тома Сойера»; она подчеркивает опасность и хитрость Дюка, который готов использовать любые средства, чтобы достичь своих целей.

В ходе проведенного анализа было отмечено преимущественное использование номинативных ИК (осложненных и неосложненных модальной оценкой) на уровне сложного слова и словосочетания в газетно-публицистическом стиле (83 процента из общего количества выборки). Номинативно-коммуникативные (предикатные) ИК на уровне предложения характерны главным образом для художественных текстов английских и американских авторов XX–XXI вв. и являются эмоционально окрашенными (75 процентов из общего количества выборки). Дифференциальные признаки и функции данных стилей позволяют объяснить причину такого распределения конструкций.

Газетно-публицистический стиль функционирует в общественно-политической сфере в различных газетных жанрах. Помимо информационно-содержательной функции, его особенностью является стремление к экспрессивности, сенсационности, эмоциональному воздействию, убеждению, поэтому лексика газетно-публицистического стиля имеет ярко выраженную эмоционально-экспрессивную окраску, направленную на привлечение внимания читателей к содержанию статьи, а также формирования положительного или отрицательного отношения к проблематике. Помимо этого, в качестве ключевой характеристики стиля выделяется стремление к речевой компрессии и языковой краткости в связи с передачей значительного объема информации в условиях ограниченности размеров газетного листа, что ведет к отбору в каждом конкретном высказывании и тексте преимущественно кратких средств номинации[20]. Таким образом, данный стиль позволяет использовать наибольшее количество номинативных ИК, выполняющих компрессивную и стилистическую функции.

Примеры использования номинативных ИК в газетно-публицистическом стиле:

Cost-of-Living Crisis Deepens in UK as Inflation Hits 40-Year High. 'В Великобритании обостряется кризис стоимости жизни. Инфляция достигла максимума за последние 40 лет' — несмотря на ощутимую негативную коннотацию, характерную для новостных заголовков, освещающих социально-экономические проблемы, конструкция *cost-of-living* используется в нейтральном и информативном стиле;

New York Times Puts Return-to-Office Plans on Hold as Covid Cases Rise. 'Издание "The New York Times" ставит на паузу планы по возвращению сотрудников в офисы из-за роста заболеваемости COVID-19' — в данном заголовке конструкция *return-to-office* используется в нейтральном информативном стиле;

Trump is a Target of Blind-Leading-the-Blind Justice 'Трамп стал мишенью правосудия, действующего по принципу «слепой ведет слепого»' — фраза представляет собой яркий пример политического комментария из раздела «Мнение» («Opinion») газеты «The Wall Street Journal»;

[20] Наер В. Л. Стилистика в терминах теории вербальной коммуникации : (стилистические аспекты вербальной коммуникации). Москва : МПГУ, 2008. 112 с.

CC BY

здесь автор использует библейскую аллюзию *blind leading the blind*, которая восходит к Евангелию от Матфея («Если слепой ведет слепого, то оба упадут в яму»); заголовок статьи эмоционально окрашен, критикует судебную систему и формирует у читателя скептическое отношение к описываемым юридическим процессам;

A Murky Crisis Meets Our All-Too-Certain Pundits 'Смутные времена на фоне безапелляционности наших обозревателей' — весь заголовок построен на резком контрасте: murky *crisis* 'туманный, неясный, запутанный кризис' — ситуация, в которой мало данных и много неопределенности; *All-Too-Certain Pundits* 'чересчур уверенные в себе эксперты' — люди, которые ведут себя так, будто знают ответы на все вопросы; автор подчеркивает когнитивный диссонанс: чем сложнее реальность, тем проще и агрессивнее становятся суждения СМИ; инкорпоративная конструкция *All-Too-Certain* 'безапелляционный, излишне самоуверенный' модально окрашена и передает оттенок раздражения или иронии;

Britain's Anything-and-Everything Brexit Election 'Британские выборы по Брекзиту: на кону все и сразу — этот пример как нельзя более точно иллюстрирует, как современные медиа используют ИК для создания ярлыков сложным политическим процессам; фраза *anything-and-everything* — эффективный способ «упаковать» сложную концепцию (в данном случае — многогранность кризиса Брекзита, который затрагивает буквально все: экономику, национальную идентичность, социальные льготы и будущее страны) в одну хлесткую заголовочную фразу, выполняющую как компрессивную, так и стилистическую (экспрессивную и информативную) функции.

В стиле художественной прозы, в отличие от газетно-публицистического, в основе создания ИК лежит стремление писателя дать образное описание предмета, действующего лица, его внешности, манеры поведения, образа мышления. Художественная речь отражает поток образно-эмоциональных авторских впечатлений[21]. Таким образом, большинство встречаемых ИК являются индивидуально-стилистическими неологизмами, которые не закрепляются в языковой системе и которые по своей художественной значимости сходны с тропами, в большинстве случаев выступают в качестве особого рода эпитета и передают различные эмоциональные значения. Художественные произведения не ограничены объемом печатных листов, поэтому авторы преимущественно используют в своих произведениях инкорпоративные конструкции на уровне предложения. Например: *I'm not-so-much-a-phony as a phony-for-a-phony.* 'Я не столько фальшивый, сколько фальшивый для фальшивого' — эта фраза — метафора, высказанная главным героем романа «Над пропастью во ржи» Холден Колфилдом; в ней Холден пытается описать свое отношение к фальши и лицемерию, которое он видит вокруг себя; использование ИК в данном контексте помогает создать автору необычный и глубокий образ человека, переживающего внутреннюю борьбу и пытающегося сохранить свою собственную идентичность.

[21] Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. Москва : Русский язык, 2002. С. 98.

Поскольку ИК являются нетипичным образованием для английского языка и в большинстве своем являются окказионализмами — индивидуально-речевыми образованиями, они вызывают значительные сложности в переводе. Для передачи значения ИК можно использовать структуры с аппозитивной связью между приложением и определяемым словом, где они стоят в одном и том же падеже, а зачастую и в одном числе и роде (*a game-of-life* 'жизнь-игра', *a giant-of-a-man* 'человек-великан'); противительные конструкции *не…, а: a dump-of-a-flat* 'не квартира, а мусорная яма'; эмоционально окрашенные суффиксы русского языка (*a chit-of-a-girl* 'девчушка'); словосочетания с зависимым родительным падежом (*player-of-the-year* 'игрок года', *father-of-the-household* 'отец семейства'); субстантивные словосочетания с относительным прилагательным (*a hell-of-a-job* 'адская работа', *balance-of-payments* 'платежный баланс').

Отдельно выделим предикатные ИК с глаголом to be, которые могут переводиться на русский язык как составные именные сказуемые: *She's a real go-getter, an achiever, a mover, a shaker.* 'Она настоящая карьеристка, человек-достигатор, лидер, оказывающий влияние, меняющий ситуацию и добивающийся результатов'; *Dad was never a know-it-all, he just wanted to improve my game.* 'Папа никогда не был всезнайкой, он просто хотел улучшить мою игру'; *Nobody can deny that social media has been a game-changer for marketing.* 'Никто не может отрицать, что социальные сети — революционный фактор для маркетинга'.

Значительное количество ИК зафиксировано в функции определения и для их перевода считаем целесообразным придерживаться следующей схемы: 1) перевести определяемое существительное; 2) проанализировать смысловые связи между членами ИК и разбить их на смысловые группы; 3) переводить весь комплекс, начиная с определяемого слова.

Приведем пример со следующим вариантом перевода атрибутивной ИК: *And Piers saw himself being seen and put on a clever sort of don't-mind-us smile* 'Пирс увидел, что его заметили, и натянул лицемерную улыбку в стиле «не обращайте на нас внимание»' — очевидно, что ключевым определяемым словом конструкции *don't-mind-us smile* является последнее слово — существительное *smile*, а остальные слова — определения к нему. Необходимо отметить, что в английском языке в роли определений могут выступать не только прилагательные, но и существительные, герундии, причастия, а в нашем случае разнообразные комбинации разных частей речи, стянутых в единую конструкцию. Из-за разности грамматического строя языков в английском языке определения стоят перед главным определяемым существительным, в русском же языке определения принято использовать после определяемого существительного. Таким образом, начинаем переводить конструкцию на русский язык с конца, с определяемого слова *smile*, затем добавляем уточняющие слова и вводим в текст дополнительное слово в стиле, прибегая к приему компенсации.

CC BY

Наибольшие потери при переводе вызывают ИК, осложненные модальной оценкой, которые передают разные оттенки иронии, сарказма или имеют комплиментарный оттенок значения. Чтобы передать прагматическое значение таких конструкций, можно прибегнуть к приему компенсации, позволяющему воспроизвести смысл фрагмента исходного текста путем изменения структуры, подбора эквивалентов и введения в текст перевода дополнительных слов. Термин «переводческая компенсация» был впервые введен Я. И. Рецкером в его книге «Теория перевода и переводческая практика» и определяется в современной лингвистике как способ перевода, при котором элементы смысла, прагматические значения, а также стилистические нюансы, тождественная передача которых невозможна, и, которые, следовательно, утрачиваются при переводе, передаются в тексте перевода элементами другого порядка, причем необязательно в том же самом месте текста, что и в оригинале[22].

Рассмотрим пример из романа Дж. Ирвинга «Правила дома Сидра»: *The comissioner didn't know Rafe: busboy, yes-sir-yes-ma'am scary-eyed little Southern black boy* — данная фраза намеренно использует сжатый, телеграфный стиль, характерный для авторского голоса Дж. Ирвинга. Прямой перевод теряет всю экспрессивность оригинала, делает фразу невнятной и упускает важные нюансы. Приведем несколько вариантов перевода, использующих разные техники компенсации:

– акцент на незнании и развернутое описание (минус — теряется краткость): 'Комиссар не знал Рейфа: он был для него всего лишь официантом, вымученно вежливым, напуганным маленьким чернокожим мальчиком с юга' — здесь мы делаем акцент на описании маленького чернокожего официанта, добавляя глаголы и предлоги, чтобы сделать фразу понятной; мы также добавляем фразу *вымученно вежливым*, чтобы подчеркнуть фальшь в поведении Рейфа, как ее видит комиссар;

– сохранение краткости, но с добавлением предлогов и пояснений: 'Комиссар не знал Рейфа: всего лишь официант, с угодливым «да-сэр-да-мэм», испуганный, маленький, чернокожий южанин' — этот вариант перевода сохраняет краткость, сжатость оригинальной цитаты; при этом в перевод для связности добавлен предлог *с*, введено пояснение *угодливым* для более полного портрета личности Рейфа, а также произведена замена *scary eyed* 'с испуганными глазами' на *испуганный*, что более естественно звучит на русском языке.

Перевод ИК с модальной оценкой требует не только творческого подхода, но и глубокого понимания языка оригинала и языка перевода. Выбор конкретного метода компенсации всегда определяется контекстом и целями перевода.

Еще один прием, который можно применить для перевода сложных ИК — техника внешнего членения предложения: один из видов грамматических трансформаций, который определяется как способ перевода, при котором синтаксическая структура предложения в оригинале преобразуется в две или более предикативные структуры в языке перевода [Ван Вэнлинь, Трегубова, 2023, с. 731]. Примером перевода ИК с применением техники внешнего «членения» может послужить цитата из книги Т. Драйзера «Дженни Герхард»: *Now, woken at last by the out-of-bed-sleepy-head-Polly-put-the-kettle-on townhall bell, Lily Smalls, Mrs. Beynon's treasure, comes downstairs from a dream of royalty.* 'Звон колокола ратуши, немного похожий на детскую песенку "Полли, поставь чайник" сделал, наконец, свое дело: вырвал ее из сна и вытащил сонную из-под теплого одеяла. Лили Смоллс, сокровище миссис Бейнон, спустилась вниз по лестнице, находясь под впечатлением от своего сна о роскошной королевской жизни'. *Out-of-bed sleepy-head Polly-put-the-kettle-on* является номинативной атрибутивной ИК, использованной автором для описания звона колокола. В русском языке нет прямого эквивалента для такой чрезвычайно сложной и длинной конструкции, как в оригинале, поэтому при переводе приведенной выше цитаты приходится прибегать к членению предложения на две предикативные структуры для передачи смысла и эффекта, создаваемого Т. Драйзером. Данная трансформация (членение предложения) идет в сопровождении техники компенсации, без применения которой перевод не имел бы никакой логики высказывания. Так в перевод введены выражения *немного похожий, сделал, наконец, свое дело, находясь под впечатлением, вытащил из-под теплого одеяла.*

ИК английского языка отличаются развитой тематической организацией. Классификация, проведенная по тематическому признаку, позволила выявить следующие тематические группы ИК:

– человек — данное семантическое поле включает ИК, характеризующие человека с положительной или отрицательной стороны: *I'm talking about Miss Perfect! Miss "I'm-So-Much-Better-Than-You-Are"…* 'Я говорю о мисс Совершенство! О Мисс «Посмотрите-Как-Я-Превосхожу-Вас»'; *queen-bee-in-waiting* 'будущая королева школы / интриганка'; J*ohny-on-the-Spot* 'человек, на которого всегда можно рассчитывать'; *knock-down-an'-drag-out-an'-hang-on fighter* 'крайне жесткий, беспощадный, цепкий боец, который будет биться до последнего, не отступая и цепляясь'; *the fish-out-of-water girlfriend* 'девушка, участвующая в мероприятии и чувствующая себя не в своей тарелке'; *a Cockney chimney-sweep-slash-one-man-band* 'лондонский трубочист-кокни и человек-оркестр в одном лице';

– быт человека — вербализация концептуальных сфер, связанных с повседневной жизнью человека, такие как работа, одежда, дом, еда, хозяйство, досуг и отдых: *back-to-back schedules* 'графики работ без перерывов'; *a tenure-track-professor timeline* 'напряженный график работы профессора, стремящегося получить постоянный контракт'; *know-your-rights training* 'тренинг / обучение по знанию своих прав'; *easy-to-accessorize showstoppers* 'впечатляющие модели, которые легко стилизовать / дополнять аксессуарами'; *borrowed-from-the-boys separates* 'многослойные вещи, заимствованные из мужского гардероба'; *under-the-radar spots* 'малоизвестные места (в контексте туризма)'; *postcard-perfect district's many coffee shops* 'множество кофеен в

[22] Цитата по: Яковлева М. А. К вопросу о классификации различных видов компенсации // Вопросы филологических наук. 2008. № 4. С. 46–51.

CC BY

живописном районе, словно с открытки'; *a very ahead-of-its-time movie* 'фильм, опередивший свое время'; *an authentic farm-to-table experience* 'аутентичный гастрономический опыт, когда продукты с фермы попадают прямо на стол'; *a one-of-a-kind wedding experience* 'уникальное свадебное торжество'; *best-wedding-ever playlist* 'плейлист для свадьбы мечты';

– свойства и характеристики предмета / вещества: *the smell of New York City, a pizza-grease-and-roach-spray kind of bouquet* 'запах Нью Йорка — это "эдакий букет" из жира от пиццы и средства от тараканов; *easy-to-use packaging* 'удобная в использовании упаковка'; *100% conflict-free diamonds from reputable suppliers* 'бриллианты от надежных поставщиков, добыча и торговля которыми не финансирует гражданские войны или террористические организации';

– свойства и характеристики абстрактных понятий, представляющих нематериальные концепции: *Trademarks of Ando's contemplative-and-highly-sought-after-design aesthetic* 'отличительные черты созерцательной и чрезвычайно востребованной дизайнерской эстетики Андо'; *Secluded, private, and end-of-the-Earth feel* 'ощущение уединенности и приватности, будто ты на краю земли'; *a devil-may-care attitude* 'наплевательское отношение';

– действие: *a trust-building exercise* 'упражнение по укреплению доверия'; *a breast-crushing embrace* 'очень крепкие, сильные объятия'; *plain practical rowing of the get-the-boat-along order* 'обычная, деловая гребля — такая, что лодка действительно двигается';

– описание места: *bottles-chemicals-everywhere* 'повсюду были бутылки, химикаты' — конструкция объединяет объекты в один образ и таким образом передает ошеломляющий характер увиденного, ощущение опасного места, атмосферу беспорядка, хаоса; *He could not get used to these spick-and-spandy bedrooms.* 'Он не мог привыкнуть к этим безукоризненно чистым, вычищенным до блеска спальням'.

Как показал анализ, количество концептуальных сфер, вербализированных с помощью ИК, не ограничено.

Выводы

Проведенное исследование современных английских инкорпоративных конструкций, вызывающих значительный теоретический и практический интерес ввиду их несоответствия преобладающей аналитической природе английского языка и обусловливающих трудности в понимании и переводе, позволяет сделать ряд выводов.

ИК представляет собой особую морфолого-синтаксическую единицу, которая формируется в результате межуровневого перехода (незаконченного процесса лексикализации), не является сложным словом, словосочетанием или предложением, но функционирует на уровне сложного слова, словосочетания или предложения и оформляется написанием каждого слова через дефис, а также может быть заключена в кавычки в письменных источниках.

Процесс инкорпорирования является неотъемлемой частью словообразования в английском языке. Структурно-синтаксическая специфика ИК проявляется в их функционировании на уровне сложного слова, словосочетания и предложения. Функционально-семантическое разнообразие ИК детерминирует возможность выделения номинативных, номинативно-коммуникативных (предикатных) и ИК, осложненных модальной оценкой.

ИК современного английского языка характеризуются развитой тематической организацией, включающей разнообразные семантические поля, наиболее частотными из которых являются человек, быт человека, действие, свойства и характеристики предмета / вещества, свойства и характеристики абстрактных понятий, представляющих нематериальные концепции. Концептосфера ИК отличается незамкнутым семантическим потенциалом.

Стратегия перевода ИК с английского языка на русский включает установление функционально-семантических связей между составными компонентами рассматриваемой ИК, компенсацию и членение предложения. ИК актуализируют глубинные морфолого-синтаксические связи в современном английском языке, способствуя межязыковой корреляции переводимых индивидуально-речевых образований на русский язык.

Инкорпорация является проявлением закона экономии в языке, что согласуется с общей тенденцией всех современных языков к передаче максимального количества информации в минимальную единицу времени и позволяет предположить, что в дальнейшем количество ИК в английском языке будет расти.

Практическая значимость предпринятого анализа английских ИК определяется разработкой инструментария для более точного их распознавания и интерпретации в оригинальных текстах, обоснованным выбором стилистически адекватных стратегий перевода, применением материалов исследования в образовательном процессе в высшей школе в рамках изучения лексикологии, стилистики, теории и практики перевода.

Перспективным направлением дальнейшего изучения ИК представляется более глубокое контрастивное исследование переводческих алгоритмов и различных компенсаторных техник, что приобретает особую актуальность в художественном переводе, где требуется сохранить авторский стиль и эмоциональное впечатление от оригинала.

CC BY

Список литературы

Ван В., Трегубова Н. А. Членение и объединение предложений при переводе научно-популярных текстов с английского языка на русский // Вестник науки. 2023. Том 3. № 6. С. 726-732. EDN GRJUJK

Козлова Л. А. Инкорпорирование как один из способов языковой экономии (функционально-когнитивный аспект) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 4. С. 77-84. EDN TINUES

Шустова С. В., Третьякова Д. Д. Глаголы с инкорпорированными актантами в английском языке: функциональный подход // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Том 8. № 2. С. 181-189. DOI 10.22250/24107190_2022_8_2_181. EDN KKNUUE

Щербо П. А. Английские инкорпорированные комплексы в предложении // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 11–2. С. 185-187. DOI 10.37882/2223-2982.2022.11-2.40. EDN HCGHFU

Щербо П. А. Способность к расширению дискурса и аллюзивность инкорпорированных комплексов в современном английском языке // Актуальные проблемы обучения иностранным языкам в неязыковом вузе : материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 24 мая 2023 г.). Москва : Московский Политех, 2023. С. 74-78. EDN RDQHBJ

References

Wang, W., Tregubova, N. A. (2023). Sentence splitting and combining when translating popular science texts from English into Russian. *Science bulletin, 3*(6), 726-732. EDN: GRJUJK

Kozlova, L. A. (2025). Incorporation as a means of language economy (functional and cognitive aspects). *Cognitive studies of language, 4*, 77-84. EDN: TINUES

Shustova, S. V., Tret'yakova, D. D. (2022). Verbs with incorporated actant-instrument in English: Functional approach. *Theoretical and applied linguistics, 8*(2), 181-189. EDN: KKNUUE. https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_181

Shcherbo, P. A. (2022). English incorporated complexes in a sentence. *Modern science: Actual problems of theory and practice, 11–2*, 185-187. EDN: HCGHFU. https://doi.org/10.37882/2223-2982.2022.11-2.40

Shcherbo, P. A. (2023). Allusiveness of incorporated complexes in Modern English and their capability of expanding discourse. *Current issues of teaching foreign languages in non-linguistic universities*: proceedings of the V All-Russian scientific and practical conference (Moscow, May 24, 2023), 74-78. EDN: RDQHBJ

Информация об авторах

Дудий Инна Николаевна – старший преподаватель,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1241-3606;
e-mail: idudii@kantiana.ru

Демидова Ирина Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1908-7412;
e-mail: idemidova@kantiana.ru

Островерхая Ирина Владимировна– кандидат филологических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
г. Калининград, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9144-0084;
e-mail: iostroverkhaya@kantiana.ru

Information about the authors

Inna N. Dudii – senior lecturer,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1241-3606;
e-mail: idudii@kantiana.ru

Irina A. Demidova – Cand. Sci. (Phil.),
senior lecturer,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1908-7412;
e-mail: idemidova@kantiana.ru

Irina V. Ostroverkhaia – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0000-0001-9144-0084;
e-mail: iostroverkhaya@kantiana.ru

Поступила в редакцию 16.02.2026
Принята к публикации 27.05.2026
Опубликована 05.06.2026

Received 16 February 2026
Accepted 27 May 2026
Published 5 June 2026

CC BY

Научная статья

Агнонимы-англицизмы как коммуникативная проблема

https://doi.org/10.31483/r-156165
УДК 811.161.1'373.613:811.111

Кочкарева И. В.
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0003-2288-7434, e-mail: ikochkareva@yandex.ru

Резюме. Настоящая статья посвящена изучению агнонимов английского происхождения в современном русском языке. Обозначенный пласт заимствований часто является непонятной или малопонятной для большинства, а потому может стать причиной коммуникативных сбоев. В результате таких ошибок партнеры по коммуникации болезненно осознают разницу между собой в плане образования, воспитания, опыта общения, восприятия картины мира. Материалом исследования послужили примеры из общих новостных чатов в мессенджерах, объявлений на информационных панелях в общественном транспорте и других общественных местах г. Перми, а также телевизионных передач. Отобранный материал также был использован в ассоциативных экспериментах. Респонденты представляли разные возрастные группы. В работе использовались общенаучные методы исследования — описательный, сравнительно-сопоставительный, а также опрос и анкетирование. Особое внимание в исследовании было уделено проблеме частичной агнонимии, при которой говорящий считает, что понимает значение лексической единицы, а в действительности использует ее неверно. В ходе анализа были выявлены основные факторы, влияющие на семантическую адаптацию англицизмов в лексиконе языковой личности, а также способы профилактики агнонимических ошибок.

Ключевые слова: неологизм, англицизм, коммуникативная неудача, агноним, заимствованная лексика.

Для цитирования: Кочкарева И. В. Агнонимы-англицизмы как коммуникативная проблема // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 35-39. DOI 10.31483/r-156165. EDN SSJTLN

Research Article

Agnonyms-Borrowings from English as a Communicative Problem

Irina V. Kochkareva
Perm State National Research University
Perm, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-2288-7434, e-mail: ikochkareva@yandex.ru

Abstract. This article examines agnonyms of English origin in modern Russian. This layer of borrowings is often unclear or obscure to most people, and can therefore cause communication breakdowns. As a result of such errors, communication partners become acutely aware of differences in education, upbringing, communication experience, and worldview. The study's material includes examples from shared news chats on instant messengers, announcements on information panels on public transportation and other public spaces in Perm, and television broadcasts. The selected material was also used in associative experiments. Respondents represented different age groups. General scientific research methods were used in the study — descriptive, comparative, survey, and questionnaire. Particular attention was paid to the problem of partial agnonymy, in which the speaker believes they understand the meaning of a lexical unit, but in fact uses it incorrectly. During the analysis, the main factors influencing the semantic adaptation of Anglicisms in the lexicon of a linguistic personality, as well as methods for preventing agnonymic errors, were identified.

Keywords: neologism, agnonym, Anglicism, English borrowing, communicative failure.

For citation: Kochkareva I. V. (2026). Agnonyms-Borrowings from English as a Communicative Problem. *Ethnic Culture, 8*(2). 35-39. EDN: SSJTLN. https://doi.org/10.31483/r-156165

Введение

Агноним (др.-греч. ἀ- 'не', γνῶσις 'знание', ὄνομα 'имя') — лексическая единица, которая неизвестна или непонятна большинству носителей языка в тот или иной период его истории. Агнонимами могут быть устаревшие слова, неологизмы, слова, относящиеся к каким-либо профессиональным или социальным жаргонам, сленгу, диалектам.

Впервые агнонимы стали объектом изучения лингвистов в 1990 гг. Языковеды В. В. Морковкин и А. В. Морковкина дали первое определение агнонимов, которое остается актуальным до сих пор: «Агнонимы — это совмещенная единица лексической системы, представляющая собой совокупность лексических и фразеологических единиц родного языка, которые неизвестны, непонятны или малопонятны многим его носителям»[1].

К агнонимам традиционно относят лексику пассивного фонда (историзмы, архаизмы, редкие слова), заимствованную лексику (как новейшую, так и освоенную, включая модные слова), специальную лексику (термины). По мнению исследователей, агнонимия представляет собой антропоцентрическую категорию, отражающую меру незнания своего родного языка его носителями[2].

Агнонимия — сложное явление, которое можно изучать в разных аспектах: когнитивном, коммуникативном, лингвокультурологическом, ортологическом, лингводидактическом и т. п. Так, в рамках когнитивного подхода может проводиться экспериментальное изучение языковой способности индивида.

[1] Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (Слова, которые мы не знаем). Москва : Институт русского языка им. А. С. Пушкина ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1997. С. 106.

[2] Мандрикова Г. М. От орфографии к агнонимии (к вопросу о причинах орфографических неудач) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 40–47.

CC BY

Целью таких исследований часто становится выявление дефектной структуры лексической единицы в индивидуальном лексиконе конкретной или совокупной языковой личности [Миронова, 2025][3]. Коммуникативный подход предполагает исследование зон коммуникативного риска при столкновении носителей языка с незнакомой или малопонятной лексикой[4]. Ортологические исследования посвящены анализу узуального ослабления лексико-семантических норм[5]. Лингвокультурологи обращают внимание на несовпадение тезаурусов различных языковых личностей из-за их принадлежности к разным социальным группам [Буряк, 2025]. Исследования, выполненные в рамках лингводидактики, посвящены таким проблемам как определение зон агнонимического риска при работе с учащимися разных возрастов[6] [Вилкова, 2022; Милованова, Зенкова, 2024], при этом агнонимия рассматривается как одна из причин орфографических неудач учащихся[7]. Немало работ посвящено изучению агнонимов-архаизмов и историзмов в произведениях отечественных и зарубежных авторов[8]. В ряде исследований анализируются агнонимы на материале других языков, в частности, японского и французского[9], арабского[10] и китайского [Ингул, 2025]. Авторы также анализируют место агнонимов в лексической системе языка [Касымова, 2021; Игнатьева, 2022], пытаются определить причины появления лексических лакун и агнонимов [Буряк, 2025], изучают возможности повышения речевой культуры носителей русского языка [Жиглий, Зливко, Липовая, 2025].

Материал и методы исследований

Материалом настоящего исследования послужили агнонимы иноязычного происхождения, прежде всего английского, которые не имеют в словарях стилистических помет, т. е. относятся к общелитературной нейтральной лексике.

Данное исследование проведено в рамках коммуникативного подхода. Основными методами исследования послужили опрос и контекстный анализ.

Наш анализ был проведен в несколько этапов. На первом этапе были отобраны лексические единицы, которые с большей долей вероятности могли быть непонятны или малопонятны многим носителям русского языка. Источники примеров подбирались таким образом, чтобы их предполагаемая целевая аудитория была достаточно широкой и включала все возрастные и социальные группы без ограничений. Так, примеры были собраны из общих новостных чатов в мессенджерах «Telegram», «Max», из объявлений на информационных панелях в общественном транспорте и других общественных местах, телевизионных передач. Всего было отобрано 38 лексических единиц. Второй этап представлял собой экспериментальную часть исследования. Созданная выборка примеров предъявлялась разным возрастным группам: школьникам, студентам, людям среднего возраста, пенсионерам. Респонденты классифицировали лексические единицы по следующим категориям: 1) совсем не понимаю это слово; 2) приблизительно понимаю, из какой сферы слово; 3) в контексте могу понять общий смысл слова; 4) понимаю значение слова, могу объяснить, но не употребляю это слово; 5) знаю слово и использую в речи.

Результаты исследования и их обсуждение

Для успешной коммуникации необходимо, чтобы языковые единицы, используемые партнерами по общению, обладали общим содержательным наполнением. Такое совпадение объемов содержания Г. М. Мандрикова называет точками коммуникативного согласования. По ее мнению, отсутствие подобных точек характеризует ситуацию столкновения носителей языка с агнонимами[11].

[3] См. также: Зыбина Н. П. Явление агнонимии в лексиконе языковой личности: экспериментальное исследование // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 4. С. 57–59; Савина Е. О. Агнонимы в языке и в тексте // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 291–295.

[4] Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня : сборник статей. Москва : Азбуковник, 2003. Выпуск 2. С. 295–304; Мандрикова Г. М. Агнонимия как коммуникативная проблема // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 4. С. 236–245; Страхова О. А. К вопросу об определении понятий «коммуникативный риск» и «зона коммуникативного риска» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 9–2. С. 150–153.

[5] Голев Н. Д. Современная русская ортология: концепция, содержание и программа курса на филологическом факультете // Человек — коммуникация — текст : сборник статей. Барнаул : Алтайский государственный университет, 2002. С. 215–232.

[6] Авдонина А. Ю. Организация словарно-семантической работы в начальной школе на основе определения словаря зон агнонимического риска // Самарский научный вестник. 2019. Том 8, № 3. С. 248–250; Мандрикова Г. М. Агнонимия как нарушение лексико-семантической нормы (анализ учебников «Русский язык и культура речи») // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2011. № 23. С. 188–192; Иванова Н. К, Костина Е. В., Меркулова Н. Е. Русский и английский языки в культурно-когнитивном пространстве русскоязычных студентов: опыт устранения агнонимов // Русское слово в многоязычном мире : материалы XIV конгресса МАПРЯЛ (Нур-Султан, Казахстан, 29 апреля – 3 мая 2019 г.). Нур-Султан, 2019. С. 448–452.

[7] Мандрикова Г. М. От орфографии к агнонимии (к вопросу о причинах орфографических неудач) // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 40–47; Глазкова С. Н. Агнонимия как причина орфографической беспомощности выпускника школы // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6. С. 47–54.

[8] Ершов Д. И. Агнонимические ряды в трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2018. № 4. С. 35–45; Ершов Д. И. Агнонимические кластеры в трагедии У. Шекспира «Макбет» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2019. Том 1, № 1. С. 29–38; Ершов Д. И. Классификация агнонимов в пьесе У. Шекспира «Король Лир» // Современные исследования социальных проблем. 2019. Том 11, № 1–1. С. 130–148.

[9] Бубнова А. С. Нарушение «полярности» как одна из причин агнонимических ошибок в речи носителей японского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1–2. С. 93–95; Бубнова А. С. К вопросу об агнонимических ошибках: несколько слов о паронимах в современном французском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 10–2. С. 60–62.

[10] Вахтель Н. М., Карим Хелан М. Арабизмы-агнонимы в русском языке // Культура общения и ее формирование (Воронеж, 16–17 апреля 2001 г.). Воронеж : Полиграф, 2001. Выпуск 8. С. 120–121.

[11] Мандрикова Г. М. Агнонимия как коммуникативная проблема // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2011. № 4. С. 244.

CC BY

Нередко причиной коммуникативных неудач является частичная агнонимия, поскольку она порождает иллюзию понятности. Частичная агнонимия связана с несоответствием чьего-либо понимания смысла слова его действительному содержанию при уверенности в правильном понимании этого слова. Примером частичной агнонимиии может служить использование слова хайповый в гороскопе, предлагаемом на медиапанели в городском автобусе: *Стрельцы. У вас сегодня весь день будет хайповое настроение. Хайповый* (англ. *hype* ‘шумиха, ажиотаж, навязчивая реклама’) — модный, популярный, вызывающий сильный интерес или искусственно раздутый ажиотаж. Как видим, составители гороскопа неточно трактуют значение данного прилагательного: оно не подходит для описания настроения. При опросе респондентов выяснилось, что не все понимают, о каком настроении говорится в гороскопе — хорошем или плохом. Слово, использованное в неподходящем контексте, вызвало непонимание даже у тех носителей языка, которые знают и правильно понимают его в других контекстах.

Эксперты системы СКАН, занимающиеся мониторингом средств массовой информации, отмечают, что новые слова приходят в язык из самых разных источников — от молодежного сленга и интернет-мемов до профессионального жаргона. Современные медиа позволяют увидеть, когда термин перестает быть нишевым и выходит за пределы узкого профессионального круга. На появление новых популярных слов влияет также экспансия в разговорную речь слов, связанных с популярной психологией, и распространение мемов.

В 2025 г. орфографический словарь Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук пополнился 921 словарной статьей. В словарь вошли, например, такие слова как *эмодзи* ‘графический язык идеограмм, используемый в электронных сообщениях для передачи эмоций, действий и состояний’, *чекап* ‘комплексное, быстрое профилактическое обследование организма, направленное на выявление заболеваний на ранних стадиях’, *капча* ‘процедура проверки, где пользователь вводит текст с картинки, выбирает изображения или решает задачу, чтобы подтвердить, что он человек, а не робот’. Обновления опубликованы на платформе «Академос».

Как показывает анализ неологизмов, официально зафиксированных в словарях русского языка, подавляющее большинство новых лексических единиц представляют собой англицизмы.

Приведем некоторые примеры из нашей выборки:

вайб (англ. *vibe* из *vibration* ‘вибрация, вибрирование’ — атмосфера, настроение, энергетика или ощущение, исходящее от человека, места, музыкального трека или события; в 2024 г. слово было признано самым популярным: *Вот это был вайб!* (об атмосфере, которая царила на съемочной площадке в процессе создания фильма из интервью с актером);

дроппер (англ. *drop* ‘сбрасывать, уронить, оставлять’) — сленговое слово, обозначающее подставное лицо, которое «сбрасывает» (переводит или обналичивает) незаконно полученные деньги, помогая мошенникам замести следы: *Теперь вы — дроппер. Это карается законом. В 2025 году в РФ был принят закон о дропперах* (сюжет о мошенниках на медиапанели в общественном транспорте);

инсайт (англ. *insight* ‘интуиция, понимание или проницательность’ — озарение, неожиданная догадка: *Коллеги, делюсь инсайтами* (из кафедрального чата). Данное существительное некоторые путают с похожим словом *инсайд* (англ. *inside* ‘внутри’), которое означает внутреннюю, конфиденциальную информацию, скрытую от широкой публики;

кликбейт (англ. *click* ‘щелчок, нажатие кнопки мыши’, *bait* ‘наживка, приманка’) — метод создания сенсационных, часто недостоверных заголовков, цель которых заставить пользователя щелкнуть по предлагаемой ссылке: Ч*ем больше в погоне за кликбейтом «подсвечивают» нынешнего идиота, тем заманчивее это для других* (о том, что не следует распространять в сетях комментарии по поводу стрельбы в учебном заведении, создавая таким образом рекламу преступнику, А. Шейнин, Телеграм);

косплеить (англ. *costume* ‘костюм’ и *play* ‘играть’) — детальное перевоплощение в персонажей компьютерных игр, кинематографа, литературы, комиксов, аниме и манги; процесс создания костюма, макияжа, аксессуаров и обязательного воспроизведения характера, пластики тела и мимики выбранного героя: *В целом мне нравится идея косплеить европейцев* (А. Шейнин, Max);

слот (англ. *slot* ‘щель, паз, отверстие’) — место для встречи, доставки или регистрации, ячейка или позиция для чего-либо: *Временные слоты: будни — с 12.00 до 15.00; выходные — с 10.00 до 13.00* (из объявления в новостном канале о начале работы Пермской галереи в новом помещении);

триггер (англ. *trigger* ‘пусковой крючок, служить пусковым механизмом’) — стимул, вызывающий резкую реакцию, затем слово трансформировалось в глагол *триггернуть* ‘вызвать внезапную эмоциональную или поведенческую реакцию’: *Собеседование! Оговорки! Минус балл! Теперь, когда вы триггернулись, мы вас успокоим: оговорки — это нормально!*» (телеграм-канал «Королева. Русский язык в порядке»).

Англицизмы проявляют высокую степень интеграции в язык-рецептор. Об этом свидетельствует их словообразовательная активность. Некоторые лексические единицы образовали целые гнезда однокоренных слов: *хайп, хайповый, хайпануть, хайпить, хайпушник, хайпожор, антихайп; триггер, триггерить, триггернуть, триггернуться; вайб, вайбово, повайбить, вайбовый.* Другие лексические единицы продолжают оставаться нишевыми, т. е. пока употребляются узким кругом носителей и остаются малопонятными или совсем непонятными большинству говорящих. К таким можно отнести, например, глагол *копипастить* — от англ. глаголов *copy* ‘копировать’ и *paste* ‘вставить’: *Я покопипастила и написала реферат за ночь* (из разговора студентов).

CC BY

В экспериментальной части нашего исследования мы попытались выяснить, насколько новая лексика, вошедшая в словари русского языка за последнее время, знакома и понятна представителям разных возрастных групп. В целом в эксперименте участвовали старшеклассники 14–17 лет, студенты 19–22 лет, люди среднего возраста 30–50 лет, пожилые люди старше 60 лет. Среди респондентов оказались люди в диапазоне от 14 лет до 91 года. На первом этапе им были предъявлены отдельные слова без контекста. Их было нужно распределить на следующие категории: а) совсем не понимаю слово; б) приблизительно понимаю, из какой сферы слово; в) понимаю слово и могу объяснить его значение, но не использую его в речи; при этом респондентов просили пояснить значение тех лексических единиц, которые казались им понятными; г) знаю слово и использую его в речи.

На втором этапе лексические единицы, попавшие в категории а и б, предъявлялись в контексте. При этом респондентам было предложено выбрать один из двух ответов: а) даже в контексте не понимаю это слово; б) в контексте могу понять общий смысл. Подавляющее большинство участников эксперимента изучали английский язык. Часть респондентов составила контрольную группу. В нее вошли те, кто вообще не изучал английский язык или изучал его недолгое время как второй иностранный.

В результате эксперимента никто из респондентов не продемонстрировал стопроцентное знание всех предъявленных лексических единиц. Приблизительно одна треть ответов свидетельствовала о частичной агнонимии: участники опроса заявляли, что знают и понимают конкретные слова, но не смогли четко и ясно пояснить их значение. Примерами таких слов являются *апрувнуть, инсайт, кликбейт, олкать, флуд, флудить*.

Респонденты, владеющие английским языком, испытывали меньше затруднений с пониманием и объяснением предъявленной лексики, вошедшей из английского языка. Однако они не смогли понять и пояснить слова немецкого происхождения. Например, затруднение вызвало слово *рауш* (нем. *Rausch* ‘опьянение; шум; восторг’), которое чаще всего используется в медицине: *рауш-наркоз* ‘кратковременный, быстрый и неглубокий общий наркоз’: *И ты весь такой «потрясенный» уже сквозь пелену рауша читаешь новость…* (А. Шейнин, Телеграм).

Мы намеренно добавили в свою выборку несколько лексических единиц, не являющихся англицизмами, чтобы проверить такую гипотезу, как знание иностранных языков, например, английского, помогает носителям русского языка расшифровать незнакомую и малопонятную лексику иноязычного происхождения. Данная гипотеза была подтверждена экспериментом. Думается, что это может стать дополнительной мотивацией для изучения иностранных языков в современном мире. На недостаточное владение иностранными языками как одну из причин агнонимических затруднений указывает, в частности, Е. И. Макарова[12].

Что касается возрастных параметров, опрос позволил выявить следующее. Меньше всего затруднений с пониманием предъявленной лексики испытывали респонденты в возрасте от 19 до 22 лет. По-видимому, студенты более восприимчивы к модной лексике, которую активно используют в своей речи. Респонденты среднего возраста склонны к пассивному восприятию новой лексики, они понимают значение большинства предъявленных лексических единиц, но не всегда используют их в речи. Что касается людей пожилого возраста, для них важную роль играет описание ситуации, в которой использовалось то или иное слово. Подавляющее большинство респондентов из этой возрастной группы смогли понять приблизительное значение новых слов только с опорой на контекст.

Помимо возраста, большую роль при попадании в зону агнонимического риска играют такие факторы, как образование, общий кругозор, эрудиция, разносторонность интересов, социальная и профессиональная принадлежность языковой личности. На сегодняшний день можно выделить три сферы, которые являются основными источниками новой лексики, пополняющей пласт агнонимов русского языка: цифровая коммуникация, реклама и компьютерные технологии. Люди, активно взаимодействующие в социальных сетях и мессенджерах, без труда осваивают новую лексику, отражающую реалии общения в цифровом пространстве. Основной массив этой лексики имеет английские корни. Сфера рекламы также расширяет словарный запас носителей русского языка, но при этом не вся рекламная лексика попадает в активный словарь говорящих. То же можно сказать об англицизмах компьютерной сферы. Безусловно, выборка исследуемого материала и репрезентативность полученных результатов носят субъективный характер, поскольку агнонимичность для разных носителей языка неодинакова.

Выводы

Явление агнонимии, несомненно, требует дальнейшего изучения. Агнонимические ошибки часто приводят к коммуникативному сбою, непониманию, недостижению целей общения. Более того, в результате таких ошибок партнеры по коммуникации болезненно осознают разницу между собой в плане образования, воспитания, опыта общения, восприятия картины мира.

Одним из путей преодоления барьеров на пути успешного общения является изучение иностранных языков, в особенности английского, поскольку большинство лексических единиц, незнакомых или малопонятных носителям русского языка, имеют английское происхождение.

[12] Макарова Е. И. Указанное сочинение.

CC BY

Список литературы

Буряк Н. Ю. Лакуны и агнонимы в иностранном языке как феномены межкультурной коммуникации // Вестник Академии маркетинга и социально-информационных технологий − ИМСИТ. 2025. № 4 (104). С. 28-30. EDN APEYQS

Вилкова А. В. Технологии выявления агнонимов в процессе изучения лексики в школе // Linguistica Juvenis. 2022. № 24. С. 39-45. EDN LGPJOH

Жиглий Ю. В., Зливко С. Д., Липовая С. А. Об изучении терминологической агнонимии (на материале корпусов и словарей) // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2025. Том 21. № 3. С. 87-91. DOI 10.22213/2618-9763-2025-3-87-91. EDN KATTXF

Игнатьева Т. В. Агноним как часть активного словарного запаса // Уголовно-исполнительная система на современном этапе с учетом реализации Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года : сборник тезисов выступлений и докладов участников Международной научно-практической конференции по проблемам исполнения уголовных наказаний (Рязань, 17−18 ноября 2022 г.). Том 2. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2022. С. 1548-1550. EDN HUZGEV

Ингул В. В. Англицизмы как агнонимы в русском и китайском языках: культурные перекрестки // Актуальные проблемы изучения русского языка в поликультурной среде : материалы Международной научно-практической конференции (Красноярск, 13−15 февраля 2025 г.). Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 2025. С. 125-128. EDN WKYBKK

Касымова О. П. Агнонимы в лексической системе языка // Исследования по семантике : межвузовский научный сборник с международным участием, посвященный 95-летию доктора филологических наук профессора Башкирского государственного университета Л. М. Васильева (Уфа, 29 ноября 2021 г.). Выпуск 27. Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. С. 99-105. DOI 10.33184/ips-2021.14. EDN LLMMIA

Милованова Л. А., Зенкова Е. Е. Обогащение словарного запаса младших школьников на уроках русского языка посредством агнонимов // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2024. № 2 (62). С. 50-59. DOI 10.52772/25420291_2024_2_50. EDN JCTTUU

Миронова Д. М. О когнитивных стратегиях семантизации агнонимов (на материале русского языка) // Когнитивные исследования языка. 2025. № 2-1 (63). С. 542-547. EDN UHSYEA

References

Buryak, N. Yu. (2025). Lexical gaps and agnonyms in a foreign language as phenomena of cross-cultural communication. *The Tribune of IMSIT, 4(104)*, 28-30. EDN: APEYQS

Vilkova, A. V. (2022). Technologies for identifying anonymous people in the process of learning vocabulary at school. *Linguistica Juvenis, 24*, 39-45. EDN: LGPJOH

Zhigliy, J. V., Zlivko, S. D., Lipovaya, S. A. (2025). On the study of terminological agnonymy (based on the material of corpora and dictionaries). *Social'no-e'konomicheskoe upravlenie: teoriya i praktika, 21*(3), 87-91. EDN: KATTXF. https://doi.org/10.22213/2618-9763-2025-3-87-91

Ignatieva, T. V. (2022). Agnonym as part of active lexicon. *The contemporary penal system and the implementation of the Concept for the Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030*: proceedings of International scientific and practical conference on the problems of execution of criminal penalties (Ryazan, November 17-18, 2022), 2, 1548-1550. EDN: HUZGEV

Ingul, V. V. (2025). Anglicisms as agnonims in Russian and Chinese: Cultural crossroads. *Current issues of studying the Russian language in a multicultural environment*: proceedings of the International scientific and practical conference (Krasnoyarsk, February 13-15, 2025), 125-128. EDN: WKYBKK

Kasymova, O. P. (2021). Agnonyms within the lexic system of language. *Research in Semantics*: an interuniversity research collection with international participation, dedicated to the 95th anniversary of Leonid Mikhailovich Vasiliev, Doctor of Philology, Professor at Bashkir State University (Ufa, November 29, 2021), 27, 99-105. EDN: LLMMIA. https://doi.org/10.33184/ips-2021.14

Milovanova, L. A., Zenkova, E. E. (2024). Enriching the vocabulary of junior students in Russian lessons through agnonyms. *Journal of Shadrinsk State Pedagogical University, 2(62)*, 50-59. EDN: JCTTUU. https://doi.org/10.52772/25420291_2024_2_50

Mironova, D. M. (2025). Towards cognitive strategies of semanticizing agnonyms (based on the Russian language material). *Cognitive studies of language, 2-1(63)*, 542-547. EDN: UHSYEA

Информация об авторе

Кочкарева Ирина Витальевна – кандидат филологических наук, доцент,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2288-7434;
e-mail: ikochkareva@yandex.ru

Information about the author

Irina V. Kochkareva – Cand. Sci. (Phil.), associate professor,
Perm State National Research University,
Perm, Russian Federation;

ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2288-7434;
e-mail: ikochkareva@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.04.2026
Принята к публикации 26.05.2026
Опубликована 05.06.2026

Received 23 April 2026
Accepted 26 May 2026
Published 5 June 2026

CC BY

Научная статья

Русский язык в системе языковой политики Узбекистана: историческая трансформация и современное состояние

https://doi.org/10.31483/r-154051
УДК 811.161.1'272(575.1)+81'246.2(575.1)

Худайбергенова У. К.
Ургенчский технологический университет РАНЧ
г. Хорезм, Республика Узбекистан.
https://orcid.org/0009-0005-7039-1080, e-mail: umida.x0035@mail.ru

Резюме. Статья посвящена комплексному анализу трансформации государственной языковой политики в Узбекистане в XX — начале XXI вв. Автором рассматривается динамика функционирования русского языка на основе междисциплинарного подхода и теории языкового планирования. В работе анализируются исторические этапы формирования языковой ситуации — от политики коренизации 1920 гг. до современных институциональных преобразований. Особое внимание в исследовании уделяется генезису нормативно-правовой базы и изменению социально-коммуникативных функций русского языка в условиях укрепления статуса государственного узбекского языка. На основе компаративного анализа данных всесоюзных переписей населения и современных статистических показателей выявляются устойчивые тенденции сохранения русского языка как важного интеллектуального и коммуникативного ресурса. Современная языковая модель Узбекистана характеризуется стремлением к гармоничному сочетанию доминирующей роли государственного языка с сохранением функционального потенциала русского языка в образовательной, научной и международной сферах. В узбекском обществе складывается устойчивая модель национально-русского двуязычия, которая опирается не на административное принуждение, а на практическую целесообразность, реальную необходимость и потребность граждан в повышении своего социального статуса. Ключевым институциональным механизмом воспроизводства двуязычной среды является система национального образования.

Ключевые слова: русский язык, билингвизм, языковая политика, языковое планирование, Узбекистан, лингвистический ландшафт, статус языка, социолингвистическая трансформация.

Благодарности. Хочу выразить благодарность редакции и всем сотрудникам сайта за предоставленную возможность публикации и поддержку в подготовке материалов. Ваш труд и внимание к деталям очень помогают в работе.

Для цитирования: Худайбергенова У. К. Русский язык в системе языковой политики Узбекистана: историческая трансформация и современное состояние // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 40-47. DOI 10.31483/r-154051. EDN ETNDCR

Research Article

Russian Language in the System of Language Policy of Uzbekistan: Historical Transformation and Current State

Umida K. Khudaybergenova
Urgench Technological University RANCH,
Khorezm, Republic of Uzbekistan.
https://orcid.org/0009-0005-7039-1080, e-mail: umida.x0035@mail.ru

Abstract. The article presents a comprehensive analysis of the transformation of state language policy in Uzbekistan from the 20th to the early 21st century. It examines the dynamics of the Russian language's functioning through an interdisciplinary approach and the lens of language planning theory. The study analyzes the historical stages in the formation of the language situation — from the korenizatsiya (indigenization) policy of the 1920s to contemporary institutional reforms. Special attention is paid to the genesis of the legal and regulatory framework and the changing socio-communicative functions of the Russian language amid the strengthening status of Uzbek as the state language. Based on a comparative analysis of Soviet census data and current statistical indicators, the study identifies enduring trends in the preservation of the Russian language as a vital intellectual and communicative resource. The article concludes that the modern linguistic model of Uzbekistan is characterized by a tendency toward a balanced combination of the dominant role of the state language and the preservation of the functional potential of the Russian language in education, science, and international relations. A stable model of national-Russian bilingualism is emerging in Uzbek society, grounded not in administrative coercion but in practical expediency, genuine necessity, and citizens' need to enhance their social status. The national education system serves as the key institutional mechanism for reproducing this bilingual environment.

Keywords: Russian language, bilingualism, language policy, Uzbekistan, language status, language planning, linguistic landscape, sociolinguistic transformation.

Acknowledgements. I would like to express my gratitude to the editors and all the staff of the site for the opportunity to publish and support in the preparation of materials. Your hard work and attention to detail are very helpful in the work.

For citation: Khudaybergenova U. K. (2026). Russian Language in the System of Language Policy of Uzbekistan: Historical Transformation and Current State. *Ethnic Culture, 8*(2). 40-47. EDN: ETNDCR. https://doi.org/10.31483/r-154051

CC BY

Введение

Целью настоящего исследования является комплексный анализ трансформации функционального статуса русского языка в Республике Узбекистан в контексте эволюции государственной языковой политики и социолингвистических процессов XX — начала XXI вв.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: выявить исторические предпосылки формирования языковой ситуации, включая этапы советского языкового строительства (политику коренизации, централизацию 1930 гг.); изучить динамику владения русским языком на основе компаративного анализа данных Всесоюзной переписи 1989 г. и актуальных показателей социолингвистических мониторингов 2023–2024 гг.; определить приоритетные сферы функционирования русского языка (образование, наука, профессиональная коммуникация) как дополнительного интеллектуального ресурса в условиях укрепления позиций государственного узбекского языка.

Научная новизна исследования заключается в переосмыслении роли русского языка в современном многоязычном пространстве Узбекистана не как доминирующего политического инструмента, а как прагматического коммуникативного ресурса. Работа вводит в научный оборот актуализированные статистические данные и результаты новейших мониторинговых исследований, позволяющие объективно оценить устойчивость национально-русского билингвизма в условиях постсоветской трансформации.

Материал и методы исследования

Объектом настоящего исследования является языковая политика Республики Узбекистан как динамическая система государственного регулирования лингвистических процессов. Предметом исследования выступает трансформация функционального статуса и социолингвистических функций русского языка в советский и постсоветский периоды в контексте процессов государственного суверенитета и регионализации. Эмпирическую базу исследования составил широкий комплекс источников: нормативно-правовые акты — Закон Республики Узбекистан «О государственном языке» в редакциях 1989 и 1995 гг., Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по кардинальному повышению роли и авторитета узбекского языка как государственного языка» (2019) и Концепция развития узбекского языка до 2030 г.; статистические данные — материалы Всесоюзной переписи населения 1989 г. в сопоставлении с данными Агентства статистики Республики Узбекистан, а также показатели мониторингового исследования «Индекс положения русского языка в мире» [Индекс, 2022, с. 30], актуальные научные публикации за 2023 г. [Арефьев, Камышева, 2023, с. 101], сведения о количестве школ и классов с национальным и русским языками обучения.

Методологическую основу исследования составили принципы системности и историзма, а также междисциплинарный подход на стыке политологии, социолингвистики и истории. Работа опирается на концепции языкового планирования и языковой политики, изложенные в трудах В. М. Алпатова[1], М. Н. Губогло[2] (советский период) и А. Н. Биткеевой (современные парадигмы). В работе также учтены изыскания отечественных и зарубежных авторов, рассматривающих специфику центральноазиатского билингвизма (Ф. И. Абдурахманов, М. И. Рузиева, М. С. Накамура, М. Джусупов и др.).

В исследовании применен комплекс общенаучных и специальных методов, позволивший обеспечить междисциплинарный характер анализа. Так, сравнительно-исторический подход позволил сопоставить советский (этапы коренизации и централизации) и постсоветский периоды языковой политики.

При обработке количественных данных Всесоюзной переписи 1989 г. и актуальных мониторингов, включая показатели индекса глобальной конкурентоспособности и индекса устойчивости русского языка в странах постсоветского пространства, применен статистический анализ. Исследование текстов законодательных актов, программных документов и официальных стратегий развития узбекского языка до 2030 г. происходит на основе контент-анализа. Подход к анализу правового поля лингвистических процессов опирается на методологию А. Н. Биткеевой [Биткеева, 2021, с. 216–217].

Хронологические рамки исследования сосредоточены на XX — начале XXI вв. Этот период охватывает ключевые этапы языкового строительства: формирование национально-территориальных границ, языковое планирование в его историческом и современном состоянии. Привлечение данных переписи 1989 г. и новейшей статистической информации за 2020–2024 гг. обеспечивает необходимую глубину анализа и репрезентативность выводов.

Результаты исследования и их обсуждение

Формирование и развитие языковой политики Республики Узбекистан представляет значительный научный интерес, поскольку современная языковая ситуация в стране во многом обусловлена общественно-политическими и культурными процессами, происходившими в регионе в различные исторические периоды.

Вслед за С. Т. Золяном в данной работе язык рассматривается не как рефлективная система, а как активная форма социального поведения и «инструмент распределения сущностей»[3]. В этом ключе языковая политика Узбекистана трактуется как использование языка в качестве инструмента власти и легитимации новой государственности, где язык выступает фактором, определяющим вектор политических трансформаций. Вместе с тем советская языковая политика носила противоречивый характер: при декларируемой поддержке национальных языков фактически происходило доминирование русского языка во всех официальных сферах, что приводило к ограничению функционального потенциала титульных языков[4].

[1] Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. Москва, 2000. 224 с.

[2] Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. Москва : Языки русской культуры, 2003. 816 с.

[3] Золян С. Т. Язык политики или язык в политической функции? // Полития. 2018. № 3. С. 31–49.

[4] Бахтикиреева У. М. Русский — полинациональный язык? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 16–30.

CC BY

Последствия этого дисбаланса предопределили специфику языкового планирования в постсоветский период. В связи с этим изучение современного положения русского языка необходимо для понимания того, как происходит преодоление наследия языкового дуализма в условиях укрепления статуса государственного языка. В данном контексте, как отмечает М. И. Рузиева, в XXI в. в условиях усиления международной интеграции и расширения межкультурного взаимодействия многоязычие становится важной характеристикой современного общества [Ruziyeva, 2025, с. 73]. Сосуществование государственного узбекского языка с функционально активным русским и возрастающей ролью английского языка создает уникальную экосистему динамичного мультилингвизма. Данный процесс не только способствует укреплению национального самосознания через развитие родного языка, но и обеспечивает открытость общества к глобальным инновациям. Многоязычие выступает в качестве интеллектуального капитала нации, определяя ее конкурентоспособность в условиях мировой интеграции.

Современная языковая ситуация в Узбекистане формировалась под влиянием различных исторических факторов, определивших функционирование языков в регионе. Особое значение имеет институциональное положение русского языка, который, согласно мониторинговым исследованиям Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина, сохраняет статус одного из ведущих языков межнационального общения в Центральной Азии [Индекс, 2022, с. 26]. Устойчивость его позиций обусловлена не только историческим наследием, но и функциональной трансформацией. Если в XX в. распространение русского языка во многом опиралось на государственно-правовые механизмы, то в настоящее время определяющим фактором выступает прагматический запрос общества [Арефьев, Камышева, 2023, с. 101]. Сохранение высокого индекса устойчивости языка свидетельствует о его востребованности как инструмента доступа к информационным ресурсам, науке и международному рынку труда. В этих условиях языковая ситуация в республике эволюционирует от модели жесткого регулирования к модели функционального многоязычия.

По мнению Ф. И. Абдурахманова, распространение русского языка связано с процессами освоения Центральной Азии во второй половине XIX в., что способствовало его использованию как средства административного управления [Abdurakhmanov, 2025, с. 38]. Однако для понимания современного статуса русского языка необходимо обратиться к историческим этапам языкового планирования, прежде всего к советскому периоду, оказавшему определяющее влияние на формирование национально-русского билингвизма.

После Октябрьской революции 1917 г. на территории Туркестана начался масштабный процесс национально-языкового строительства. Вплоть до середины 1930 гг. советская языковая политика опиралась на принципы поддержки национальных языков и права народов на самоопределение.

Первый этап советской власти (1917–1920) характеризовался созданием правовых условий для развития национальных языков. Это подтверждается принятием таких актов, как «Декларация прав народов России» (1917) и Декрета № 2 от 15 февраля 1918 г., закрепившего использование местных языков в судебной практике. Существенную роль сыграло и постановление «О школах национальных меньшинств» (1918), заложившее основу массового образования на родном языке [Тоғаев, 2023, с. 179].

Принятие данных актов свидетельствует о том, что на раннем этапе советской власти языковая политика выступала не только лингвистическим, но и важным инструментом государственного строительства. Поддержка национальных языков была направлена на вовлечение широких масс населения в общественную жизнь и ликвидацию неграмотности. Реформы первых десятилетий советской власти впервые закрепили социально-правовой статус национальных языков на государственном уровне, создав институциональную основу для дальнейшего развития языковой ситуации в регионе.

Переломным этапом стало постановление 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик» и последующий переход узбекской письменности на кириллицу в 1940 г. Эти меры способствовали укреплению позиций русского языка как инструмента общесоюзной интеграции. Вместе с тем языковая политика приобрела противоречивый характер: при сохранении декларативной поддержки национальных культур русский язык постепенно занял доминирующие позиции в сферах науки, высшего образования и государственного управления. В результате сформировалась устойчивая модель национально-русского билингвизма, оказавшая значительное влияние на дальнейшее развитие языковой политики Узбекистана.

В постсоветский период языковая ситуация в Республике Узбекистан претерпела существенные изменения, обусловленные обретением суверенитета и принятием Закона «О государственном языке». Несмотря на трансформацию институциональных функций, русский язык сохранил значимые позиции в общественной жизни и продолжил функционировать как важный социально-коммуникативный ресурс.

Согласно Всесоюзной переписи населения 1989 г., русским языком в качестве второго свободно владели 23,8 процента узбеков, а доля этнического русского населения составляла 8,3 процентов. К началу 2020 гг. доля русских сократилась до 2,2 процентов, однако масштабы использования русского языка остаются значительными. По данным мониторинговых исследований, от 50 до 60 процентов населения республики в той или иной степени используют русский язык в повседневной и профессиональной коммуникации [Индекс, 2022, с. 38; Арефьев, Камышева, 2023, с. 101], что свидетельствует о сохранении его функциональной значимости в условиях изменившейся демографической структуры населения. Современный узбекско-русский билингвизм следует рассматривать не как механическое наследие прошлого, а как результат активного языкового взаимодействия в условиях глобализации [Nakamura, 2024, с. 123].

Исторические предпосылки формирования языковой ситуации в советский период были тесно связаны

CC BY

с задачами национально-государственного строительства и функциональной дифференциацией языков. В 1920 гг. языковая политика основывалась на принципах расширения сфер использования национальных языков, прежде всего в государственном делопроизводстве и системе образования. Вместе с тем данный процесс сопровождался реформами письменности: переходом узбекского письма с арабской графики на латиницу в 1929 г., а затем на кириллицу в 1940 г.

С одной стороны, это способствовало форсированной ликвидации неграмотности, с другой — привело к социокультурному разрыву в доступе к классическому наследию, созданному на арабской графике.

Переломным моментом в языковом планировании стало Постановление 1938 г. об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик, которое закрепило за русским языком статус обязательного компонента образовательного стандарта и инструмента общесоюзной интеграции. Наряду с институциональными преобразованиями важную роль играли естественные социокультурные процессы. Исторически сформировавшиеся в Центральной Азии традиции билингвизма способствовали сравнительно адаптивному усвоению русского языка в советский период [Dzhusupov, 2025, с. 258].

Языковая ситуация советского периода формировалась под влиянием как административно-директивных реформ, так и исторически сложившейся многоязычной среды региона. Распространение русского языка было обусловлено не только государственным планированием, но и объективными потребностями населения в социальной и образовательной мобильности. В результате к концу советского периода в Узбекистане сформировалась устойчивая модель национально-русского билингвизма, где русский язык выступал ключевым функциональным инструментом в сферах науки, высшего управления и межэтнического взаимодействия.

В условиях функциональной дифференциации языков выбор коммуникативного кода зависел от социальной ситуации и институциональной сферы. По мнению Х. Нормуминовой, «выбор языка в условиях многоязычия рассматривается как динамичный и социально детерминированный процесс» [Normuminova, 2025, с. 23]. Этот процесс заложил основы современной языковой ситуации, требующей глубокого анализа.

Важным этапом стало советское строительство в Туркестанской АССР. В процессе реорганизации системы образования, направленной на создание единой структуры, решался вопрос языков обучения. При Наркомпросе были созданы национальные научные комиссии, занимавшиеся кодификацией узбекского, казахского и других языков региона.

Образовательные реформы 1920 гг. носили двойственный характер. С одной стороны, они способствовали развитию национальных языков через создание новой орфографии и расширение издательской деятельности. С другой стороны, усиление роли советской школы сопровождалось постепенным сокращением влияния традиционных конфессиональных учебных заведений мактабов и медресе, что способствовало укреплению позиций русского языка как средства социальной интеграции.

Дальнейшее расширение сфер использования русского языка было связано с индустриализацией, урбанизацией и масштабными миграционными процессами советского периода. Особенно заметно это проявилось в Ташкенте и крупных промышленных центрах республики, где сформировалась устойчивая двуязычная среда. В 1930–1950 гг. русский язык окончательно закрепился в качестве языка межнационального общения и важного инструмента получения образования и профессионального роста. В результате в республике сложилась модель функционального распределения языков, при которой русский язык занимал ведущие позиции в официальной, научной и образовательной сферах.

Распространение русского языка в советский период опиралось на мощные институциональные механизмы, включая систему образования, государственное управление и общесоюзные коммуникационные практики. Это обеспечило его широкое функциональное распространение и сформировало предпосылки для дальнейших языковых трансформаций в период независимости.

Государственная языковая политика современного Узбекистана представляет систему мер, направленных на укрепление статуса государственного узбекского языка при сохранении условий для функционирования других языков. Государственная языковая политика реализуется через комплекс мероприятий по поддержке и развитию языков [Лямкина, 2024, с. 153]. Современный этап характеризуется поиском баланса между задачами национально-языкового строительства и необходимостью сохранения коммуникативной открытости. В этих условиях укрепление позиций узбекского языка сочетается с прагматическим использованием русского и английского языков в международной, образовательной и профессиональной сферах.

Согласно данным мониторингового исследования «Индекс положения русского языка в мире», русский язык в Узбекистане сохраняет устойчивые позиции в образовании, средствах массовой информации и деловой коммуникации [Индекс, 2022, с. 24]. Языковая политика республики ориентирована на сочетание национальных приоритетов с практическими потребностями многоязычного общества.

После распада СССР демографическая структура республики претерпела существенные изменения. Если в 1989 г. доля этнических русских составляла 8,3 процента (1,65 млн человек), то к 2021 г. она сократилась до 2,1 процентов, а доля русскоязычного населения до 3,65 процентов[5].

Вместе с тем снижение численности носителей языка не привело к пропорциональному сокращению сфер его использования. Согласно данным мониторингового исследования «Индекс положения русского языка в мире», русский язык сохраняет устойчивые позиции в образовательной, профессиональной и деловой коммуникации [Индекс, 2022, с. 38].

[5] Першуткина С. П., Макушин М. А., Федорко В. Н. Русский язык в геокультурном пространстве Узбекистана: факторы, тенденции, территориальные и социальные особенности развития // Центральноазиатский журнал географических исследований. 2022. № 1–2. С. 66.

CC BY

Важной характеристикой современной ситуации остается выраженная территориальная концентрация: около 65 процентов русскоязычного населения проживает в Ташкенте и Ташкентской области, тогда как в большинстве других регионов его доля значительно ниже. Столичная локализация определяет специфику языкового ландшафта: в мегаполисе русский язык сохраняет статус активного средства повседневной и деловой коммуникации, в то время как в сельской местности его функционирование ограничено сферой школьного образования.

Важнейшим рубежом в лингвистической истории республики стало принятие в 1989 г. закона «О государственном языке», который закрепил за узбекским языком статус государственного, а за русским — статус языка межнационального общения. Однако в редакции закона от 1995 г. данное положение было исключено, что формально лишило русский язык официального статуса. Это решение коррелировало с масштабными социально-экономическими изменениями: сокращением промышленного сектора, миграционным оттоком части русскоязычного населения и перераспределением трудовых ресурсов.

В 1990 гг. узбекский язык занял доминирующие позиции в политической и культурной жизни страны. Вместе с тем в ряде сфер общественной деятельности продолжилось использование русского языка, что было обусловлено сложившейся языковой практикой и коммуникативными потребностями общества.

На современном этапе языковая ситуация в Республике Узбекистан характеризуется сочетанием правовых и функциональных механизмов использования языков. Данное явление может быть рассмотрено через два взаимосвязанных аспекта — юридический и прагматический.

Юридический аспект. Согласно действующему законодательству республики, узбекский язык обладает статусом государственного языка и выступает важным символом национальной идентичности и государственного суверенитета[6]. Вместе с тем статья 2 закона «О государственном языке» гарантирует представителям всех национальностей право пользоваться родным языком[7]. Такой подход отражает стремление государства обеспечить баланс между укреплением статуса государственного языка и соблюдением языковых прав граждан.

Прагматический аспект. Независимо от юридического статуса русский язык продолжает использоваться в технической, юридической и международной коммуникации. В силу практической необходимости часть нормативно-правовых документов публикуется на двух языках. В частности, статья 12 закона «О государственном языке» в редакции 2010 г. предусматривает возможность оформления нотариальных документов по требованию граждан на русском языке[8]. Это способствует обеспечению доступности правовой информации и эффективности административной коммуникации.

Проведенный анализ показывает, что современная языковая политика в Узбекистане формируется не только на основе de jure (законодательных норм), но и под влиянием de facto (социальных потребностей). Этот процесс можно охарактеризовать как адаптацию правовых механизмов к реальным требованиям общества.

Важным политическим импульсом в укреплении статуса государственного языка стало выступление Президента Республики Узбекистан 21 октября 2019 г., приуроченное к 30-летию принятия Закона «О государственном языке»[9].

Анализ данных программных документов позволяет сделать вывод о переходе языковой политики Узбекистана на новый, ценностно-ориентированный этап. Если на ранних этапах независимости акцент делался преимущественно на юридическом закреплении статуса узбекского языка, то современный вектор переводит вопрос языка в плоскость фундаментального фактора национальной безопасности и социальной консолидации. Главой государства подчеркивается, что узбекский язык является символом национального самосознания и государственной независимости: «Вопрос государственного языка должен стать одним из основных принципов национальной идеи»[10]. Вместе с тем, несмотря на отсутствие официального статуса у русского языка, сохранение его функциональной роли в правовой, цифровой и в особенности образовательной сферах способствует инклюзивности и эффективности государственной системы. В современной образовательной модели Узбекистана преподавание русского языка в школах с национальным языком обучения рассматривается как формирование необходимой лингвистической компетенции для доступа к мировым научным и информационным ресурсам. В этих условиях русский язык в Республике Узбекистан продолжает выполнять роль важного инструмента не только межнационального общения, но и профессиональной интеграции в глобальное пространство. Именно образовательная сфера в настоящее время выступает основным механизмом воспроизводства национально-русского билингвизма, обеспечивая академическую мобильность и конкурентоспособность молодежи на международном рынке труда.

Обозначенный идеологический вектор нашел отражение и в правоприменительной практике. Особого внимания требует вопрос функционирования языков в юридической сфере. Согласно действующему законодательству, судопроизводство ведется на государственном языке, однако лицам, не владеющим им, обеспечивается право на ознакомление с материалами дела и участие в судебных действиях через переводчика, а также право выступать на родном языке.

Актуальной проблемой современной языковой ситуации в Узбекистане остается качество визуальной коммуникации. В текстах наружной рекламы и информационных вывесок сохраняется значительное коли-

[6] Конституция Республики Узбекистан. URL : https://lex.uz/uz/docs/-6445145 (дата обращения: 04.04.2026).

[7] Закон Республики Узбекистан «О государственном языке» от 21.12.1995 г. № 167-I. URL: https://lex.uz/docs/121433 (дата обращения: 04.04.2026).

[8] Там же.

[9] Указ Президента Республики Узбекистан № УП-5850, 2019 «О мерах по кардинальному повышению роли и авторитета узбекского языка как государственного языка» от 21 октября 2019 г. № УП-5850. URL : https://lex.uz/docs/4561747 (дата обращения: 04.04.2026).

[10] Эгамбердиев А. К вопросу о современной языковой политике в Узбекистане. Бишкек : Фонд им. Конрада Аденауэра, 2020. С. 2.

CC BY

чество орфографических и стилистических ошибок. К ним относятся неправильное употребление букв алфавита на латинской графике (например, смешение букв *u* и *o‘*, *g* и *g‘*), некорректное использование или отсутствие апострофа, а также грубые искажения при написании сложных слов (например, *Ozik Ovkat* вместо нормативного *Oziq-ovqat*)[11].

В современных условиях данная проблема приобрела новый масштаб в связи с активной цифровизацией и ростом объема коммерческой информации. Дефицит профессионального редакторского контроля и практики буквального перевода с русского или английского языков приводит к нарушению логики высказывания и деформации норм государственного языка.

Усиление контроля за соблюдением языковых норм в публичном пространстве будет способствовать не только укреплению статуса узбекского языка, но и созданию качественной многоязычной среды, где каждый язык функционирует в строгом соответствии со своими литературными стандартами.

Становление современного узбекского языка — сложный исторический процесс, имеющий глубокие корни. Фундаментальный вклад в лексическое и художественное обогащение языковой системы региона в свое время внесли мыслители Средневековья — Юсуф Хос Ходжиб и Махмуд Кашгари, подчеркивавшие значимость тюркской речи, а также Алишер Навои, который в трактате «Муҳокамат ул-луғатайн» (XV) теоретически обосновал богатейший литературный потенциал тюркского языка. В начале XX в. представители джадидизма (в частности, Фитрат и Абдулла Авлони) вновь актуализировали вопрос реформирования и сохранения родного языка как важнейшего элемента национальной идентичности и ключевого инструмента просвещения. Данный подход предопределил векторы современной языковой политики суверенного Узбекистана.

Следовательно, качество лингвистического оформления публичных текстов становится стратегическим фактором сохранения чистоты литературного языка. Укрепление позиций государственного языка в этой сфере требует комплексного научно-прагматического подхода: внедрения обязательной лингвистической экспертизы рекламных текстов и коммерческих эргонимов перед их официальным размещением; совершенствования системы повышения квалификации специалистов в области маркетинга, брендинга и копирайтинга; приоритизации контекстуального смыслового, а не буквального перевода при адаптации иностранных брендов и слоганов к местной социокультурной среде.

Усиление контроля за соблюдением языковых норм в публичном пространстве будет способствовать не только укреплению статуса узбекского языка, но и созданию качественной многоязычной среды, где каждый язык функционирует в строгом соответствии со своими литературными стандартами.

[11] Холманова З. А. Актуальные вопросы языка наружной рекламы // Узбекское языкознание: тенденции развития, научные проблемы, перспективные задачи. Ташкент, 2013. С. 68.

Таким образом, современная языковая политика Узбекистана представляет собой не только нормативно-правовое регулирование, но и системный культурно-идеологический процесс. Его успешная реализация обусловлена активной ролью научной и творческой интеллигенции в вопросах укрепления лингвистического суверенитета страны.

В то же время функционирование русского языка в современном Узбекистане остается важным элементом реализации государственной языковой политики в условиях многоязычия. Действующее законодательство, закрепляя за узбекским языком статус государственного, создает условия для прагматичного использования русского языка в образовательной и общественной сферах. В системе школьного и высшего образования он выступает не только как предмет изучения, но и как эффективный инструмент получения глобальных знаний, способствуя формированию устойчивой двуязычной среды, отвечающей интересам устойчивого развития республики.

В школах с национальным языком обучения русский язык преподается как обязательная дисциплина, обеспечивая базовую лингвистическую компетенцию учащихся. В то же время в школах с русским языком обучения объем часов на изучение филологических дисциплин позволяет готовить абитуриентов, способных успешно интегрироваться в мировое научное пространство. Современная образовательная модель Узбекистана носит многоязычный характер, где узбекский и русский языки не конкурируют, а дополняют друг друга, расширяя коммуникативные возможности учащихся [Umarov, 2025, с. 903].

Многовекторность образовательной среды способствует успешной интеграции молодежи в глобальное социальное пространство. Институциональная устойчивость русского языка в школах и вузах Узбекистана подтверждает его статус как необходимого интеллектуального инструмента, востребованного в условиях реализации новой государственной стратегии развития страны. Однако, несмотря на стабильно высокий спрос на русскоязычное обучение, в современной образовательной практике республики сохраняются определенные инфраструктурные и методические трудности. В частности, наблюдается острая потребность в регулярном обновлении учебной литературы нового поколения, которая сочетала бы в себе передовые лингвистические методики с обязательным учетом локального социокультурного контекста региона. Кроме того, возрастающий спрос на классы с русским языком обучения требует опережающей, качественной подготовки и повышения квалификации педагогов-русистов, способных эффективно работать в условиях активного и динамичного национально-русского билингвизма.

Русский язык в Узбекистане продолжает выполнять стратегическую роль как одно из важнейших средств межэтнического общения и фундаментальный инструмент профессиональной коммуникации. Его социолингвистический статус в республике определяется не административно-директивным давлением, а реальными прагматическими и социально-экономическими потребностями самого общества.

CC BY

Своевременное преодоление указанных инфраструктурных и кадровых трудностей является необходимым условием для поддержания высокого качества национально-русского двуязычия, напрямую обеспечивающего конкурентоспособность кадров в условиях глобализации.

Выводы

Языковая политика Республики Узбекистан прошла сложную многовекторную эволюцию — от советской модели централизованного планирования и директивного распределения языковых функций к суверенной системе, в которой узбекский язык окончательно утвердился как фундаментальный атрибут государственной идентичности и национальной безопасности. В ходе этой институциональной трансформации русский язык изменил свой статус, перейдя от роли обязательного административного инструмента к статусу востребованного прагматического ресурса, сохраняющего устойчивые позиции в сферах науки, высшего образования, цифровой коммуникации и международного бизнеса.

Анализ современного лингвистического ландшафта и актуальных статистических показателей показывает, что, несмотря на глубокие демографические сдвиги постсоветского периода, функциональное поле русского языка демонстрирует высокую стабильность. Наблюдаемый в последние годы стабильный рост спроса на русскоязычное обучение подтверждает формирование в обществе жизнеспособной модели национально-русского билингвизма, основанного не на административном давлении, а на функциональной прагматике, объективной необходимости и задачах социальной мобильности граждан.

Система национального образования остается ключевым институциональным механизмом воспроизводства двуязычной среды. Однако ее дальнейшее качественное развитие требует оперативного решения ряда методических и инфраструктурных задач, среди которых наиболее острыми являются преодоление дефицита квалифицированных педагогических кадров-русистов и системное обновление учебных материалов нового поколения с учетом локального социокультурного контекста.

Выявленные системные недостатки в лингвистическом оформлении публичного пространства, коммерческих вывесок и наружной рекламы указывают на настоятельную необходимость усиления экспертного контроля за соблюдением норм литературного языка. Для сохранения чистоты государственного языка в условиях цифровизации лингвистического ландшафта требуется внедрение обязательной лингвистической экспертизы рекламных текстов, повышение квалификации специалистов в области копирайтинга и приоритизация контекстуального смыслового перевода иностранных брендов.

Список литературы

Арефьев А. Л., Камышева С. Ю. Русский язык в Республике Узбекистан: страницы истории и современность // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 2. С. 98-104. DOI 10.20339/AM.02-23.098. EDN JJCRHN

Биткеева А. Н. Языковая политика // Социолингвистика. 2021. № 2 (6). С. 213-226. DOI 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226. EDN PKIIEQ

Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-индекс) / составители А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель ; под редакцией М. А. Осадчего. Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. Выпуск 2. 60 с. EDN WCLEPY

Лямкина В. А. Русский язык в контексте языковой ситуации Узбекистана // Многоязычие в образовательном пространстве. 2024. Том 16. № 2 (21). С. 153-160. DOI 10.35634/2500-0748-2024-16-2-153-160. EDN JSNYMF

Тоғаев Т. М. Шўролар тузумининг илк даврларида ўзбекистонда тил сиесати // International Scientific Journal of Biruni. 2023. Vol. 2. Iss. 2. С. 178-184.

Abdurakhmanov F. I. Sociolinguistic aspects of the functioning of the Russian language in Uzbekistan: History and modernity // American journal of research in Humanities and Social sciences. 2025. Vol. 42. P. 38-40.

Джусупов М. Билингвизм, полилингвизм в Центральной Азии и их взаимодействие в поликультурной тюркоязычной среде: Казахстан, Узбекистан // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Том 22. № 2. С. 254-264. DOI 10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264. EDN PEVPUB

Nakamura M. S. Beyond bilingualism: A discourse analysis of Uzbek-Russian code-switching in contemporary Uzbekistan // Turkophone. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 118-137. DOI 10.55246/turkophone.1510270. EDN TDEDZC

Normuminova Kh. Language choice strategies in a multilingual context // Global horizons in Philology and Pedagogy: Experiences of Turkic nations : proceedings of the 1st International scientific and practical conference (Tashkent, 25 September 2025). Tashkent : Uzbekistan State World Languages University, 2025. P. 22-24.

Ruziyeva M. I. Strategies for supporting bilingualism in education // American journal of Philological sciences. 2025. Vol. 5. Iss. 3. P. 73-75. DOI 10.37547/ajps/Volume05Issue03-19. EDN IRIBBU

Umarov B. N. Multilingualism in Central Asia: The case of Uzbekistan // Journal of multidisciplinary sciences and innovations. 2025. Vol. 4. No. 5. P. 902-905.

CC BY

References

Arefiev, A. L., Kamysheva, S. Yu. (2023). The Russian language in the Republic of Uzbekistan: History and modernity. *Alma Mater. Vestnik vysshey shkoly, 2*, 98-104. EDN: JJCRHN. https://doi.org/10.20339/AM.02-23.098

Bitkeeva, A. N. (2021). Language policy. *Sociolinguistics studies, 2(6)*, 213-226. EDN: PKIIEQ. https://doi.org/10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226

(2022). The index of the position of the Russian language in the world: the global competitiveness index (GC-index), the sustainability index in the post-Soviet countries (US-index)., 60. EDN: WCLEPY

Lyamkina, V. A. (2024). Russian language in the context of the linguistic situation in Uzbekistan. *Russian journal of multilingualism and education, 16*(2(21)), 153-160. EDN: JSNYMF. https://doi.org/10.35634/2500-0748-2024-16-2-153-160

Togaev, T. M. (2023). Language policy in Uzbekistan in the early years of the Soviet Regime. *International scientific journal of Biruni, 2*(2), 178-184.

Abdurakhmanov, F. I. (2025). Sociolinguistic aspects of the functioning of the Russian language in Uzbekistan: History and modernity. *American Journal of research in Humanities and Social sciences, 42*, 38-40.

Dzhusupov, M. (2025). Bilingualism, polylingualism in Central Asia and their interaction in a multicultural Turkic-speaking environment: Kazakhstan, Uzbekistan. *Polylinguality and transcultural practices, 22*(2), 251-264. EDN: PEVPUB. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-251-264

Nakamura, M. S. (2024). Beyond bilingualism: A discourse analysis of Uzbek-Russian code-switching in contemporary Uzbekistan. *Turkophone, 11*(2), 118-137. EDN: TDEDZC. https://doi.org/10.55246/turkophone.1510270

Normuminova, Kh. (2025). Language choice strategies in a multilingual context. *Global horizons in Philology and Pedagogy: Experiences of Turkic nations*: proceedings of the 1st International scientific and practical conference (Tashkent, 25 September 2025), 22-24.

Ruziyeva, M. I. (2025). Strategies for supporting bilingualism in education. *American journal of Philological sciences, 5*(3), 73-75. EDN: IRIBBU. https://doi.org/10.37547/ajps/Volume05Issue03-19

Umarov, B. N. (2025). Multilingualism in Central Asia: The case of Uzbekistan. *Journal of multidisciplinary sciences and innovations, 4*(5), 902-905.

Информация об авторе

Худайбергенова Умида Комилджановна – аспирант, преподаватель,
Ургенчский технологический университет РАНЧ,
г. Хорезм, Республика Узбекистан;
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-7039-1080;
e-mail: umida.x0035@mail.ru

Information about the author

Umida K. Khudaybergenova – postgraduate student, lecturer,
Urgench Technological University RANCH,
Khorezm, Republic of Uzbekistan;
ORCID: https://orcid.org/0009-0005-7039-1080;
e-mail: umida.x0035@mail.ru

Поступила в редакцию 15.02.2026
Принята к публикации 18.06.2026
Опубликована 24.06.2026

Received 15 February 2026
Accepted 18 June 2026
Published 24 June 2026

CC BY

Научная статья

Рецепция Запада в поэтическом цикле Флора Васильева «Из норвежской тетради»

https://doi.org/10.31483/r-156660
УДК 821.511.131-1-05(Васильев)

Шибанов В. Л.
Удмуртский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук
г. Ижевск, Российская Федерация.
https://orcid.org/0000-0002-6769-7258, e-mail: shibvik@rambler.ru

Резюме. Цикл стихов удмуртского поэта Флора Васильева «Из норвежской тетради» (1967) является примером изображения западной страны, в котором автор и его герой ярко демонстрируют свой патриотизм и при этом не впадают в риторику и декларативность. Цель исследования — изучить художественную специфику цикла Ф. Васильева «Из норвежской тетради», выявить в нем особенности рецепции чужого пространства. Ведущим методом является историко-культурный с привлечением приемов рецептивной критики. Центральным субъектом поэтического цикла является коллективное мы, представляющее советского гражданина, приехавшего в страну Организации Североатлантического договора в составе туристической группы. Образ народа является сквозным, он воплощает духовную силу и трудолюбие северных людей, помнящих ужасы Второй мировой войны. Образы полярного исследователя Нансена и композитора Э. Грига актуализированы в лирическом цикле в качестве носителей лучших духовных качеств норвежцев. Удмуртский поэт с гражданским сочувствием изображает женщину-эмигрантку, работающую экскурсоводом в чужой стране. Запад воспринимается Ф. Васильевым не столько в противопоставлении, сколько в поиске точек сопряжения между разными культурами.

Ключевые слова: рецепция, удмуртская литература, поэтический цикл, Норвегия, Флор Васильев.

Для цитирования: Шибанов В. Л. Рецепция Запада в поэтическом цикле Флора Васильева «Из норвежской тетради» // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 48-52. DOI 10.31483/r-156660. EDN VCJASL

Research Article

The Reception of the West in Flor Vasiliev's Poetic Cycle "From the Norwegian Notebook"

Victor L. Shibanov
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Izhevsk, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-6769-7258, e-mail: shibvik@rambler.ru

Abstract. Udmurt poet Flor Vasiliev's cycle "From a Norwegian Notebook" (1967) exemplifies the depiction of a Western country, in which the author and his protagonist clearly demonstrate their patriotism without resorting to rhetoric or declaratory statements. The aim of the study is to examine the artistic specificity of Vasiliev's cycle and to identify the peculiarities of the reception of foreign space within it. The leading method is the historical-cultural approach, employing techniques of reception theory. The central collective subject of the poetic cycle is the collective we, representing a Soviet citizen who has arrived in a NATO country as part of a tourist group. The image of the people is recurring, embodying the spiritual strength and industriousness of northern people who remember the horrors of World War II. The images of Nansen and Edvard Grieg are actualized in the lyrical cycle as embodiments of the finest Norwegian spiritual qualities. The Udmurt poet sympathetically portrays a female immigrant working as a tour guide in a foreign country. F. Vasiliev perceives the West not so much in opposition as in the search for points of convergence between different cultures.

Keywords: Udmurt literature, poetic cycle, Norway, Flor Vasiliev, reception.

For citation: Shibanov V. L. (2026). The Reception of the West in Flor Vasiliev's Poetic Cycle "From the Norwegian Notebook". *Ethnic Culture, 8*(2). 48-52. EDN: VCJASL. https://doi.org/10.31483/r-156660

Введение

Поэтический цикл Флора Васильева «Норвежской тетрадьысь» («Из норвежской тетради») был написан под впечатлением от посещения скандинавской страны. В 1966 г. туристическая группа из Удмуртии в составе 24 человек, среди которых было много колхозников и рабочих, посетила Норвегию в качестве поощрения за успехи в комсомольской работе.

Цикл Ф. Васильева был напечатан в апреле 1967 г., параллельно он работал над путевым очерком «Асьме бускельмы — Норвегия» («Наш сосед — Норвегия»), который вышел осенью того же года в четырех номерах республиканской газеты «Удмуртиысь комсомолец» («Комсомолец Удмуртии»)[1]. Важно отметить, что Норвегия с 1949 г. является членом НАТО. В период глобальных вызовов и острого противостояния с Западом, характерного для начала XXI в., вновь остро встает проблема критического взгляда на европейские страны, политику Евросоюза и военную угрозу НАТО.

Гражданская позиция советских писателей середины XX в. во многом становится образцом для подражания современным поэтам, обращающимся к западной тематике. Одним из действенных приемов воспитания молодежи являются сейчас, по словам специалистов, такие инновационные подходы, как «уяснение, понимание и справедливая оценка истории Отечества и историче-

[1] Васильев Ф. И. Асьме бускельмы — Норвегия // Удмуртиысь комсомолец. 1967. 30 сентября – 7 октября. Далее цитаты из путевого очерка даются по этой публикации в переводе автора статьи. — *В. Ш.*

CC BY

ского наследия своей страны» [Белогуров, 2025, с. 120]. В контексте литературоведения речь идет о рецептивной критике как составной части герменевтических исследований: «Такой подход выявляет герменевтическую разницу между прошлыми и сегодняшними путями понимания произведения, указывает на историю его рецепции»[2]. Ф. Васильев изображает скандинавскую страну, при этом четко отстаивает свою гражданскую позицию и не впадает в декларативную риторику. В 1960 гг. в литературах Урало-Поволжья самым показательным был, пожалуй, поэтический цикл М. Карима «Европа — Азия», выработавший идейно-эстетические критерии осмысления дихотомии Запад — Восток. «Мустаевскому тексту присущ, — отмечает современный исследователь, — своеобразный народный пафос. Автор гиперболизирует пространство, наполняя его романтическим духом бытия, высоким уровнем эмоционально-психологического фона» [Хужахметов, 2020, с. 192]. Здесь под своеобразным народным пафосом подразумевается как актуализация образа народа из другой страны, так и взгляд поэта на чужой мир глазами своего народа. Для ср.: в поэзии региона важное место занимали циклы П. Хузангая «Румынский май» и «Из болгарского цикла», посвященные соответственно Румынии и Болгарии, построенные по принципу не противопоставления культур, а скорее сопряжения, нахождения точек соприкосновения[3]. Оппозицию «свое — чужое» ставит во главу угла Р. Кудрявцева, анализирующая чукотский цикл марийского поэта Г. Ояра «Северные сполохи» [Кудрявцева, 2025, с. 112].

Удмуртская советская критика полностью проигнорировала «норвежские» произведения Ф. Васильева, нами не обнаружено даже газетных отзывов. Поэтический цикл до сих пор не переведен на русский язык. Лишь после трагической гибели поэта в автомобильной катастрофе в 1978 г. его близкий друг Владимир Романов обратил внимание на одно из стихотворений цикла и задался вопросом, почему же он не оценил это произведение по достоинству: «Прямо говоря, не люблю строк, написанных по следам пребывания в чужой стране. Чем их читать, лучше посмотреть телепередачи “Клуб кинопутешественников”. Видимо, с такой мыслью я прошел мимо этих стихов»[4]. В обширной критической литературе, посвященной творчеству Ф. Васильева[5], трудно найти даже упоминания о том, что удмуртский поэт писал о Норвегии. Итак, в данной статье впервые предпринята попытка анализа стихотворного цикла Ф. Васильева «Норвежской тетрадьысь».

Материал и методы исследования

Материалом для написания статьи послужил поэтический цикл Ф. Васильева «Норвежской тетрадьысь» («Из норвежской тетради», 1967), состоящий из пяти стихотворений. В центре внимания стоит оппозиция «свое — чужое» через призму восприятия советским поэтом недружественного государства.

Ведущим методом исследования является историко-культурный, включающий приемы рецептивной критики[6]. Важно было учесть, что восприятие чужого пространства является «одним из способов познания черт собственной национальной культуры» [Алексеева, 2024, с. 6].

Результаты исследования и их обсуждение

В поэтическом цикле Ф. Васильева «Из норвежской тетради» описывается далекая скандинавская страна, пространственная организация которой задана по модели экскурсионного маршрута. Пять стихотворений изображают соответственно чужую землю и первые впечатления от увиденного, экскурсии по городу Осло, поездку за Полярный круг, посещение родины Э. Грига и тоску по Родине перед возвращением домой. Из многих достопримечательностей, ярко описанных в путевом очерке «Сосед наш — Норвегия», поэтической «переплавке» подверглись лишь те, которые преимущественно подчеркивали близость природы и человека, были понятны удмуртскому читателю 1960 гг. Так, в поэтическом цикле ничего не говорится о судоверфи в г. Берген, лыжном трамплине в г. Осло, посещении здания Парламента страны, поездке в город рыболовов Тронхейм, музее Кон-Тики, посвященному путешественнику Т. Хейердалу, чему в путевом очерке отводится Ф. Васильевым значительное место. На отбор материала повлияли, судя по всему, и идеологические установки 1960 гг. Если в очерке «Сосед наш — Норвегия» Ф. Васильев рассказал о мифических ночных существах троллях и их превращениях при свете в обычные деревья, то в своем поэтическом цикле удмуртский поэт не решился воспеть эти образы. В целом в советское время материалы о скандинавской мифологии печатались обширно, в том числе для детей и юношества[7]. Но в удмуртской поэзии мифологическая тематика была тогда строго подчинена идеологическим и атеистическим требованиям, хотя обращение к родному фольклору в целом приветствовалось[8].

Центральным субъектом поэтического цикла «Из норвежской тетради» является коллективное мы, включающее в себя советских граждан, приехавших в страну НАТО в составе туристической группы: *дӥсьтытэкгес юаськомы кышномуртлэсь* (несмело спрашиваем мы у женщины), *эшмы дыртэ ни вераны* (наш друг торопится сказать), *ми лобиськом кадь со гуръёс вылын*[9] (мы словно бы летим на этих мелодиях) и др.

[2] Яусс Г. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория : антология / составитель И. В. Кабанова. Москва : Флинта : Наука, 2004. С. 200.

[3] История чувашской литературы XX века. Часть 2 (1956–2000 годы). Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2017. С. 85–86.

[4] Романов В. В. Выль синмын учкыса // Молот. 1978. № 12. С. 48.

[5] Восхождение: воспоминания, статьи о Флоре Васильеве / составитель З. А. Богомолова. Ижевск : Удмуртия, 1984. 348 с.; Пантелеева В. Г. Поэтический мир Флора Васильева. Ижевск : УИИЯЛ, 2000. 194 с.; Пономарева З. В. Творческая эволюция Флора Васильева : биография, формирование и развитие поэзии, образная система. Ижевск : Удмуртия, 2009. 95 с.

[6] Яусс Г. Указанное сочинение. С. 193–200; Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория : антология. Москва : Флинта : Наука, 2004. С. 201–224.

[7] См. например: Скандинавские сказания о богах и героях / пересказ Ю. Светланова. Москва : Детгиз, 1959. 238 с.

[8] Удмурт литература / Научно-исследовательский институт истории, экономики, литературы и языка при Совете Министров УАССР. Ижевск : Удмуртия, 1966. С. 70–78.

[9] Здесь и далее цитаты из поэтического цикла даются по: Васильев Ф. Норвежской тетрадьысь // Удмуртиысь комсомолец. 1967. 12 апреля. Дословный перевод автора данной статьи. — *В. Ш.*

CC BY

Налицо редкое явление в лирике Ф. Васильева, когда в тексте отсутствует лирический герой в форме я, являющийся одновременно и субъектом, и объектом стихотворного произведения[10]. Актуализация коллективного мы решает несколько задач. Во-первых, Ф. Васильев не отделяет себя от своих земляков, получивших возможность посетить Норвегию. Во-вторых, форма первого лица единственного числа потребовала бы другой формы повествования, другого «развития литературного нарратива» [Литовская, Созина, 2023, с. 55], тогда как коллективное мы выстраивает другой порядок вживания в мир чужой страны, близкий к экскурсионному маршруту.

Одним из важных особенностей поэтического цикла Ф. Васильева «Из норвежской тетради» является актуализация образа калык (народ), повторяющегося семь раз в пяти стихотворениях. Народ изображается в разных ситуациях: обычные норвежцы любят трудиться, они не боятся северных ветров и почитают полярного исследователя Ф. Нансена, народ не забывает советских военнопленных, уничтоженных нацистами на севере страны: *Калык синмысь ми адӟомы ваньзэ* (Из глаз народа мы увидим все), *Пӧртэм калык ке но быриз* (Хоть и погибли разные народы), *Мусо гуръёс пӧлын кылйськылэ / калык сюлэмъёслэн жугиськемзы* (Среди красивых мелодий раздается / стук народного сердца), *Татын но, котькытын сямен, / тыршо солэн калыкъёсыз)* (И здесь, как и везде, / трудятся его народы) и др. Представители власти страны и ее народ — далеко не одно и то же, убеждает удмуртский поэт. В связи с этим весьма значимо одно наблюдение В. Романова по поводу второго стихотворения цикла, в котором используется довольно слабая рифма: *корольёс сярысь — калык сярысь* (о королях — о народе). Критик отмечает, что эту пару даже рифмой назвать нельзя, но в то же время: *Нош кыйе соос юртто кылбурчилэсь малпанзэ лэчытомытыны, корольёсты но калыкез вачe пумит пуктыны*[11] (Зато как они помогают остро усилить мысль поэта, противопоставить королей и народ). В советские годы противопоставление простых людей и правителей европейских капиталистических государств было явлением обычным, но в 2020 гг. эта идея вновь оказывается злободневной при восприятии и оценке Запада.

Во втором стихотворении цикла «Из норвежской тетради» одним из значимых образов является экскурсовод Софья Григорьевна. Советские туристы интересуются, почему у нее русское имя и каким образом она смогла прекрасно выучить русский язык. Софья Григорьевна отвечает: *Россиын мон вордски. Татчы вуи* (Я родилась в России. Оказалась здесь). Героиня не рассказывает, по какой причине она покинула родную страну, как попала именно в Норвегию, как получила работу экскурсовода. Но она не скрывает перед гостями, что на душе у нее (а, может, и в жизни) не все ладно: *Али но кылйсько на, эшъёсы, / Россиысь уӵылэсь куараоссэ…* (И сейчас я слышу, друзья, / трели российского соловья…). Значимая деталь: соловьи поют и в Норвегии, как видно из цикла в целом, но для эмигрантов их трели звучат здесь по-другому и не задевают за живое так глубоко, как на родине.

Ф. Васильев не мог обойти стороной тему Второй мировой войны. В эпиграфе к третьему стихотворению цикла «Из норвежской тетради» отмечается: «При строительстве 250 км дороги в город Будё фашисты уничтожили 250 тысяч военнопленных». Из сюжета стихотворения явствует, что жертвами оказались в основном советские люди. Камни с их могил взяты простыми норвежцами к себе, и они лежат перед каждым домом на видном месте: *Котькуд жыт / йыбырттыны герой-ёслы / шунды сиос но васькыло* (Каждый вечер / поклониться героям / спускаются солнечные лучи). В путевом очерке Ф. Васильев пишет, что благодаря отваге норвежских партизан было уничтожено «три тысячи футов “тяжелой воды”», полученной фашистами для подготовки к производству ядерного оружия. Тема войны — еще одна точка соприкосновения двух стран и двух народов, поднятая Ф. Васильевым в цикле и остающаяся актуальной в удмуртской поэзии до сегодняшнего дня.

Культурное своеобразие Норвегии изображается Ф. Васильевым через образ великого композитора Э. Грига, имена других деятелей культуры в данный цикл не включены. В ранних своих стихах удмуртский поэт уже показывал свое уважение к Г. Ибсену: «Всматриваясь в мир произведения Г. Ибсена и слушая музыку Э. Грига, лирический герой Флора Васильева пытается уловить в норвежских героях (Сольвейг, Пер Гюнт) и пейзажах стихию родного удмуртского края» [Шибанов, 2021, с. 34]. В путевом очерке «Сосед наш — Норвегия» Ф. Васильев упоминает имена Г. Вигеланда при знакомстве с его скульптурами в Фрогнер-парке и художника Э. Мунка после посещения Национальной галереи в г. Осло. В поэтическом цикле особое внимание к Э. Григу обусловлено, на наш взгляд, тем, что Ф. Васильев говорит от имени советских туристов, не особо знакомых с культурой Норвегии, при этом вновь актуализирует понятный всем природный пейзаж. Прибыв в г. Берген, представители Удмуртии видят завораживающую картину: *Меӵ ярдурын ик жутскемын корка. / Вож писпуос вистӥ, / толэзь выллем, / кыдёкысен ик со тӧдьы пиштэ* (Прямо у крутого берега возвышается дом. / Он сквозь зеленые деревья, / словно луна, / издалека сияет белизной). Природа вокруг наполнена волшебной музыкой, эти мелодии органически вбирают в себя трели местных соловьев, шум моря и звуки бегающих по дороге лесных белок. Поэт отмечает сказочность наблюдаемого пейзажа: *выжыкылын выллем* (словно в сказке), во всем слышится *калык сюлэмъёслэн жугиськемзы* (стук народного сердца), вновь поэт обращается к образу норвежского народа.

Ф. Васильев не ставил перед собой задачу разоблачать язвы скандинавского капитализма, но он не смог не выразить своих гражданско-патриотических чувств. В заключительном, пятом стихотворении цикла «Из норвежской тетради» от имени мы отмечается: *Уг тырмы ни омыр татын* (Здесь уже и воздуха не хватает),

[10] Корман Б. О. Избранные труды. Теория литературы. Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2006. С. 322.
[11] Романов В. В. Указанное сочинение. С. 49.

CC BY

туристы из Удмуртии испытывают тоску по родине, где и воды родников вкуснее, и лучи солнца теплее, чем в скандинавской стране. При изображении северных простых людей, в душе которых у каждого живет частичка Ф. Нансена, проскальзывает фраза *огзы шоры огзы кисы пыртӥ учко* (ценят друг друга по толщине кошелька в кармане). Мерилом человечности для норвежцев являются не столько труд и порядочность, сколько деньги, отмечается Ф. Васильевым. В то же время в путевом очерке критика капитализма дается остро и весьма язвительно. На возникающий вопрос, почему же в парламенте Норвегии нет ни рабочих, ни крестьян, ни рыбаков, ответ очевиден: *Соиз асьмелы валамон, отын уго «эрик» но «демократия»* (Для нас это вполне понятно, потому что у них там «свобода» и «демократия»); народовластие на Западе означало фактически власть без народа и власть против народа, о чем знал каждый советский человек со школьной скамьи.

Из всех тропов в поэтическом цикле Ф. Васильев отдает предпочтение сравнениям. Побережье Норвегии, глядя на географическую карту Скандинавии, виднеется как *тыпы куарлэн дурыз выллем* (край дубового листа). Дом-музей Э. Грига сравнивается с яркой луной, светящейся сквозь зеленые деревья. На белого лебедя похож корабль «Лофотен», плывущий к северному городу Будё, и словно какой-то невидимый магнит тянет корабль к причалу. Хотя такие сравнения в удмуртской поэзии были и не привычными, но рассчитаны они были на горизонт ожидания читателя 1960 гг. и подчеркивали органическую близость человека и природы.

Выводы

Ф. Васильев, изображая чужое западное государство, дает ему свою оценку не громкими идеологическими клише, что могло быть вполне естественным, а демонстрирует аналитический взгляд на открывшуюся перед ним действительность. В этом плане он ориентируется на лучшие традиции поэтов Урало-Поволжья (М. Карима, П. Хузангая и др.), в своих циклах изображавших другие страны и народы не по принципу противопоставления, а по принципу сопряжения, нахождения точек соприкосновения.

В поэтическом цикле Ф. Васильева «Из норвежской тетради» ключевым сквозным образом является народ, воплощающий духовную силу и трудолюбие северных людей, чтущих одновременно и полярного путешественника Нансена, и не забывающих ужасов Второй мировой войны. В качестве носителя лучших духовных качеств норвежцев представляется всемирно известный композитор Э. Григ. Удмуртский поэт с гражданским сочувствием изображает женщину эмигрантку, испытывающую ностальгию по родине. Важно и то, что субъектом сознания в поэтическом тексте является не индивидуальное я, а коллективное мы.

Произведение Ф. Васильева нацелено на «горизонт ожидания» удмуртского читателя 1960 гг., но в современных условиях противостояния Запада и России поэтический цикл «Из норвежской тетради» вновь становится актуальным при оценке общественно-политических процессов не только в Скандинавии, но и в Европе в целом. Современным удмуртским поэтам есть чему поучиться у своего талантливого предшественника, хотя историко-культурная обстановка изменилась, казалось бы, существенным образом за более чем полвека. Образ трудового народа, тема войны, творчество талантливых представителей культуры — вот главные точки соприкосновения, которые связывают жителей Норвегии и Удмуртии как в 1960, так и в 2020 гг.

Список литературы

Алексеева А. А. Рецепция «чужого пространства» в циклах С. А. Есенина «Персидские мотивы», А. В. Ширяевца «Бирюзовая чайхана», С. М. Городецкого «Ангел Армении» // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2024. Выпуск 3. С. 5-11. DOI 10.46726/H.2024.3.1. EDN OJFZUY

Белогуров С. В. Пути активизации патриотического воспитания современной студенческой молодежи // Мир науки, культуры и образования. 2025. № 1 (110). С. 120-123. DOI 10.24412/1991-5497-2025-1110-120-123. EDN CQGIMV

Кудрявцева Р. А. Чукотский текст в цикле стихотворений Геннадия Ояра «Йӯдвел тулсавыш»: чужое/свое в авторской картине мира // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2025. Том 22. № 1. С. 111-127. DOI 10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127. EDN GBGCAO

Литовская М. А., Созина Е. К. Екатеринбург — Свердловск: литературные метаморфозы образа города в свете утопических проектов // Уральский исторический вестник. 2023. № 3 (80). С. 55-64. DOI 10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64. EDN ADQXXV

Хужахметов А. О. К проблеме циклов в творчестве М. Карима // Доклады Башкирского университета. 2020. Том 5. № 3. С. 189-193. DOI 10.33184/dokbsu-2020.3.5. EDN KSOUGM

Шибанов В. Л. Диалог культур в ранней лирике удмуртского поэта Флора Васильева // Этническая культура. 2021. № 4. С. 32-35. DOI 10.31483/r-100406. EDN VYQSIF

CC BY

References

Alekseeva, A. A. (2024). Reception of "foreign space" in the cycles of S. A. Yesenin "Persian Motifs", A. V. Shiryaevts "Turquoise Teahouse", S. M. Gorodetsky "Angel of Armenia". *Ivanovo State University Bulletin. Series: the humanities, 3*, 5–11. EDN: OJFZUY. https://doi.org/10.46726/H.2024.3.1

Belogurov, S. V. (2025). Ways to enhance the patriotic education of modern students. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya, 1(110)*, 120-123. EDN: CQGIMV. https://doi.org/10.24412/1991-5497-2025-1110-120-123

Kudryavtseva, R. A. (2025). The Chukchi text in the cycle of poems by Gennady Oyar "Ydvel Tulsavysh": other/own in the author's worldview". *Polylinguality and transcultural practices, 22*(1), 111-127. EDN: GBGCAO. https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-1-111-127

Litovskaya, M. A., Sozina, E. K. (2023). Ekaterinburg — Sverdlovsk: literary metamorphoses of the city image in the light of utopian projects. *Ural historical journal, 3(80)*, 55-64. EDN: ADQXXV. https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-3(80)-55-64

Khuzhakhmetov, A. O. (2020) On the problem of cycles in the work of M. Karim. *Doklady Bashkirskogo universiteta, 5*(3), 189-193. EDN: KSOUGM. https://doi.org/10.33184/dokbsu-2020.3.5

Shibanov, V. L. (2021). Dialogue of cultures in the early lyrics of the Udmurt poet Flor Vasiliev. *Ethnic culture, 3*(4), 32-35. EDN: VYQSIF. https://doi.org/10.31483/r-100406

Информация об авторе

Шибанов Виктор Леонидович – кандидат филологических наук, доцент,
Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук,
г. Ижевск, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6769-7258;
e-mail: shibvik@rambler.ru

Information about the author

Victor L. Shibanov – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-6769-7258;
e-mail: shibvik@rambler.ru

Поступила в редакцию 08.05.2026
Принята к публикации 08.06.2026
Опубликована 19.06.2026

Received 8 May 2026
Accepted 8 June 2026
Published 19 June 2026

CC BY

Научная статья

https://doi.org/10.31483/r-167243
УДК 811.111’255.4+141.82:821.1-2(667)
Графт.Сыновья и дочери.Пьеса

Языковые средства выражения марксистской идеологии как аксиологической ориентации автора в пьесе «Сыновья и дочери» Джо де Графта и особенности их перевода на русский язык

Яковлев А. И.
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
г. Ярославль, Российская Федерация.
https://orcid.org/0009-0001-6268-938X, e-mail: a.yakovlev@yspu.org, artyakovlev@googlemail.com

Резюме. Данное исследование посвящено лингвоаксиологическому и транслатологическому анализу первой пьесы ганского драматурга Дж. де Графта «Sons and Daughters» («Сыновья и дочери») с позиций марксизма. В работе выявляются маркеры языковых средств выразительности, отражающие критику Дж. де Графта пяти фундаментальных идей капитализма: классизма, коммодификации, индивидуализма, потребительства и империализма. Автор рассматривает 11 аксиологически нагруженных фрагментов пьесы. В результате лингвостилистического анализа в работе выявляются маркированные единицы всех языковых уровней, которые затем подвергаются транслатологическому анализу с целью определения трансформаций, необходимых для передачи на русском языке ценностных ориентаций драматурга. Критика капитализма с позиций марксизма выражается Дж. де Графтом при помощи системы средств выразительности, вступающих в отношения конвергенции. Аксиологически нагруженными также становятся слова-реалии, которые позволяют автору подвергнуть критике идею империализма в молодом африканском государстве. Текст оригинала значительно трансформируется при переводе, так как передача лингвоаксиологической нагруженности представляет значительную переводческую проблему, с которой тем не менее переводчик успешно справляется.

Ключевые слова: художественный текст, пьеса, художественный перевод, драма, лингвистический анализ текста, лингвостилистика, лингвоаксиология, литература Ганы.

Для цитирования: Яковлев А. И. Языковые средства выражения марксистской идеологии как аксиологической ориентации автора в пьесе «Сыновья и дочери» Джо де Графта и особенности их перевода на русский язык // Этническая культура. 2026. Т. 8, № 2. С. 53-63. DOI 10.31483/r-167243. EDN DMNLUA

Research Article

Linguistic Means of Marxist Ideology Expression as Axiological Orientation of the Author in Joe De Graft’s “Sons and Daughters” and the Peculiarities of Their Translation into Russian

Artem I. Yakovlev
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
Yaroslavl, Russian Federation.
https://orcid.org/0009-0001-6268-938X, e-mail: a.yakovlev@yspu.org, artyakovlev@googlemail.com

Abstract. The article is devoted to the linguistic-axiological and translatological analysis of the first play by Joe de Graft “Sons and Daughters” from the perspective of Marxist theory. The research identifies linguistic and textual markers of the author's unique expressiveness, which illustrate J. de Graft's Marxist criticism of five key capitalist ideas: classism, commodification, individualism, consumerism, and imperialism. Eleven axiologically driven text fragments are subjected to stylistic and textual analysis, revealing various stylistically marked units operating at all linguistic levels. These units then undergo translatological analysis, identifying the translation transformations applied to the original text in order to convey the axiological content to the Russian reader. The results of the research confirm that the Ghanaian playwright uses an array of expressive means and stylistic devices to express his harsh criticism towards capitalist ideology; these EMs and SDs often enter into the relationship of convergence. It is worth noting that words expressing day-to-day realities are also used by the playwright axiologically; they help J. de Graft demonstrate his dissatisfaction with imperialism in Ghana, then a young African country. The text is significantly transformed in translation, which seems unsurprising since axiologically charged units pose a major difficulty while translating literary texts. Still, it is confirmed that the translator manages to convey the axiological meaning of the original text.

Keywords: text analysis, play, linguistic stylistics, linguistic axiology, literary texts, translation of literary works, Ghanaian literature, drama.

For citation: Yakovlev A. I. (2026). Linguistic Means of Marxist Ideology Expression as Axiological Orientation of the Author in Joe De Graft’s “Sons and Daughters” and the Peculiarities of Their Translation into Russian. *Ethnic Culture, 8*(2). 53-63. EDN: DMNLUA. https://doi.org/10.31483/r-167243

CC BY

Введение

История африканских сценических жанров насчитывает тысячелетия. В своей устной форме они непосредственно связаны с религиозными ритуалами. Й. Огунбийи отмечает, что именно через драматическое искусство человек имел возможность репрезентировать отношения между самим собой, обществом и окружающим миром. Эта потребность сохраняется до сих пор[1]. В этом контексте закономерным кажется наблюдение, высказанное Д. Килламом и Р. Роу[2], что написанная на языке колонизаторов драма характеризуется расцветом в постколониальный период и обуславливается движением за независимость, а также переосмыслением культурных традиций в молодых странах Африки. Западноафриканское драматическое произведение существовало на стыке европейских традиций и традиционного африканского искусства. В частности, одна из первых профессиональных театральных трупп Африки, основанная Хьюбертом Огунде в 1940-х гг., соединяла традиции европейских варьете и национального театра йоруба аларинджо.

Театральная сцена Республики Гана после обретения независимости страны непосредственно связана с именем Э. Сазерленд. Исследователи отмечают, что драматург была не просто основательницей национального театра, но и его «матерью»: она участвовала в создании многочисленных социальных институтов и воплощении в жизнь инициатив, способствовавших становлению драматургического искусства в стране. Именно благодаря ей были созданы Общество писателей Ганы (1957), Экспериментальный театр Ганы (1958), литературный журнал «Okyeame» (1961) и реализованы многие другие проекты. Э. Сазерленд стояла у истоков драматической студии и исследовательского центра драмы, которые в 1963 г. стали частью Университета Ганы. В рамках работы студии Э. Сазерленд непосредственно сотрудничала с Дж. де Графтом и другими драматургами с целью создания модельной программы по обучению драме и театральному искусству в Африке[3].

Институты, обеспечивавшие функционирование театра в Гане, создавались под покровительством главы страны Кваме Нкрумы, одним из идеологических убеждений которого было стремление определить культурную идентичность нового государства[4]. К. Нкрума видел будущее независимой Африки в освобождении от оков иностранного, колониального влияния, развитии независимого «африканского гения» и противостояния идеям западоцентризма путем восстановления контроля над собственным историческим и культурным нарративом [Яковлев, 2025, с. 170]. В автобиографии К. Нкрума называет себя христианином и марксистом, подтверждает влияние идей К. Маркса и В. И. Ленина на собственные взгляды, а также отмечает, что именно марксистский социализм стал философской основой борьбы Африки с колониализмом и империализмом[5].

Именно в таком социальном и политическом контексте была создана пьеса Дж. де Графта «Сыновья и дочери». Созданная в рамках драматической студии во время президентства К. Нкрумы и завершенная в 1964 г., она считается одним из ранних произведений ганского драматурга. Именно она стала первой публикацией автора.

Дж. де Графт рассматривается многими исследователями как одна из центральных фигур в истории ганского театра. Будучи непосредственно связанным с Институтом Ганы, основанным К. Нкрумой, в рамках своего творчества драматург реализовывал идеи президента страны о необходимости развития искусства в Африке, исследования африканского нарратива и изучения глубины африканской мысли[6]. Дж. де Графту посвящена глава в первом выпуске «Словаря литературной биографии», посвященной африканским и карибским авторам. В этой биографической заметке, подготовленной К. Э. Агови, отмечается значительное влияние драматурга на театр Ганы, но пьеса «Сыновья и дочери» подвергается жесткой критике за нежелание Дж. де Графта четко заявить о своей позиции. В частности, по мнению исследователя, драматургу не удается связать в общую концепцию идеи индивидуальной ответственности каждого человека за свое будущее, с одной стороны, и необходимости социальных изменений — с другой[7].

Точка зрения литературоведа подвергается критике со стороны других исследователей творчества Дж. де Графта, например, О. Мадуакора, который утверждает, что желание драматурга строить свое творчество на современных и знакомых ему ситуациях, отказываясь интегрировать в произведения африканские мифы и легенды, не является поводом для обвинения автора в отсутствии аутентичности. Ссылаясь на слова самого драматурга, О. Мадуакор говорит о том, что идеология — в частности, негритюд — должна служить источником вдохновения, но не приниматься безоговорочно, так как отсутствие критического восприятия может привести к воспроизведению культурных стереотипов. По мнению исследователя, Дж. де Графт в первую очередь стремился к рассмотрению быстрых социальных изменений и тех последствий, к которым такие изменения могут привести[8]. Хотя Дж. де Графт не отрицал необходимости обращения к прошлому, он отмечал, что «жесткие неурядицы и идеологические расколы, характеризующие современную жизнь с ее нескончаемым идеологическим, экономическим и технологическим давлением, являются такой же неотъемлемой частью африканско-

[1] Ogunbiyi Y. Drama and Theatre in Nigeria: a Critical Source Book. Lagos : Nigeria Magazine, 1981. P. 3.
[2] Killam D., Rowe R. The Companion to African Literatures. Oxford : James Currey, Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2000. P. 86.
[3] Anyidoho K. Dr Efua Sutherland: A Biographical Sketch // Matatu. Journal for African Literary and Cultural Studies. 2000. Volume 21-22, Issue 1. P. 78–79.
[4] Killam D., Rowe R. Там же.
[5] Nkrumah K. Ghana. The Autobiography of Kwame Nkrumah. New York : International Publishers, 1971. P. 53.
[6] Anyidoho K. The Pan African Ideal in Literatures of the Black World. Accra : Ghana University Press, 1989. P. 17–18.
[7] Agovi K. E. Joe de Graft // Dictionary of Literary Biography. Volume 117 : Twentieth-Century Caribbean and Black African Writers. First Series. Detroit, London : Gale Research Inc., 1992. P. 136.
[8] Maduakor O. Joe de Graft & the Ghana Cultural Revival // African Theatre: Playwrights & Politics. Oxford, Bloomington, Indianapolis, Johannesburg : James Currey, Indiana University Press, Witwatersrand University Press, 2001. P. 67.

CC BY

го бытия, как и почтительное отношение к прошлому и опыту предков»[9] (перевод наш. — *А. Я.*).

В жесткую полемику с К. Э. Агови вступает и другой исследователь творчества драматурга Дж. Гиббс. Литературовед утверждает, что идеи индивидуализма, за которые драматург был подвержен критике в «Словаре литературной биографии», являются следствием здравой оценки писателем идейной неоднородности общества, глубоких неопределенностей и неоднозначностей во взглядах различных индивидов. Исследователь положительно отзывается о пьесе «Сыновья и дочери», отмечая ее важность для ганского театра и высокое качество текста[10].

В последнем исследовании, посвященном творчеству драматурга, пьеса «Сыновья и дочери» рассматривается с позиции марксистской теории. Так как произведение создавалось в эпоху президентства К. Нкрумы и в рамках руководства Дж. де Графтом драматической студией Университета Ганы, становится очевидным, что драматург не мог избежать влияния марксистского социализма на собственные ценностные ориентации. В связи с этим группа исследователей из Института науки и технологии им. К. Нкрумы (KNUST) выявила в пьесе «Сыновья и дочери» отражение критикуемых положений капитализма[11]. Однако исследователи рассматривают идеи Дж. де Графта с общефилософских, педагогических и отчасти литературоведческих позиций, не прибегая к анализу лингвостилистических и лингвоаксиологических языковых доминант, позволяющих автору передать собственные ценностные ориентации читателю или зрителю. В связи с этим определяется цель данного исследования, заключающаяся в выявлении языковых средств выразительности, обладающих аксиологической нагруженностью и отражающих марксистские взгляды автора, и рассмотрении трансформаций, необходимых для их передачи в русском переводе.

Для достижения обозначенной выше цели необходимо, опираясь на исследование ганских ученых, определить текстовые фрагменты отражающие марксисткие ценностные ориентации Дж. де Графта; обнаружить в выявленных текстовых фрагментах языковые и текстовые маркеры авторских средств выразительности, функционирующих на разных уровнях языка и позволяющих драматургу передать собственные ценностные ориентации; выявить трансформации, используемые для передачи аксиологически нагруженных фрагментов на русский язык, и оценить их с точки зрения эквивалентности и адекватности.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужил оригинальный текст драмы Дж. де Графта «Sons and Daughters» («Сыновья и дочери») на английском языке, опубликованный в 1964 г. издательством «Oxford University Press» и впоследствии трижды переиздававшийся в виде репринтных изданий, и его перевод на русский язык, осуществленный В. С. Коткиным в 1985 г. и изданный в четвёртом выпуске литературного альманаха «Африка» издательством «Художественная литература».

Данная пьеса представляет интерес с лингвоаксиологических позиций, так как она является первым изданным произведением Дж. де Графта, написанным в эпоху становления независимой Республики Гана под влиянием идеологии первого президента страны К. Нкрумы, что объясняет ее социалистический и марксистский характер.

Пьеса также должна быть рассмотрена с транслатологической точки зрения, так как на сегодняшний день она является единственным произведением Дж. де Графта, переведенным на русский язык.

Основными методами исследования послужили общефилософские методы сравнения и наблюдения, а также общефилологические методы структурного, дистрибутивного, семиотического анализа, рассмотрения языковых единиц в контексте их употребления.

В исследовании автором был проведен лингвистический и стилистический анализ текста пьесы Дж. де Графта в соответствии с методикой анализа, предложенной Н. С. Болотновой[12]. Для интерпретации лингвоаксиологических доминант текста использовался метод лингвистического комментирования, представленный Н. М. Шанским [Шанский, 2022, с. 29–35].

В соответствии с работой В. И. Карасика «Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы» рассмотрение ценностей происходит через вербальное и невербальное проявление представлений о благе либо его противоположности, которая проявляется в лингвокультурных концептах с ценностным содержанием, содержании слов и фразеологических оборотов, дискурсивных образованиях с маркированным и оценочным содержанием[13]. Лингвоаксикологический анализ текста, методика которого представлена в работе Е. А. Гольцевой [Гольцева, 2022, с. 226–228], заключается в выявлении маркеров авторских языковых средств, функционирующих на разных уровнях (фонетико-графических, лексико-семантических, синтаксических), что сближает такой анализ с лингвистическим и стилистическим анализом текста, в рамках которого обнаруживаются аксиологически маркированные единицы с ценностным содержанием, позволяющие выявить ориентации автора при интерпретации.

При анализе перевода аксиологически нагруженных контекстов рассматривались стратегии и принципы перевода художественных текстов, представленные в работах В. Н. Комиссарова[14] и И. С. Алексеевой[15].

[9] De Graft J. C. Roots in African Drama and Theatre // African Literature Today. No. 8. Drama in Africa. 1976. P. 18.

[10] Gibbs J. Nkyin-Kyin: Essays on the Ghanaian Theatre. Amsterdam, New York : Rodopi, 2009. P. 160–161.

[11] Gustafson-Asamoah P., Issaka C. A., Sanka C. G. Uncovering the Truth for a Better Education: a Marxist Approach to J. C. De Graft's Sons and Daughters // International Journal of Education and Literacy Studies. 2019. Volume 1, Issue 2. P. 100–106.

[12] Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Москва : Флинта, 2023. С. 32–40, 74–78.

[13] Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Москва : Гнозис, 2019. С. 7.

[14] Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва : Высшая школа, 1990. 253 с.

[15] Алексеева И. С. Введение в переводоведение. Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, Москва : Академия, 2004. 352 с.

CC BY

Основные приемы и трансформации, к которым может прибегать переводчик в процессе работы над художественным текстом, описаны Я. И. Рецкером[16]. Слова-реалии, рассмотрение которых в контексте произведения и переводе необходимо для осмысления критики империализма в драме Дж. де Графта, определяются в соответствии с положениями монографии С. Влахова и С. Флорина «Непереводимое в переводе»; их классификация также опирается на данную работу[17].

Таким образом, первый этап лингвоаксиологического анализа текста драмы заключался в выборке аксиологически нагруженных фрагментов, содержащих языковые средства выразительности. Далее лингвостилистическому и переводческому анализу подвергались те текстовые фрагменты, в которых обнаруживались оценочные компоненты, связанные с отражением в пьесе марксистских идей, которые были описаны учеными из университета KNUST.

Цитаты из пьесы «Sons and Daughters» и ее перевода на русский язык приводятся по: De Graft J C. Sons and Daughters: a Play. London, Ibadan, Nairobi : Oxford University Press, 1979. 53 p.; Де Графт Д. Сыновья и дочери // Африка: Литературный альманах. Москва : Художественная литература, 1983. Выпуск 4. С. 312–350. Источники словарных дефиниций и помет — Cambridge Dictionary Online (https://dictionary.cambridge.org), Большой толковый словарь русского языка / под редакцией С. А. Кузнецова. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.

Результаты исследования и их обсуждение

В своей работе П. Густафсон-Асамоа, Ч. А. Иссака и К. Г. Санка отмечают, что Дж. де Графт выражает собственные марксистские идеалы, иронически переосмысляя и критикуя пять основных идей капитализма: классовую дискриминацию, коммодификацию, ярко выраженный индивидуализм, потребительство и империализм.

Классовая дискриминация

Говоря о дискриминации на основе принадлежности к социальному классу, ученые отмечают, что три персонажа пьесы проявляют такие тенденции: Джеймс Офосу, отец семейства, его сестра — тетушка Фосува, а также Миссис Бону, жена лучшего друга Джеймса Офосу.

Для Джеймса путь в высшее общество лежит через образование. Так как он сам работает в сфере поставок и транспорта и считает такой бизнес недостаточно престижным, он постоянно повторяет идею о необходимости дать детям хорошее образование. Говоря о своей дочери, он противопоставляет ее остальной молодежи: *Maanan is educated, not an* ***illiterate*** *girl; and if a lot of* ***illiterate*** *girls and women come singing along the street <…> does that mean that my daughter should make herself like one of* ***those illiterate*** *women…?* ‘Маанан — образованная, не неграмотная девушка; если неграмотные девушки и женщины ходят по улицам и поют <…> значит ли это, что моя дочь должна быть одной из этих неграмотных женщин?’ (здесь и далее подстрочный перевод выполнен нами. — *А. Я.*). В этом риторическом вопросе обращает на себя внимание повтор лексемы *illiterate* ‘knowing **little or nothing** about a particular subject’ (знающий слишком мало или ничего о каком-то предмете), который показывает навязчивость идеи о хорошем образовании. В реплике Джеймса через отрицание грамотные женщины противопоставляются неграмотным (*educated — illiterate*), неграмотные люди пренебрежительно определяются при помощи указательного местоимения *those* ‘те’.

В переводе на русский язык противопоставление Маанан недостаточно образованным женщинам в риторическом вопросе сохраняется, как и его пренебрежительное отношение к необразованному классу: *Маанан —* ***образованная девушка****, не какая-то там* ***невежда****. А если толпа девчонок,* ***пусть и милых, но невежественных****, проходит с песнями по улице <…>, означает ли это, что моя дочь должна брать с них пример?* В своем переводе В. С. Коткин передает пренебрежение персонажа путем изменения разряда местоимений (указательное *those* становится неопределенным какой-то) и в целом сохраняет лексический повтор, но использует скорее однокоренные слова вместо полных повторов. С другой стороны, авторская антитеза в переводе эксплицируется путем добавления прилагательного милый, отсутствующего в тексте оригинала. Возможно, таким образом переводчик старается компенсировать выразительность речи персонажа, снизившуюся из-за опущения лексического повтора и замены его морфологическим показателем.

Ханна, жена Джеймса, резко отвечает на ремарку мужа. Ее обида подчеркивается авторской ремаркой with dignity ‘с достоинством’, полностью сохраняемой в переводе. В ее речи появляется анафорический повтор: ***I am*** *your* ***wife****, James, and Maanan's* ***mother****. But* ***I am illiterate****; I have never learnt to read and write.* ‘Я твоя жена, Джеймс, и мать Маанан. Но я неграмотная; я так и не научилась читать и писать’. Ханна повторяет слово *illiterate* за своим мужем, но при этом благодаря анафорическому повтору оно становится частью градации с антикульминацией: перечисляя свои почетные социальные роли (*wife, mother*), она к ним же добавляет и свою неграмотность; таким образом, в ее речи подчеркивается равноправность всех социальных статусов, которые определяют Ханну как члена общества.

В переводе фигура градации опускается, но появляются эмфатическая пунктуация, парцелляция с сочинительным союзом но в начале предложения и повтор отрицательных частиц, которые позволяют в некоторой степени компенсировать потерю экспрессивности речи персонажа: ***Я — твоя жена****, Джеймс, и мать Маанан.* ***Но*** *я* ***никогда не*** *училась* ***ни*** *читать,* ***ни*** *писать.*

В попытке отдать племянницу замуж тетушка Фосува, сестра Джеймса, вступает в конфронтацию со своей снохой. Она считает, что Маанан должна быть благодарна за те знаки внимания, которые ей оказывает адвокат Бону, ведь его социальный статус значительно выше, чем положение семьи Джеймса Офосу. В разговоре с

[16] Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. Москва : Р. Валент, 2007. 244 с.
[17] Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Москва : Международные отношения, 1980. С. 6–8, 47–55.

CC BY

Ханной она говорит: ***Interference!*** *(Getting quarrelsome.)* ***Is it*** *interference to want my niece* ***properly*** *married? Tell me —* ***is it?*** ‘Вмешательство! (Становится склочной.) Разве это вмешательство, если я хочу, чтобы моя племянница должным образом вышла замуж? Скажи мне — разве это так?’ Речь тетки крайне эмоциональна, что видно и по назывным восклицательным предложениям, и по фигуре эллипсиса, совмещенной с императивной конструкцией в конце реплики, и по рамочному повтору. Читатель и зритель может проследить прагматичный характер тетки через эпитет *properly* ‘correctly, or in a satisfactory way’ (правильно или удовлетворительно).

В переводе, однако, речевое поведение Фасувы оказывается не таким выразительным: *Я* ***и не думала*** *вмешиваться в твои дела. (Начинает сердиться.) Я только хочу, чтобы моя племянница благополучно вышла замуж.* ***Какое же это вмешательство?*** Переводчик заменяет односоставные и эллиптические конструкции полными предложениями, а авторский эпитет передает наречием от прилагательного *благополучный*. Такого рода синтаксические трансформации и лексико-семантические замены не представляются адекватным: в переводе тетка Фосува предстает перед читателем в качестве человека, который заботится о будущем своей племянницы, однако в оригинале она движима не заботой, а желанием наживы и улучшением социального статуса.

В разговоре с адвокатом Бону тетка критикует Маанан, что выражается в ее реплике через деонтическую модальность: *…actually, Maanan* ***should*** *consider herself lucky that she is working in your office…* ‘На самом деле, Маанан должна осознавать, насколько ей повезло работать в вашем офисе’.

В переводе деонтическая модальность отсутствует; вероятно, в случае ее сохранения перевод был бы более громоздким по сравнению с текстом оригинала. Тем не менее, В. С. Коткин прибегает к компенсации через безличное предложение. Помимо этого, наблюдается модуляция, за счет которой реплика Фосувы становится более адресной. В переводе речь идет уже не об адвокатской конторе, а о работе на человека высокопоставленного, с адвокатским статусом и весом в обществе: *Маанан* ***посчастливилось****, что она работает у* ***такого человека, как вы.*** Хотя модуляция позволяет переводчику передать услужливость тетушки, смена модальности с деонтической на эпистемическую несколько меняет характер речевого поведения героини: в тексте перевода она предстает достаточно прагматичным и корыстным человеком.

Наконец, второстепенный персонаж Миссис Бону, жена адвоката, появляется лишь в одном эпизоде второго акта. В ее репликах прослеживаются идеи классового неравенства и прав женщин: *I must make it clear that my husband will not take a second wife —* ***least of all your niece****. I am a woman, and I have a right —* ‘Я должна ясно дать вам понять, что мой муж не возьмет вторую жену — и уж тем более вашу племянницу. Я женщина, и я имею право на —’. Пренебрежение жены адвоката в адрес Маанан, девушки более низкого социального положения, передается через обособление присоединительного оборота. Таким образом возникает фигура преуменьшения — героиня намеренно унижает племянницу Фосувы, представляя ее недостойной замужества.

В переводе присоединительный оборот подвергается грамматической замене: *Что до меня, то я не позволю своему мужу взять вторую жену,* ***даже если*** *это будет ваша племянница.* ***Это мое право! Право женщины!*** Использование придаточного предложения уступки передает категоричность женщины, но не демонстрирует ее пренебрежительного отношения к тем, кто принадлежит к другому социальному классу. Переводчик, однако, прибегает к компенсации: используя парцелляцию и повтор-сцепку с повторением слова право в двух восклицательных предложениях, он придает речи героини дополнительную экспрессивность.

Коммодификация

Исследователи из университета KNUST отмечают, что превращение благ, услуг и отношений в товары непосредственно прослеживается во взаимодействии между адвокатом Бону и Джеймсом Офусу. Отец семейства движим надеждой получить выгоду из отношений с адвокатом, в то время как адвокат также использует дружбу ради получения конкретного «товара» — в данном случае, расположения Маанан и последующих романтических отношений с девушкой[18].

Во время кульминационной сцены, обнаружив адвоката Бону домогающимся Маанан, Джеймс говорит: *I admired you and wanted your friendship* ***because I thought*** *you were educated and honest,* ***I thought*** *that in your company* ***I could*** *hope for* ***some of the esteem*** *which men of my sort rarely get.* ‘Я восхищался тобой и жаждал нашей дружбы, потому что я считал тебя образованным и честным, я думал, что в твоей компании я могу получить долю почета, которого такие люди, как я, получают редко’. Хотя речевое поведение характеризуется хеджированием — дистанцированием от высказывания через серию модальных конструкций, представляется интересным, что существительное *esteem* ‘respect for or a good opinion of someone’ (уважение к кому-либо или хорошее мнение о ком-либо), будучи неисчисляемым, приобретает материальную, осязаемую сущность. В реплике персонажа не просто используется определитель-квантификатор *some*, но он также соединяется с определенным артиклем *the*, что придает желанному Джеймсом почету количественный и конкретный характер. При этом описание надежд и намерений Джеймса реализуется через комбинацию трех видов модальности — буломаической (с глаголом *to want*), эпистемической и перцептивной (*to think, can*); конструкция *I thought* становится частью анафорического повтора, что придает притчевость монологу персонажа. В переводе же модальное значение сохраняется: *Я с таким уважением относился к вам, дорожил вашей дружбой,* ***считал*** *вас человеком образованным и честным.* ***Я думал****, что, дружа с вами, тоже могу рассчитывать на уважение, которым,* ***к сожалению****, не всегда пользуются люди моего круга.*

[18] Gustafson-Asamoah P., Issaka C. A., Sanka C. G. Указанное сочинение. С. 104.

CC BY

Так как переводчик снимает повторы, он добавляет дополнительную модальность через вводную конструкцию *к сожалению*. Осязаемую и материальную долю почета, которую Джеймс так жаждет заполучить через знакомство с высокопоставленным адвокатом, переводчик передает при помощи слова *уважение*, которое является стилистически нейтральным в сравнении с единицей *esteem*, относящейся к высокому стилю английского языка. В результате такой лексической замены идея о коммодификации в отношениях между Джеймсом Офосу и адвокатом Бону остается в этом контексте не в полной мере реализованной. Далее в реплике Джеймса происходит намеренное расчеловечивание адвоката через фигуру сравнения, в рамках которой тот уподобляется животному: *…but I could hear him bellowing* ***like a bull on heat****… and when I came down to find out what was the matter, there he was making shameless advances to Maanan.* '…но я мог слышать, что он кричал, как возбужденный бык… и, когда я спустился вниз, чтобы узнать, в чем дело, он был прямо там, бесстыже домогаясь до Маанан'. Узнав о непристойных намерениях адвоката, Джеймс норовит намеренно унизить бывшего друга, о чем свидетельствует используемый в его реплике фразеологизм *on heat* 'an animal that is in heat is in a state of sexual excitement and ready to breed' (животное, которое находится в состоянии сексуального возбуждения и готово к размножению), приобретающий в контексте негативную, вульгарную окраску. Замыслы адвоката Бону описываются при помощи эпитета *shameless* '**not ashamed**, especially about **something generally considered unacceptable**' (не стесняющийся, особенно чего-то, что в целом воспринимается как недопустимое). В. С. Коткин передает реплику персонажа более нейтрально: *Но потом я услышал громкий шум внизу и спустился узнать, что происходит.* ***Тут-то*** *я собственными глазами видел, как он лезет к нашей Маанан* ***со своими ухаживаниями***. Переводчик решает опустить стилистически маркированную лексику оригинала, но компенсирует потери путем добавления других лексических единиц (частицы *то*, местоимение *свой*), чтобы воссоздать разговорный тон Джеймса.

Адвокат Бону в свою очередь прямо выражает свои корыстные интересы в рамках своего общения с Маанан. В частности, он прямо говорит о том, что в ответ на любовь может помочь ей в становлении желаемой карьеры: ***Don't you want to*** *go on the stage?* ***Don't you want to*** *study dancing and be able to create your own ballet?* ***Don't you?*** *You do, Maanan, and* ***I can*** *help you to achieve your ambition.* ***I can*** *make your father grant your wish,* ***I can****…* 'Разве ты не хочешь быть не сцене? Разве ты не хочешь изучать танцы и иметь возможность поставить свой собственный балет? Разве нет? Ты хочешь, Маанан, и я могу помочь тебе реализовать свои амбиции. Я могу сделать так, что твой отец удовлетворит твои просьбы, я могу…' Адвокат намеренно апеллирует к карьерным стремлениям Маанан, он пытается ею манипулировать, о чем свидетельствуют анафорические повторы конструкций *don't you want to* с буломаической модальностью. Адвокат сам отвечает на задаваемые вопросы, через анафорические повторы в его ответах выстраивается антитеза: модальности желания здесь соответствует эпистемическая модальность возможности совершения действия, передаваемая конструкцией *I can*, однако его речь обрывается фигурой апосиопезы — Маанан сообщает ему, что не желает никаких подачек: ***I don't want*** *your help, Lawyer Bonu.* ***I don't want*** *anything from you.* 'Я не хочу вашей помощи, адвокат Бону. Я не хочу ничего от вас'. Хотя в речи Маанан появляется анафорический повтор, схожий с ремаркой адвоката, здесь повтор буломаической конструкции становится частью фигуры градации: героиня сначала отказывается от помощи, но потом отмечает, что ей не нужно вообще ничего, к чему имеет отношение ее начальник. Фигура создается при помощи местоимения *anything* 'any event, act, object, or situation' (любое событие, действие, объект или ситуация).

В переводе повторы с модальным значением сохраняются: ***Вы же хотите*** *выступать на сцене.* ***Хотите*** *изучать танцы, а потом создать свой балет.* ***Хотите****, Маанан. А* ***я могу*** *помочь вам достигнуть этой цели.* ***Могу*** *уговорить вашего отца не противиться вашему стремлению,* ***могу****…* Несмотря на то, что вопросительные конструкции в переводе сменяются утвердительными, переводчик в полной мере передает возникающую в речи персонажа антитезу, при этом дополняет ее эллиптическими конструкциями, делая речь персонажа более разнообразной и приближенной к ситуации повседневного общения. Точно так же переводчик передает и ответную реплику Маанан, в которой сохраняется и повтор, и градация оригинального текста: ***Мне не нужна*** *ваша помощь, господин Бону.* ***Мне*** *ничего от вас* ***не нужно***. В переводе реплика Маанан приобретает дополнительную выразительность, так как повторяющаяся модальная конструкция во втором предложении расщепляется и между двумя элементами конструкции помещаются дополнения. Таким образом происходит почти полное синтаксическое уподобление оригинальному тексту.

Индивидуализм

Согласно исследованию коллектива авторов из KNUST, в пьесе «Отцы и дочери» идея индивидуализма наиболее явно выражается в поведении Джеймса Офосу, воспринимающего свой транспортный бизнес как результат собственного труда, однако не признающего, что успех его предприятия был также обеспечен и другими работниками[19].

Ирония автора пьесы по отношению к Джеймсу как яркому индивидуалисту подтверждается путем анализа текста пьесы. Так, в первом акте он отзывается о своей работе следующим образом: ***I toil all day all through the year*** *to educate my children, to give them the best profession that any rich man's children can have, and* ***what do they tell me?*** 'Я работаю целыми днями на протяжении всего года, чтобы выучить своих детей, чтобы дать им лучшую профессию, которую дети богатых родителей только могут себе представить, и что они мне отвечают?' В данном риторическом вопросе персонаж рассуждает о собственной самоотверженности, о готовности жертво-

[19] Там же. С. 104–105.

CC BY

вать собой ради того, чтобы обеспечить благополучие семьи. Эта идея подчеркивается повтором собирательного местоимения *all* 'every one of' (каждый). Кроме того, в двух параллельных частях сложносочиненного предложения с конструкциями Present Simple проявляется антитеза: Джеймс противопоставляет себя своим детям (*I toil — they tell me*), которых считает в высшей мере неблагодарными за такое самопожертвование отца. К переводу данного фрагмента В. С. Коткин подходит с особой оригинальностью: ***Работаешь, словно вол. Стараешься*** *собрать деньги, чтобы дать детям образование, доступное лишь богачам, и что же?!* В первую очередь обращает на себя внимание метафоризация — введение русского фразеологизма *работать как вол* 'очень много, не покладая рук', который не только заменяет лексический повтор текста-оригинала, но и передает значение глагола *to toil* 'to work hard and long' (работать усердно и долго), связанного с семантикой существительного *toil* 'hard work, especially work that makes you feel physically tired' (тяжелая работа, особенно работа, которая заставляет вас испытывать физическую усталость). Наблюдается также замена двусоставных предложений с видовременной формой Present Simple на обобщенно-личные. Хотя параллелизм в речи персонажа сохраняется, здесь Джеймс уже не противопоставляет себя детям, а кричит, возмущаясь такой неблагодарности. Эмфатическая пунктуация, выражающая экспрессивность речи персонажа, в данном случае успешно компенсирует потерю антитезы.

В другом фрагменте можно наблюдать, с каким пренебрежением Джеймс относится к людям, представляющим его профессию и работающим под его же начальством. Разговаривая с Ханной, он уничижительно описывает свою профессию в целом: *What* ***experience?*** ***Experience*** *of lorries* ***and*** *trucks* ***and*** *running a transport business,* ***and****…* 'Какой опыт? Опыт автомобилей и грузового транспорта, и управления транспортной компанией, и…' В речи персонажа появляются повтор-сцепка и полисиндетон, создающий фигуру перечисления, в которой описываются аспекты работы Джеймса, которые он считает низменными и не заслуживающими внимания. Параллельно с этим, отвечая на возражения жены, персонаж схожим образом перечисляет своих коллег: *Drivers* ***and*** *porters* ***and*** *lorry mates?* (Водители и носильщики и водители грузовиков?). Таким образом, в речи Джеймса выстраиваются две параллельные конструкции с тремя однородными членами, ярко демонстрирующие его восприятие своих работников как незначительных и мелких подчиненных, не имеющих влияния на бизнес в целом. В переводе происходит значительная лексико-грамматическая трансформация оригинала: *Какой там опыт? Всю жизнь* ***вожусь*** *с грузовиками и автобусами…* Для компенсации потери риторического вопроса, повторов и полисиндетона В. С. Коткин вводит глагол *возиться* 'заниматься каким-либо делом, доставляющим много хлопот, труда', присущий разговорной речи и выражающий в этом контексте пренебрежительную оценку подобного труда героем произведения. При переводе второй реплики персонажа также происходит потеря многосоюзия, которая компенсируется введением определения: *Все это* ***простые*** *шоферы и грузчики.* Определение, реализующее в данном случае значение 'обыкновенный, ничем не примечательный, не выделяющийся среди других; заурядный', в данном контексте приобретает оценочность и становится эпитетом, подчеркивающим презрительную оценку своих коллег начальником Джеймсом Офусу.

Потребительство

П. Густафсон-Асамоа, Ч. А. Иссака и К. Г. Санка отмечают, что Дж. де Графт иронизирует над идеей потребительства через поведение миссис Бону и Джеймса Офосу[20].

Это также подтверждается в рамках лингвостилистического и лингвоаксиологического анализа текста, хотя консьюмеризм Миссис Бону показан в пьесе косвенно, через ремарку Маанан: *Why, she thinks of* ***nothing but*** *new dresses* ***from morning to evening****, and showing off at U.A.C.* ***buying the whole shop*** *up with her pass-book.* 'Ну, она не думает ни о чем, кроме покупок новых платьев с самого утра до самого вечера, и хвастовства в ОАК (Объединенной Африканской Компании. — *А. Я.*), скупая весь магазин по расчетной книжке'. Хотя это единственное оценочное упоминание Миссис Бону в речи Маанан, ирония в данном случае прослеживается благодаря нагромождению гипербол. Две из них выражены устойчивыми фразами *nothing but* 'nothing except; only' (ничего, кроме; только); трансформированной *from morning to evening* по модели *from dawn to dusk* 'from early morning until night' (с самого утра до ночи) Третья гипербола создается через прилагательное *whole* 'complete or not divided' (полный или неразделенный) — в реплике Маанан через словосочетание *the whole shop* метонимически определяются все товары, которые Миссис Бону со своими финансовыми возможностями может себе позволить.

В переводе разговор Маанан с матерью, в котором девушка упоминает миссис Бону, подвергается трансформациям: ***С утра до ночи*** *эта женщина только и думает о новых* ***тряпках****. Хвастает* ***своим билетом на конкурс моды.*** Хотя одна гипербола сохраняется и передается аналогичным русскоязычным фразеологизмом, В. С. Коткин компенсирует снизившуюся в результате опущения гипербол оценочность путем введения пренебрежительного слова *тряпки* 'наряды, модная одежда'. Интересным представляется снятие В. С. Коткиным слова-реалии, аббревиатуры *U.A.C.*, которое обозначает крупную колониальную сеть магазинов, распространенную в Западной Африке вплоть до 1987 г. Так как реалия может быть непонятна русскому читателю, переводчик прибегает к адекватной замене: вместо похода за бесконечными покупками миссис Бону интересуется модой. Разговорный характер речи Маанан, который также подчеркивает неприятие героиней жены своего начальника, переводчик передает путем грамматической трансформации: реплика, в оригинале состоящая из одного сложноподчиненного предложения, членится на два простых, второе из которых является эллиптическим.

[20] Там же. С. 105.

CC BY

Потребительство Джеймса Офосу выражается имплицитно, через авторскую ремарку. В начале пьесы, когда читатель знакомится со сценой, где разворачивается действие пьесы, сценическая ремарка содержит следующее описание: *…a metal trolley with* ***expensive drinks*** *— and* ***cheap glasses****…* '…металлическая тележка с дорогими напитками — и дешевыми стаканами…' Интересно, что Дж. де Графт выстраивает антитезу между высоким качеством алкогольных напитков, хранящихся у героя в доме, и дешевой посудой; это противопоставление выражается через прилагательные-антонимы *expensive — cheap*, но также обращает на себя внимание благодаря использованию автором эмфатической, авторской пунктуации. На протяжении пьесы Джеймс Офосу не употребляет алкогольных напитков, а по возвращении домой после рабочего дня пьет лишь воду и использует ее для выражения своего почтения в адрес предков: *Here is water for you. (He pours a little of the water on the floor.)* 'Вот вода для вас (Выливает немного воды на пол.). Это дает основания предположить, что Джеймс — человек непритязательный в быту и скупой в финансовых вопросах, о чем свидетельствует дешевая посуда в его доме. С другой стороны, глава семейства специально покупает дорогой алкоголь и выставляет его напоказ, чтобы впечатлять им высокопоставленных гостей — в первую очередь адвоката Бону.

В переводе пьесы антитеза сохраняется, но без авторской пунктуации она становится не такой заметной: *…металлический сервировочный столик на колесиках, уставленный* ***дешевыми рюмками*** *и* ***дорогими напитками****…* В. С. Коткин сохраняет антонимию, обнаруживаемую в оригинале, но приводит текст в соответствие с пунктуационной нормой языка перевода, при этом происходит перестановка компонентов (*expensive — cheap*), что позволяет переводчику акцентировать внимание именно на описании напитков.

Хотя исследователи из Ганы не упоминают консьюмеризма адвоката Бону, в пьесе есть яркий эпизод, свидетельствующий о подверженности чиновника идеологии вещизма. Придя домой к Джеймсу и встретившись с Маанан, он критикует друга за нежелание обновить машину: ***I've been advising*** *James to buy a new car, but he wants to stick to* ***the old thing. Who wants to stick to a four-year-old Chev. these days?*** 'Я советую Джеймсу купить новую машину, но он верен старой. Кому сегодня нужна четырехлетняя шевроле?' Негодование героя передается через комбинацию средств выразительности: использование видовременных форм группы Continuous (*I've been advising*) в соответствии с нормой английского языка выражает раздражение; сама машина пренебрежительно описывается при помощи десемантизированного существительного *thing* — герой не считает это транспортное средство достаточно новым и стильным, поэтому в своей речи герой намеренно избегает наименования ее машиной. Наконец, риторический вопрос, в котором наблюдается повтор фразового глагола *to stick to something* 'to limit yourself to doing or using one particular thing and not change to anything else' (ограничиться исполнением определенного дела или использованием определенного предмета, не меняя его на что-либо еще) передает вербальную иронию автора: персонаж почти философским образом рассуждает о бессмысленности использования автомобиля, которому, по его мнению, уже целых четыре года.

В переводе эта реплика передается следующим образом: *Я советовал Джеймсу купить* ***новую****, а он* ***никак не решится*** *расстаться со* ***старой****.* ***Охота же*** *ему возиться с «шевроле», которому уже четыре года?* Негодование адвоката Бону передается через добавленное наречие *никак*, а в риторическом вопросе появляется разговорный фразеологизм *охота кому-либо* 'зачем, с какой стати, какая нужда (делать что-либо)'. Хотя переводчик предпочитает не следовать оригиналу и не воссоздавать лексический повтор, он компенсирует потерянную экспрессивность речи персонажа за счет введения разговорных элементов и усиления антитезы (*a new car — the old thing*) и благодаря грамматической трансформации: использование эллиптических конструкций с прилагательным вместо словосочетаний с существительным. Слово-реалия *Chev.*, являющаяся наименованием марки машины *Chevrolet*, подверженным усечению в разговорной речи, переводится как *«шевроле»* и заключается в кавычки, что делает культурную отсылку более понятной русскому читателю.

Империализм

Коллектив авторов из KNUST в своей статье отмечает, что критика империализма в первую очередь проявляется в авторской ремарке в самом начале произведения, где описывается сцена, в которой разворачивается действие пьесы[21].

В ремарке интерьер комнаты определяется следующим образом: ***There is a leaning*** *towards typically imported or European.* ***The only item*** *of traditional furniture is a large mahogany elephant stool.* 'Прослеживается склонность к типично импортному или европейскому. Единственный исконный предмет мебели — большой табурет в виде слона из красного дерева'. Для описания предпочтений семьи используется существительное *leaning* 'a particular **set of beliefs**, opinions, etc. that someone prefers' (определенная система представлений, мнений и т. д., предпочитаемая кем-либо). Европейская мебель в доме Офосу описывается при помощи эпитета *typically* 'in a way that shows all the characteristics that you would expect from the stated person, thing, or group' (таким образом, что демонстрируются все характеристики, ожидаемые от упомянутых человека, вещи или группы людей). Типичная мебель из колониальных центров контрастирует с единственным аутентичным табуретом в форме слона, и этот контраст подчеркивается прилагательным *only* 'used to show that **there is only one** of something, or that there are **no others**' (используется, чтобы показать, что есть только один какой-то предмет или что нет других). Это позволяет создать образ главы семейства, который недостаточно образован и слепо следует моде, господствующей в обществе на момент написания произведения: Республика Гана буквально несколько лет назад стала независимой страной, поэтому прослеживается стремление и желание людей походить на европейцев.

[21] Там же.

CC BY

В русском тексте эта авторская ремарка передается следующим образом: *…со вкусом, в котором* ***явно ощущается тяготение*** *к заграничному и европейскому.* ***Единственный*** *предмет в традиционном стиле — большая скамья из красного дерева.* Идеалы семьи описываются при помощи конструкции с ярко выраженной положительной перцептивной модальностью — это не просто склонность к заграничному, а значительное и заметное стремление. Контраст между европейской мебелью и единственным исконным предметом интерьера переводчиком сохраняется и передается при помощи прилагательного *единственный*. Можно сказать, что дополнительно введенная переводчиком модальность эксплицирует эклектичность убранства дома, что позволяет читателю, не в полной мере знакомому с социальным и политическим контекстом Ганы эпохи К. Нкрумы лучше понять взгляды и предпочтения живших в республике людей.

Эта ремарка — единственная прямая отсылка к колониальному прошлому страны, обнаруживаемая в тексте пьесы. Однако автор часто прибегает к использованию слов-реалий, позволяющих воссоздать необходимый социальный, культурный и политический контекст. Выше были проанализированы лексические единицы *U.A.C.* и *Chev.*, первая из которых была опущена переводчиком ввиду ее расплывчатой семантики вне Западной Африки и Республики Гана в частности, а вторая — заменена более литературной формой и помещена в кавычки для большей прозрачности при восприятии русским читателем. Другие слова-реалии, обнаруживаемые в тексте, в соответствии с местным делением, предложенным С. Влаховым и С. Флорином[22] можно разбить на две географические группы: колониальные, связанные с жизнью колониального центра, в данном случае Великобритании, и местные, связанные с жизнью Республики Гана.

Помимо упомянутых выше *U.A.C.* и *Chev.*, к первой группе относятся следующие географические наименования: *London, England, Goldsmith College, Manchester University*. Таким образом, в тексте в восьми речеупотреблениях встречаются шесть слов и выражений, обозначающих реалии западной, колониальной жизни. Все перечисленные слова передаются в переводе, однако некоторые меняют частеречную принадлежность: *a dancing school in England* становится *английской танцевальной школой*, *Goldsmith College* и *Manchester University* переводятся как *Голдсмитский колледж* и *Манчестерский университет* соответственно. Таким образом, из восьми речеупотреблений слов-реалий, связанных с жизнью Европы и Америки, переводчик опускает лишь одну и еще одну эксплицирует.

[22] Влахов С., Флорин С. Указанное сочинение. С. 57.

Жизнь и быт Ганы передаются при помощи гораздо меньшего количества слов-реалий: *Ghanaian [dances], mpintin, adowa, fufu*. Наиболее интересной трансформации подвергается слово-реалия *fufu*, обозначающее густую кашу, распространенную на территории Западной Африки, и функционирующее в качестве компонента фразеологизма: *That will be* ***dropping the fufu in the sand****, Mother.* ‘Это будет так, словно кашу в песок бросят, мама’. Так как фразеологизм, уходящий корнями в язык акан[23], не будет понятен русскоязычному читателю, В. С. Коткин подвергает его адекватной замене на аналогичный фразеологизм из русского языка: *Нет, это подольет масла в огонь, мама.* Остальные реалии передаются в соответствии с оригиналом; названия танцев транслитерируются и помещаются в кавычки, при этом в одном случае переводчик дает комментарий: *Нравится тебе и* ***наш женский танец «адова»***. При переводе словосочетания *Ghanaian dances* происходит грамматическая трансформация, обратная той, которую В. С. Коткин предпринимал при передаче колониальных реалий. Прилагательное заменяется соответствующим существительным; танцы называются *народными танцами Ганы*. Таким образом, из четырех слов-реалий, связанных с жизнью и бытом Республики Гана, переводчиком полностью сохраняются три, одна из них опускается и адекватно заменяется аналогом из языка перевода и еще одна эксплицируется при помощи переводческого комментария.

В целом количество речеупотреблений единиц, обозначающих быт Великобритании и США, в два раза превышает соответствующее количество реалий Западной Африки (восемь против четырех), что также позволяет автору имплицитно продемонстрировать влияние колониального прошлого на жизнь молодого государства.

Выводы

В рамках исследования были выделены 11 аксиологически нагруженных фрагментов пьесы Дж. де Графта «Sons and Daughters», в которых автор иронически и критически представляет идеи капитализма.

По результатам анализа было обнаружено 36 средств выразительности, используемых автором для передачи собственных ценностных ориентаций (таблица 1).

Этот арсенал средств выразительности, функционирующих на всех уровнях языка, представляет сложную задачу для переводчика, который подвергает оригинальный текст значительным трансформациям при передаче лингвоаксиологической нагруженности на русский язык. Обнаруженные 25 трансформаций представлены в таблице 2.

[23] Arhinful K. Food metaphors in Akan. A Thesis in the Department of Applied Linguistics, Faculty of Foreign Languages Education and Communication, Submitted to the School of Graduate Students in Partial Fulfilment of the Requirements for the Award of the Degree Master of Philology (Applied Linguistics) in the University of Education, Winneba. 2020. P. 72.

CC BY

Таблица 1. *Средства выразительности, отражающие ценностные ориентации Дж. де Графта в пьесе «Sons and Daughters»*
Table 1. *Expressive means used to convey J. de Graft's value orientations in the play "Sons and Daughters"*

Средство выразительности	Количество речеупотреблений
использование стилистического потенциала синтаксической компрессии, избыточности, редистрибуции и транспозиции (назывных предложений, риторических вопросов, восклицаний, императивных конструкций, эллипсиса, полисиндетона)	8
использование стилистического потенциала лексики и фразеологии (стилистически окрашенной лексики, фразеологизмов)	7
гипербола и мейозис	4
анафорический повтор	3
антитеза	3
использование стилистического потенциала модальности (эпистемической, перцептивной, деонтической, буломаической)	3
повторы лексических единиц	3
анадиплозис (повтор-сцепка)	1
градация	1
параллелизм	1
эмфатическая пунктуация	1
эпитет	1

Таблица 2. *Переводческие трансформации, использованные В. С. Коткиным для передачи лингвоаксиологической нагруженностив пьесе Дж. де Графта «Sons and Daughters»*
Table 2. *Translation techniques used by V. S. Kotkin to convey the linguistic and axiological meanings in the play "Sons and Daughters" by J. de Graft*

Переводческая трансформация	Количество использований
грамматическая замена	10
компенсация	8
экспликация	2
модуляция	2
лексическая замена	1
метафоризация	1
подбор эквивалента	1

Представляется очевидным, что наиболее частой трансформацией становится грамматическая замена, что коррелирует с преобладанием средств выразительности, функционирующих в оригинальном тексте пьесы именно на уровне синтаксиса. Менее частотной, но также распространенной является компенсация, которая необходима при утрате исходных средств выразительности при переводе. В некоторых случаях В. С. Коткин прибегает к таким редким переводческим трансформациям, как метафоризация, и их использование представляется адекватным.

Помимо этого, в тексте функционируют слова-реалии, помогающие описать жизнь и быт Республики Гана (четыре единицы в четырех речеупотреблениях) и колониальных центров (шесть единиц в восьми речеупотреблениях). Почти все они передаются в переводе. Две единицы эксплицируются, столько же опускается в силу недостаточной семантической прозрачности, но одна из них подвергается адекватной замене.

Анализ лингвоаксиологического наполнения произведения подтверждает иронию Дж. де Графта в отношении идей капитализма и склонность драматурга к их критике с марксистских позиций. Широкий арсенал средств выразительности демонстрирует готовность писателя выражать свои лингвоаксиологические ориентации, а большое количество используемых трансформаций при переводе текста на русский язык демонстрирует сложность переводческой задачи при передаче этого наполнения.

CC BY

Список литературы

Гольцева Е. А. Роль лингвоаксиологического анализа текста на уроках русского языка // Наука и школа. № 4. 2022. С. 225-230. DOI 10.31862/1819-463X-2022-4-225-230. EDN KNKZDE

Шанский Н. М. Лингвистический анализ художественного текста. Москва : Флинта, 2022. 416 с.

Яковлев А. И. Ценностные взгляды Кваме Нкрумы как идеолога постколониальной системы образования в Республике Гана // Педагогика и психология современного образования: теория и практика : материалы научной конференции. В 2-х ч. (Ярославль, 3–4 апреля 2025 г.). Ярославль : Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2025. С. 167-172. EDN AJBXRR

References

Goltseva, E. A. (2022). The role of linguo-axiological analysis of a literary text in Russian language lessons. *Science and school, 4*, 225-230. EDN: KNKZDE. https://doi.org/10.31862/1819-463X-2022-4-225-230

Shansky, N. M. (2022). Linguistic analysis of a literary text., 416.

Yakovlev, A. I. (2025). The value system of Kwame Nkrumah as an ideologist of post-colonial system of education in Ghana. *Pedagogics and psychology of modern science education. Theory and practice*: proceedings of the scientific conference. In 2 p. (Yaroslavl, April 3-4, 2025), 167-172. EDN: AJBXRR

Информация об авторе

Яковлев Артем Игоревич – кандидат филологических наук, доцент,
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
г. Ярославль, Российская Федерация;
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6268-938X;
e-mail: a.yakovlev@yspu.org,
artyakovlev@googlemail.com

Information about the author

Artem I. Yakovlev – Cand. Sci. (Phil.),
associate professor,
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K.D. Ushinsky,
Yaroslavl, Russian Federation;
ORCID: https://orcid.org/0009-0001-6268-938X;
e-mail: a.yakovlev@yspu.org,
artyakovlev@googlemail.com

Поступила в редакцию 23.05.2026
Принята к публикации 14.06.2026
Опубликована 19.06.2026

Received 23 May 2026
Accepted 14 June 2026
Published 19 June 2026

CC BY